ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Чикова Анастасия Евгеньевна

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Специальность 5.2.5. Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, доцент
Шаповалов Владимир Владимирович

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 28

1.1. Теоретико-методологические основы международной экономической интеграции 28

1.2. Трансформация теоретических подходов к исследованию международной экономической интеграции в условиях современного этапа развития мировой экономики 43

1.3. Методологические основы сравнительного анализа стран — участниц интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости 59

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ДИНАМИКУ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ..... 68

2.1. Трансформация глобальной архитектуры мировой экономики в условиях деглобализации..... 68

2.2. Влияние фрагментации мировой экономики на современные интеграционные процессы 83

2.3. Роль интеграционных объединений как полюсов экономической силы в современной глобальной экономике..... 96

ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ..... 109

3.1. Исследование динамики благосостояния и экономической конвергенции стран — участниц интеграционных объединений..... 109

3.2. Сравнительный анализ динамики взаимной торговли в интеграционных объединениях..... 119

3.3. Сравнительный анализ динамики взаимных прямых иностранных инвестиций в интеграционных объединениях 133

3.4. Количественная оценка стратегической устойчивости стран — участниц интеграционных объединений 143

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 163

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется фундаментальной трансформацией архитектуры международных экономических отношений, сложившейся после Второй мировой войны. На протяжении последних десятилетий доминирующей парадигмой развития мировой экономики выступала глобализация, понимаемая как процесс углубления взаимозависимости национальных экономик, либерализация трансграничного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также усиление роли наднациональных институтов регулирования. Данный период ознаменовался беспрецедентным ростом объёмов международной торговли, опережавшим темпы роста мирового валового внутреннего продукта, стремительным расширением глобальных цепочек создания стоимости и активным заключением региональных торговых соглашений. Казалось, что мир неуклонно движется по пути всё большей открытости и интеграции, а вероятность разворота в сторону протекционизма представлялась маловероятной в академическом дискурсе.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов стал переломным моментом, обнажившим системные уязвимости глобализации и запустившим процессы, которые в совокупности могут быть охарактеризованы как феномен деглобализации. Последовавшее за кризисом замедление темпов роста мировой экономики, стагнация объёмов международной торговли и повышение волатильности трансграничных потоков капитала свидетельствовали о том, что прежняя модель развития исчерпала свой потенциал.

Пандемия COVID-19, вызвавшая беспрецедентные сбои в глобальных цепочках поставок, закрытие границ и резкое сокращение международной мобильности, выступила мощнейшим катализатором уже назревших тенденций. Она наглядно продемонстрировала, что стремление к максимизации экономической эффективности за счёт концентрации

производств в ограниченном числе юрисдикций оборачивается критической уязвимостью перед лицом глобальных шоков.

Эскалация геополитической напряжённости, последовательно нараставшая с 2014 года и достигшая принципиально нового уровня в 2022 году, окончательно подорвала основы доверия между ведущими державами и придала процессам деглобализации необратимый и политически мотивированный характер. Санкционное противостояние, вышедшее далеко за рамки традиционных протекционистских мер и превратившееся в инструмент системного внешнего давления, привело к фрагментации единого экономического пространства, реконфигурации устоявшихся производственно-логистических цепочек и переориентации товарных и инвестиционных потоков, подчинённых геополитическим, а не только экономическим императивам.

В условиях нарастающей турбулентности и фрагментации мирового экономического пространства интеграционные объединения оказываются перед лицом беспрецедентных вызовов, которые одновременно открывают и новые возможности для их развития. С одной стороны, усиление протекционизма и торговых войн, кризис многосторонних институтов регулирования, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), а также нестабильность мировой финансовой системы подрывают основы открытой экономической интеграции, ориентированной на либерализацию внешних связей. С другой стороны, именно интеграционные объединения начинают рассматриваться их участниками как естественные «гавани безопасности», позволяющие консолидировать ресурсы, снизить коллективную уязвимость перед внешними шоками и укрепить переговорные позиции в условиях глобальной неопределённости. Интеграция перестаёт быть исключительно инструментом максимизации экономической выгоды от доступа на рынки и начинает выполнять принципиально новые, защитные и стратегические функции, связанные с обеспечением коллективной устойчивости, технологического, энергетического и продовольственного суверенитета.

Данная трансформация функций и целеполагания интеграционных процессов требует принципиального переосмысления теоретических подходов к их анализу. Традиционные концепции, разработанные во второй половине XX века, — от линейной модели «ступеней интеграции» до теорий таможенного союза и оптимальных валютных зон — были ориентированы на объяснение интеграции как поступательного движения ко всё более глубоким формам экономического взаимодействия в условиях относительно стабильной и предсказуемой внешней среды. Они исходили из предпосылки, что основным драйвером и критерием эффективности интеграции являются чистые экономические выгоды, измеряемые через динамику экономического роста стран-участниц, взаимной торговли и инвестиций. Современная же реальность, характеризующаяся высокой степенью неопределённости и фрагментацией глобального экономического пространства, ставит под сомнение универсальность данных моделей и требует разработки нового аналитического аппарата, способного объяснить, каким образом интеграционные объединения адаптируются к новой среде и чем определяется их устойчивость в условиях множественных кризисов.

Особую актуальность данная тема приобретает в условиях становления полицентричной архитектуры мировой экономики. Прежняя модель мироустройства, характеризующаяся безусловным лидерством Соединённых Штатов, сменяется принципиально новой конфигурацией, в рамках которой возрастающую роль приобретают интеграционные объединения с участием развивающихся стран. Они не только наращивают свой экономический потенциал, но и становятся акторами, формирующими новую глобальную повестку. При этом их институциональная структура, стратегические приоритеты и форматы внешнеэкономического сотрудничества существенно различаются, что свидетельствует о многообразии их адаптационных стратегий. Каждая из них представляет собой уникальный ответ на современные вызовы мировой экономики, обусловленные различными

факторами, в частности географическим положением, ресурсным потенциалом и историческим опытом взаимодействия.

Данные тенденции указывают на необходимость сравнительного анализа интеграционных объединений, который позволит не только дать оценку их экономической эффективности в традиционном понимании, но и выявить факторы, определяющие стратегическую устойчивость их стран-участниц. Отсутствие понимания рассматриваемых процессов с учётом современных реалий затрудняет возможность достоверного прогнозирования дальнейшей траектории развития мировой экономики и выработки аргументированных рекомендаций для национальных правительств и наднациональных институтов.

Таким образом, актуальность настоящего диссертационного исследования определяется объективными процессами деглобализации и фрагментации мировой экономики, фундаментально меняющими условия функционирования интеграционных объединений, необходимостью теоретического переосмысления роли и функций интеграционных объединений в современных реалиях, где на первый план выходят задачи обеспечения коллективной устойчивости и стратегической безопасности, а также потребностью в разработке нового методологического инструментария для сравнительной оценки эффективности интеграционных объединений и стратегической устойчивости их стран-участниц с целью выработки обоснованных рекомендаций в области внешнеэкономической политики. Все вышеизложенное предопределило выбор темы, постановку цели и задач настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности проблемы. Теоретические и прикладные аспекты экономической интеграции — закономерности формирования интеграционных объединений, их институциональная архитектура, влияние интеграционных процессов на экономическое развитие стран-участниц — традиционно являются объектом исследовательского интереса как в отечественной, так и в зарубежной экономической литературе. В научных

источниках подробно исследованы вопросы периодизации интеграционных процессов, классификации их форм, анализа статических и динамических эффектов, а также сравнения различных интеграционных моделей. Значительное внимание уделяется проблемам соотношения национального суверенитета и наднационального регулирования, поиску баланса между экономическими выгодами от либерализации и необходимостью защиты внутренних рынков, а также факторам, определяющим успешность и устойчивость интеграционных объединений.

Фундаментальный вклад в исследование международной экономической интеграции в отечественной науке был заложен трудами А.Н. Барковского[1], О.Т. Богомолова[2], Ю.А. Борко[3], О.В. Буториной[4], А.Н. Быкова[5], С.Ю. Глазьева[6], Л.И. Глухарева[7], В.В. Журкина[8], И.Д. Иванова[9], Н.Н. Иноземцева[10], Л.Л. Клочковского[11], Н.А. Ковальского[12],

[1] Барковский А. Н. экономические стратегии стран СНГ: поляризация интересов // Проблемы прогнозирования. — 2003. — № 3. — С. 131–142.

[2] Богомолов О. Т. Анатомия глобальной экономики : учеб. пособие. — М. : Академкнига, 2004. — 214, [1] с. : ил.

[3] Борко Ю. А. Как формировалась советская школа исследования европейской интеграции. Часть 1 // Современная Европа. — 2020. — № 4. — С. 5–15.

[4] Буторина О. В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. — 2024. — Т. 22, № 3–4. — С. 6–28.

[5] Быков А. Н. Евразийская интеграция, её перспективы и возможности // Российский экономический журнал. — 2014. — № 1. — С. 24–39.

[6] Глазьев С. Ю. Как построить Большое европейское пространство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 3. — С. 9–14.

[7] Глухарев Л. И. Европейские сообщества: в поисках новой стратегии. — М. : Международные отношения, 1990. — 286

[8] Журкин В. В. Журкин и европейские исследования в России // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. — № 1. — С. 315–319.

[9] Иванов И. Д. Мировая экономика, в которую интегрируется Россия // Белорусский экономический журнал. — 2008. — № 3. — С. 14–25.

[10] Максимова М. В., Быков О. Н., Мирский Г. И. Глобальные проблемы современности / отв. ред. Н. Н. Иноземцев ; Акад. наук СССР, Ин-т экономики мир. социал. системы. — М. : Мысль. 1981. — 285 с.

[11] Клочковский Л. Л. Латинская Америка и мировые центры силы // Латинская Америка. — 2016. — № 8. — С. 8–27.

[12] Европейский союз на пороге XXI века : выбор стратегии развития / В. Шемятенков, А. Тэвдой-Бурмули, О. Буторина [и др.] ; под ред. Ю. А. Бортко и О. В. Буториной. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 472 с.

Г.М. Костюниной[13], Н.Н. Ливенцева[14], М.М. Максимовой[15], П.А. Минакира[16], Ю.А. Матвеевского[17], З.И. Романовой[18], Ю.И. Рубинского, В.П. Фёдорова[19], Е.С. Хесина[20], Г.И. Чуфрина[21], В.Н. Шенаева[22], В.Г. Шемятенкова[23], И.К. Шереметьева[24], Ю.В. Шишкова[25], Н.П. Шмелева[26] и Ю.И. Юданова[27].

На современном этапе значительный вклад в развитие отечественной школы исследований мировой экономики и интеграционных процессов вносят работы И.В. Андроновой[28], В.В. Архиповой[29], С.А. Афонцева[30],

[13] Костюнина Г. М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20, № 2. — С. 303–317.

[14] Ливенцев Н. Н., Ревенко Л. С. Внешняя торговля: взгляд в прошлое для движения в будущее / Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 2. — С. 297–300.

[15] Максимова М. М. К вопросу об отечественной теории интеграции // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 6. — С. 104–113.

[16] Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Горюнов А. П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономической пространстве России // 9 междунар. науч.-практ. конф. «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», Курск, 05–06 июня 2018 года : [сб. трудов конф.]. — М. : ИНИОН РАН, 2018. — С. 885–888. — (Россия: тенденции и перспективы развития / ИНИОН РАН ; вып. 13, ч. 2).

[17] Матвеевский Ю. А. Европейская интеграция в исторической ретроспективе : монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Европ. учеб. ин-т. — М. : МГИМО-Университет, 2011. — 252 с.

[18] Романова З. И. Латинская Америка: региональная интеграция на новом витке развития // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 10. — С. 88–98.

[19] Фёдоров В. П. Россия в ансамбле Европы / Ин-т Европы Рос. акад. наук. — М. : Экслибрис-Пресс, 2002. — 63 с. — (Доклады Института Европы ; № 86).

[20] Хесин Е. С. Влияние Брекзита на уровень и качество жизни в Великобритании // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 51–60.

[21] Чуфрин Г. И. Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России // Россия и новые государства Евразии. — 2017. — № 1. — С. 9–20.

[22] Шмелёв Н. П., Шенаев В. Н., Масленников А. А. Мировая экономика: вызовы глобализации // Современная Европа. — 2008. — № 1. — С. 132–138.

[23] Шемятенков В. Г. Западноевропейский капитализм — век XXI // Современная Европа. — 2004. — № 2. — С. 5–18.

[24] Шереметьев И. К. Стратегия латиноамериканских стран на новом витке мирового развития // Латинская Америка. — 2013. — № 2. — С. 4–16.

[25] Шишков Ю. В. Полвека успешной интеграции // Мир перемен. — 2007. — № 1. — С. 126–144.

[26] Шмелёв Н. П., Фёдоров В. П. Российские реалии: процессы региональной интеграции и экономической трансформации // Белорусский экономический журнал. — 2013. — № 2. — С. 43–56.

[27] Юданов Ю. И. Единое европейское пространство // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 2. — С. 53–57.

[28] Еликбанов К. Н, Андронова И. В. Пять лет единому рынку ЕАЭС: некоторые итоги // Современная Европа. — 2021. — № 2. — С. 99–110.

[29] Архипова В. В. Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства // Экономическое возрождение России. — 2023. — № 1. — С. 35–49.

[30] Афонцев С. А. Евразийский экономический союз: сценарии развития интеграции // Бюджет. — 2019. — № 1. — С. 80–83.

А.А. Байкова[31], Л.Б. Вардомского[32], Е.Ю. Винокурова[33], М.Ю. Головнина[34], Н.П. Гусакова[35], В.М. Давыдова[36], Е.Б. Завьяловой[37], Т.М. Исаченко[38], Н.Ю. Кавешникова[39], Н.Б. Кондратьевой[40], Н.Н. Котлярова[41], А.В. Кузнецова[42], А.М. Либмана[43], Ю.Н. Мосейкина[44], А.Ю. Пак[45], М.А. Потапова[46], А.Н. Спартака[47], Д.И. Ушкаловой[48], А.Н. Федоровского[49],

[31] Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 38–53.

[32] Вардомский Л. Б. О взаимодействии евразийских интеграционных проектов // Проблемы современной экономики. — 2023. — № 4. — С. 20–22.

[33] Винокуров Е. Ю., Либман А. М. Евразийская континентальная интеграция / Европейский Банк Развития — СПб. : Центр интеграционных исследований, 2012. — 210 с. : ил.

[34] Головнин М. Ю., Захаров А. В., Ушкалова Д. И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — Т. 60, № 4. — С. 61–69.

[35] Гусаков Н. П., Тинькова А. А. Формы приграничного сотрудничества в контексте развития интеграционных процессов Евразийского экономического союза // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 241, № 3. — С. 332–341.

[36] Давыдов В. М., Кодзоев М. А. М. Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69, № 1. — С. 39–52.

[37] Завьялова Е. Б. Объективные предпосылки интеграционных процессов: вне времени и пространства // Расширение сотрудничества российских высших учебных заведений на постсоветском пространстве : сб. тез. междунар. науч.-практ. конф., Москва, РУДН, 17 марта 2015 г. / Рос. ун-т дружбы народов. — М. : РУДН, 2015. — С. 109–118.

[38] Исаченко Т. М. Эволюция евразийской интеграции: перспективы и риски // Мосты. — 2015. — Т. 8, № 1. — С. 1–6.

[39] Кавешников Н. Ю. «Зелёный курс» как триггер углубления интеграции в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 6. — С. 93–107.

[40] Кондратьева Н. Б. Европейская модель интеграции рынков: становление и перспектива : монография / Рос. акад. наук, Ин-т Европы Рос. акад. наук. — М. : РАН, 2020. — 376, [7] с.

[41] Котляров Н. Н., Левченко Л. В. Россия в интеграционных процессах в зоне АТР // Вопросы экономики и права. — 2016. — № 101. — С. 77–82.

[42] Кузнецов А. В. Ускорение экономического разворота России на Глобальный Юг в 2022 году // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 241. — С. 158–163.

[43] Либман А. М., Хейфец Б. А. Модели региональной интеграции. — М. : Экономика, 2011. — 333 с.

[44] Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов / И. В. Андронова, И. Н. Белова, М. В. Ганеева, Ю. Н. Мосейкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 117–130.

[45] Пак А. Ю. Сравнительный анализ элементов промышленной политики государств — членов ЕАЭС на современном этапе // Экономика и предпринимательство. — 2024. — № 2. — С. 139–147.

[46] Потапов М. А., Котляров Н. Н. Эволюция подходов Китая к экономической интеграции в АТР // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 2. — С. 63–72.

[47] Спартак А. Н. Перспективы развития постсоветской экономической интеграции // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития : сб. тез. докладов нац. науч. практ. конф. : в 2 т. / Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова. — М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2020. — Т. 2. — С. 69–72

[48] Ушкалова Д. И. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом: механизмы торговой интеграции // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 6. — С. 24–34.

[49] Федоровский А. Н. АТЭС и перспективы региональной интеграции // Азия и Африка сегодня. — 2018. — № 6. — С. 44–50.

Б.А. Хейфеца[50], А.Н. Цибулиной[51], А.А. Широва[52], Л.В. Шквари[53] и П.П. Яковлева[54].

Концептуальную основу теории международной экономической интеграции сформировали классические работы М. Алле[55], Б. Балассы[56], Дж. Вайнера[57], Г. Джонсона[58], Х. Кастена[59], Ч. Киндлбергера[60], Дж. Кейнса[61], Р. Купера[62], Р. Липси[63], Ф. Листа[64], Р. Манделла[65], Б.Ф. Массела[66], А. Маршалла[67], Ф. Махлупа[68], Дж. Мида[69], Г. Мюрдаля[70], Ф. Перру[71],

---

[50] Хейфец Б. А. ЕАЭС в трансформирующейся системе регионализации глобальной экономики // Общество и экономика. — 2026. — № 3–4. — С. 137–152.

[51] Цибулина А. Н., Кавешников Н. Ю. Динамика законотворческого процесса в области Единого внутреннего рынка Европейского союза // Политическая наука. — 2022. — № 3. — С. 256–375.

[52] Широв А. А. О выборе дальнейшей модели интеграции для Евразийского экономического союза // ЭКО. — 2016. — № 12. — С. 66–79.

[53] Шкваря Л. В., Абдулай М. С. ЭКОВАС: интеграция vs дезинтеграция // Азия и Африка сегодня. — 2024. — № 8. — С. 33–41.

[54] Яковлев П. П. МЕРКОСУР: позади 30 лет. Что впереди? // Российский внешнеэкономический вестник. — 2021. — № 11. — С. 30–48.

[55] Allais M. Économie et intérêt : présentation nouvelle des problèmes fondamentaux relatifs au rôle économique du taux de l'intérêt et de leurs solutions. — Paris : Imprimerie Nationale, 1947.

[56] Balassa B. The theory of economic integration. — Homewood : Richard D. Irwin, 1961. — 304 p.

[57] Viner J. The customs union issue. — New York : Carnegie Endowment for International Peace, 1950. — VIII, 221 p.

[58] Johnson H. G. An economic theory of protectionism, tariff bargaining, and the formation of customs unions // Journal of Political Economy. — 1965. — Vol. 73, iss. 3. — P. 256–283.

[59] Kasten H. Die Europäische Die Europäische Wirtschaftsintegration : Grundlagen. — München : Fink, 1978. — 130 s. — (Uni-Taschenbücher ; 690).

[60] Kindleberger C. P. Foreign trade and the national economy. — London ; New Haven : Yale University Press, 1962. — 265 p. – (Studies in comparative economic ; 2).

[61] Keynes J. M. The general theory of employment, interest, and moneys. — London : Macmillan and Co., 1936. — 472 p.

[62] Cooper R. N. The economics of interdependence: economic policy in the Atlantic Community. — New York [et al.] : McGraw-Hill, 1968. — XIV, 302 p. – (The Atlantic policy studies).

[63] Lipsey R. G. The theory of customs unions: a general survey // The Economic Journal. — 1960. — Vol. 70, iss. 279. — P. 496–513.

[64] List F. The national system of political economy. — London : Longmans, Green & Co., 1909. — 366 p.

[65] Mundell R. A. A theory of optimum currency areas // The American Economic Review. — 1961. — Vol. 5, no. 4. — P. 657–665.

[66] Massel B. F. Price stabilization and welfare // The Quarterly Journal of Economics. — 1969. — Vol. 83, iss. 2. — P. 284–298.

[67] Marshall A. Principles of economics. — London ; New York : Macmillan, 1890. — VII, 750 p.

[68] Machlup F. A history of thought on economic integration. — New York : Columbia University Press, 1977. — 323 p.

[69] Meade J. E. The theory of customs unions. — Amsterdam : North-Holland, 1955. — 121 p.

[70] Myrdal G. An international economy : problems and prospects. — New York : Harper & Row, 1969. — XI, 381 p.

[71] Perroux F. L'Europe sans Rivages. — Paris : Presses Universitaires de France, 1954. — 668 p.

В. Рёпке[72], Д. Рикардо[73], С. Рольфа[74], У. Ростоу[75], Ж. Рюэффа[76], П. Самуэльсона[77], Р. Санвальда[78], Ж.-Б. Сэя[79], Т. Скитовски[80], Ж. Столпера[81], Я. Тинбергена[82], Г. Хаберлера[83].

К классическим работам на стыке экономики и политологии относятся труды Г. Алмонда[84], Р. Кеохейна[85], Л. Линдберга[86], Д. Митрани[87], У. Молле[88], Э. Моравчика[89], Р. Патнэма[90], Дж. Пиндера[91], С. Пистоне[92], П. Райнша[93],

[72] Röpke W. International economic disintegration / with an appendix by A. Rüstow. — London [et al.] : William Hodge, 1942. — XII, 290 p.

[73] Ricardo D. On the principles of political economy and taxation. — London : John Murray, 1817. — XII, 538 p.

[74] Rolfe S. E. The international corporation. — Paris : International Chamber of Commerce, 1969. — 202 p.

[75] Rostow W.W. The stages of economic growth : a non-communist manifesto. — Cambridge : Cambridge University Press, 1960. — 178 p.

[76] Rueff J. L'orde social : [en 2 vol.]. — Paris : Recueil Sirey, 1945. — 2 vol.

[77] Samuelson P. Foundations of economic analysis. — Oxford : Oxford University Press, 1947. — 448 p.

[78] Sannwald R., Stohler J. Economic integration : theoretical assumptions and consequences of European unification / translated by H. F. Karreman. — Princeton : Princeton University Press, 1961. — 278 p.

[79] Say J.-B. A Treatise on political economy; or, The production, distribution and consumption of wealth. — Philadelphia : Lippincott, Grambo & Co., 1855. – XLVII, 455 p.

[80] Scitovsky T. Economic theory and Western European integration. — London : George Allen & Unwin, 1958. — 156 p.

[81] Sanwald R., Stohler J. Economic integration : theoretical assumptions and consequences of European unification / transl. by H. F. Karreman. — Princeton : Princeton University Press, 1961. — 278 p.

[82] Tinbergen J. International economic integration. — Amsterdam [et al.] : Elsevier, 1954. — 191 p.

[83] Haberler G. The theory of international trade : with its applications to commercial policy / transl. from German by A. Stonier and F. Benham. — London [et al.] : William Hodge & Company, 1936. — IX, 408 p.

[84]. The politics of the developing areas / J. S. Coleman, L. W. Pee, M. Weiner [et al.] ; eds. G. A. Almond, J. S. Coleman. — Princeton : Princeton University Press, 1960. — XII, 591 p.

[85] Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence : world politics in transition. — Boston : Little, Brown and Company, 1977. — 273 p.

[86] Lindberg L. N. The political dynamics of European economic integration. — Stanford : Stanford University Press ; London : Oxford University Press, 1963. — XIV, 367 p.

[87] Mitrany D. A Working peace system : an argument for the functional development of international organization. — London : Royal Institute of International Affairs, 1943. — 56 p.

[88] Molle W. The economics of European integration : theory, practice, policy. — Hanover : Dartmouth, 1990. — XIV, 446 p.

[89] Moravcsik A. The choice for Europe : social purpose and state power from Messina to Maastricht. — Ithaca : Cornell University Press, 1998. — XII, 512 p.

[90] Putnam R. D. Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games // International Organization. — 1988. — Vol. 42, no. 3. — P. 427–460.

[91] Pinder J. European community and nation-state: a case for a neo-federalism? // International Affairs. — 1985. — Vol. 62, iss. 1. — P. 41–54.

[92] Pistone S. L'Integrazione Europea : uno schizzo storico. — Torino : UTET Libreria, 1999. — 100 p.

[93] Reinsch P. S. Public international unions : their work and organization : a study in international administrative law. — Boston : Ginn & Company, 1911. — 190 p.

А. Спинелли[94], К. Фридриха[95], Э.Б. Хааса[96], Ф. Шмиттера[97], А. Этциони[98], внёсших фундаментальный вклад в понимание политико-экономической природы интеграционных процессов.

Современная зарубежная литература, посвящённая интеграционным процессам в условиях деглобализации и фрагментации мировой экономики, представлена работами А. Ачарии[99], Т.А. Бёрзеля[100], Р. Болдуина[101], Дж. Бхагвати[102], П. Дрисдейла[103], Х. Кастена[104], Р. Кеохейна[105], П. Кругмана[106], Ш.Г. Надя[107], М. Обстфельда[108], П. Риджирозци[109],

[94] Spinelli A., Rossi E. Il Manifesto di Ventotene “Per un’Europa libera e unita”. — Ventotene, 1941. — 25 p.

[95] Friedrich C. Constitutional government and politics, nature and development. — New York ; London : Harper & Brothers Publishers, 1937. —XVI, 591 p.

[96] Haas E. B. The uniting of Europe : political, social and economic forces, 1950–1957. — Redwood City : Stanford University Press, 1958. — 552 p.

[97] Schmitter P. C. Three neo-functional hypotheses about international integration // International Organization. — 1969. — Vol. 23, iss. 1. — P. 161–166.

[98] Etzioni A. Political unification : a comparative study of leaders and forces. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1965. — 346 p.

[99] Acharya A. Comparative regionalism: a field whose time has come? // The International Spectator. — 2012. — Vol. 47, iss. 1. — P. 3–15.

[100] Börzel T. A. Comparative regionalism : a new research agenda. — Berlin : Freie Universität, 2011. — 38 p. — (KFG working paper series ; no. 28).

[101] Baldwin R. The great convergence: information technology and the new globalization. — Cambridge : Harvard University Press, 2016. — 329 p.

[102] Bhagwati J. The world trading system at risk. — Princeton : Princeton University Press, 1991. — 156 p.

[103] Drysdale P. International economic pluralism: economic policy in East Asia and the Pacific. — New York : Columbia University Press, 1988. — 294 p.

[104] Kasten H. Die Europäische Wirtschaftsintegration : Grundlagen. — München : Fink, 1978. — 130 s. — (Uni-Taschenbücher ; 690).

[105] Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence : world politics in transition. — Boston : Little, Brown and Company, 1977. — 273 p.

[106] Krugman P. Geography and trade / P. Krugman. — Leuven : Leuven University Press ; Cambridge : MIT Press, 1991. — XI, 142 p.

[107] Nagy S. G. The economics of regional integration. — London : Routledge, 2025. — 246 p.

[108] Obstfeld M. Globalization and macroeconomic performance // Journal of Money, Credit and Banking. — 2013. — Vol. 45, iss. 2. — P. 27–63.

[109] The rise of post-hegemonic regionalism : the case of Latin America / eds. P. Riggirozzi and D. Tussie. — Dordrecht ; New York : Springer, 2012. — XVII, 194 p.

Д. Родрика[110], Ф. Сёдербаума[111], А. Уинтерса[112], Дж. Фрэнкеля[113], Б. Хеттне[114], М. Шиффа[115] и А. Эль-Аграа[116].

Отдельную исследовательскую линию формируют работы экспертов международных организаций, посвящённые вопросам деглобализации и количественной оценке фрагментации, в частности труды Ч.Б. Ана[117], С. Айяра[118], М.А. Болхёйса[119], Б. Бонадио[120], К. Георгиевой[121], Г. Гопинат[122], П.-О. Гуринша[123], А. Каммера[124], Дж. Пизани-Ферри[125] и Ц. Чэня[126].

---

[110] Rodrik D. The globalization paradox: democracy and the future of the world economy. — New York : W.W. Norton & Company, 2011. — XXII, 322 p.

[111] Theories of new regionalism : a Palgrave Macmillan reader / ed. by F. Söderbaum and T. M. Shaw. — London : Palgrave Macmillan, 2003. — 270 p.

[112] Winters L. A. Regionalism versus multilateralism. — Washington : The World Bank, 1996. — 71 p. — (Policy Research Working Paper ; no. WPS 1687).

[113] The regionalization of the world economy / National Bureau of Economic Research ; ed. by J. A. Frankel. — Chicago : University of Chicago Press, 1998. — IX, 295 p. – (A National Bureau of Economic Research project report).

[114] Hettne B., Söderbaum F. The new regionalism approach // Politeia. — 1998. — Vol. 17, iss. 3. — P. 6–21.

[115] Schiff M., Winters L. A. Regional integration and development. — Washington : World Bank ; Oxford : Oxford University Press, 2003. — XVII, 321 p.

[116] El-Agraa A. M. The European Union : economics and policies. — 9th ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — XXVII, 489 p.

[117] Fragmenting foreign direct investment hits emerging economies hardest / J. B. Ahn, A. Habib, D. Malacrino, A. F. Presbitero // International Monetary Fund : [site]. — 2023. — April 5. — URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2023/04/05/fragmenting-foreign-direct-investment-hits-emerging-economies-hardest (accessed: 16.01.2026).

[118] Aiyar S., Ikyina A. Geo-economic fragmentation and the world economy // CEPR : [site]. — 2023. — 27 March. — URL: https://cepr.org/voxeu/columns/geo-economic-fragmentation-and-world-economy (accessed: 22.01.2025).

[119] Bolhuis M. A., Chen J., Kett B. Fragmentation in global trade : accounting for commodities / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2023. — 34 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 23/73). — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023073-print-pdf.pdf (accessed: 02.02.2026).

[120] Playing with blocs: quantifying decoupling / B. Bonadio, Z. Huo, E. Kan [et al.] // IMF eLibrary : [site]. — 2025. — URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2025/263/article-A001-en.xml (accessed: 21.07.2025).

[121] Georgieva K. The price of fragmentation. why the global economy isn't working for everyone // Foreign Affairs : [site]. — 2023. — August 22. — URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/price-fragmentation-global-economy-shock (accessed: 05.12.2025).

[122] Gopinath G. Navigating fragmentation, conflict, and large shocks // International Monetary Fund : [site]. — 2024. — June 21. — URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2024/06/21/sp062124-fdmd-nbu-nbp-annual-research-conference (accessed: 09.07.2025).

[123] Changing global linkages: a new cold war? / G. Gopinath, P.-O. Gourinchas, A. F. Presbitero, P. Topalova ; International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2024. — 23 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 24/76). — URL: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2024/English/wpiea2024076-print-pdf.ashx (accessed: 05.12.2025).

[124] Kammer A. Europe’s integration imperative // F&D Magazine. — 2025. — June. — P. 18–23. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/fandd/article/2025/06/kammer.pdf (accessed: 07.09.2025).

[125] Pisani-Ferry J. The economic policy consequences of the war // Bruegel : [site]. — URL: https://www.bruegel.org/policy-brief/economic-policy-consequences-war (accessed: 13.02.2026).

[126] Bolhuis M. A., Chen J., Kett B. Fragmentation in global trade : accounting for commodities / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2023. — 34 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 23/73). — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023073-print-pdf.pdf (accessed: 02.02.2026).

Несмотря на наличие обширной теоретической и эмпирической базы, ряд аспектов международной экономической интеграции требует переосмысления в контексте кардинально меняющейся глобальной экономической среды. Существующие методологии оценки эффективности интеграционных объединений ориентированы преимущественно на традиционные экономические показатели и не учитывают в полной мере их стратегические функции, связанные с обеспечением коллективной устойчивости к внешним шокам. Отсутствует комплексный инструментарий для сравнительной оценки стратегической устойчивости стран-участниц в условиях фрагментации мировой экономики. Существенным ограничением для проведения комплексных сравнительных исследований также выступает фрагментарность статистической информации и закрытый характер части данных о стратегических приоритетах интеграционных объединений, что обусловливает необходимость применения оригинальных методических подходов к их анализу и сопоставлению.

Область исследования. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки) и соответствует пунктам Паспорта научных специальностей ВАК, а именно:

- пункт 24 «Международная экономическая интеграция».
- пункт 4 «Интернационализация и глобализация экономических процессов»;
- пункт 1 «Мировое хозяйство, его структура, динамика и тенденции развития».

Объектом исследования являются национальные экономики стран — участниц интеграционных объединений.

Предметом исследования выступает влияние интеграционных процессов на их стратегическую устойчивость.

Цель исследования заключается в разработке новых подходов к оценке эффективности интеграционных объединений через призму обеспечения

стратегической устойчивости их стран-участниц в условиях структурной трансформации мировой экономики.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании были поставлены и решены следующие основные задачи.

1. Систематизировать теоретико-методологические подходы к исследованию международной экономической интеграции и на этой основе предложить авторскую методику сравнительной оценки интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости их стран-участниц, соответствующую реалиям современного этапа развития мировой экономики.

2. Провести комплексный анализ тенденций деглобализации и фрагментации мировой экономики и оценить их влияние на динамику интеграционных процессов.

3. Проанализировать процесс формирования новых центров экономической силы и определить роль интеграционных объединений в становлении полицентричной архитектуры мировой экономики.

4. Выявить характер соотношения между глубиной формальной интеграции и эффективностью интеграционных объединений на основе сравнительного анализа динамики благосостояния, интенсивности внутриблоковой торговли и взаимных прямых иностранных инвестиций.

5. Разработать и апробировать авторский методологический подход к сравнительной оценке стратегической устойчивости национальных экономик стран — участниц интеграционных объединений.

Гипотеза исследования. В условиях фрагментации и деглобализации мировой экономики, а также нарастающей глобальной неопределённости наблюдается трансформация предпосылок интеграции: чистая экономическая выгода перестаёт быть имманентным и безусловным свойством интеграционного процесса. Ключевой функцией интеграционных объединений становится обеспечение коллективной стратегической устойчивости. Эффективность интеграционных объединений определяется не столько глубиной формальной интеграции, сколько способностью их стран-

участниц адаптироваться к внешним вызовам, а также снижать критические зависимости в технологической, энергетической и продовольственной сферах.

Теоретическую основу исследования составляет синтез фундаментальных положений классической и современной теории международной экономической интеграции с авторским методологическим подходом, позволяющим более полно раскрыть глубинные процессы трансформации глобальной экономической архитектуры, становления полицентричного мироустройства, нарастания деглобализационных тенденций и формирования новых форм экономической консолидации в условиях усиливающейся фрагментации мирового хозяйства.

В основу настоящего диссертационного исследования легли труды представителей отечественной школы исследования интеграции. Исследования академика А.В. Торкунова[127], раскрывающие процессы формирования полицентричной архитектуры глобального пространства, создали теоретическую основу для анализа интеграционных объединений в контексте современной глобальной конфигурации и осмысления их роли как самостоятельных акторов в условиях современного этапа развития мировой экономики. Положения, обоснованные академиком С.Ю. Глазьевым[128] в рамках концепции интеграции как созидательной альтернативы либеральной глобализации и инструмента формирования нового мирохозяйственного уклада, применяются для обоснования защитных и стратегических функций интеграции в современных условиях. Подход, развиваемый в работах профессора А.А. Байкова[129], согласно которому ключевым типологическим признаком интеграции выступает не степень наднациональности, а приоритетная ориентация участников на развитие внутригрупповых связей, послужил теоретическим обоснованием для сопоставления объединений,

---

[127] Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 7–22.

[128] Глазьев С. Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 3. — С. 9–14.

[129] Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 38–53.

находящихся на разных стадиях формальной интеграции, и позволил рассматривать их как методологически сопоставимые объекты. Работы профессора О.В. Буториной[130], посвящённые анализу стадий интеграции и выявлению их ограничений, послужили теоретической основой для выдвижения гипотезы о нелинейном характере связи между глубиной формальной интеграции и её эффективностью.

Методологическая основа исследования. Достижение поставленной цели и решение исследовательских задач обеспечивается применением комплекса общенаучных и специальных методов исследования, что обеспечивает достоверность полученных результатов и обоснованность сформулированных выводов.

1. Системный подход, позволяющий рассматривать интеграционные объединения как сложные, многоуровневые системы, обладающие внутренней структурой, специфическими функциями и механизмами взаимодействия как между странами-участницами, так и с третьими странами и другими интеграционными объединениями.

2. Сравнительный анализ, обеспечивающий возможность проведения комплексной оценки эффективности интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН), а также выявления общих закономерностей и специфических особенностей функционирования объединений, находящихся на разных стадиях интеграции.

3. Методы экономико-статистического анализа, включающие расчёт относительных показателей для обеспечения сопоставимости объединений (ВВП по ППС на душу населения, объёмы внутриблоковой торговли и взаимных прямых иностранных инвестиций); анализ динамических рядов для определения долгосрочных тенденций развития интеграционных объединений; корреляционный анализ для выявления взаимосвязи между глубиной интеграции и макроэкономическими показателями стран-участниц.

---

[130] Буторина О. В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. — 2024. — Т. 22, № 3–4. — С. 6–28.

4. Метод индексной оценки, основанный на авторском подходе и включающий процедуру статистической нормализации разнородных показателей и использование весовых коэффициентов, что позволяет количественно оценить стратегическую устойчивость стран — участниц интеграционных объединений и провести их ранжирование по сопоставимой шкале.

5. Методы научной абстракции, индукции и дедукции, применяемые при обобщении эмпирических данных, формулировании выводов и проверке выдвинутой гипотезы о новых закономерностях развития интеграционных процессов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1990-х годов по настоящее время, что позволяет проследить трансформацию интеграционных процессов от этапа глубокой глобализации к современной фазе фрагментации мировой экономики.

Информационная база исследования сформирована на основе широкого круга источников, включающих официальные публикации и статистические данные международных организаций, документы и аналитические материалы интеграционных объединений, национальных статистических служб, а также результаты исследований ведущих научных и экспертных центров.

В настоящем исследовании, в том числе, использовались базы данных, статистические сборники и аналитические отчёты:

– Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД);

– Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО);

– Всемирного банка;

– Международного валютного фонда (МВФ);

– Всемирной торговой организации (ВТО);

– Евростата;

– Евразийской экономической комиссии (ЕЭК);

- ООН по статистике торговли товарами (Комтрейд ООН);
- Торговой карты Международного торгового центра;
- Центра инвестиционной политики ЮНКТАД;
- Института статистики ЮНЕСКО.

Научная новизна исследования заключается в разработке целостного авторского подхода к оценке эффективности интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости их стран-участниц, отражающего трансформацию интеграционных процессов в условиях фрагментации и деглобализации мировой экономики.

Основные результаты, определяющие научную новизну, заключаются в следующем.

1. Систематизированы положения традиционных теоретических подходов к исследованию международной экономической интеграции и на их основе предложен авторский подход к оценке эффективности интеграционных объединений, с помощью которого обосновано, что в современной мировой экономике движущей силой интеграции становится не столько максимизация взаимных экономических выгод, сколько обеспечение коллективной стратегической устойчивости, а именно способности стран — участниц объединения противостоять внешним шокам и обеспечивать суверенитет в критически важных областях (глава 1, параграф 1.2).

2. Эмпирически доказано наличие устойчивых процессов деглобализации и фрагментации мировой экономики как долгосрочной структурной тенденции, а не краткосрочной конъюнктурной реакции. Установлено, что политическая фрагментация опережает по темпам роста торговую, финансовую и миграционную составляющие, что позволяет количественно обосновать тезис о превалировании геополитических факторов над экономическими (глава 2, параграфы 2.1–2.2).

3. Выявлена трансформация глобальной экономической архитектуры от однополярной модели к полицентричной с определением роли интеграционных объединений как самостоятельных полюсов экономической

силы. На основе анализа динамики ВВП по ППС доказано системное перераспределение экономического влияния от развитых экономик к развивающимся и интеграционным объединениям с их участием (глава 2, параграф 2.3).

4. Верифицирована гипотеза о нелинейном характере соотношения между степенью интеграции и её экономической эффективностью. На основе сравнительного анализа динамики благосостояния, внутриблоковой торговли и взаимных потоков прямых иностранных инвестиций доказано, что ключевым критерием эффективности интеграционного объединения выступает его реальная способность генерировать устойчивый экономический рост и обеспечивать конвергенцию уровней развития стран-участниц (глава 3, параграфы 3.1–3.3).

5. Разработан оригинальный аналитический инструментарий — интеграционный индекс стратегической устойчивости, который представляет собой взвешенную композитную величину, включающую показатели степени технологического суверенитета, энергетической и продовольственной безопасности. Он позволяет провести объективное ранжирование интеграционных объединений по уровню их эффективности в контексте стратегической устойчивости стран-участниц (глава 3, параграф 3.4).

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии подходов к исследованию теории международной экономической интеграции применительно к современным условиям с учётом фрагментации и деглобализации мировой экономики. Предложенный автором подход к исследованию стратегической интеграции расширяет теоретические представления о функциях, движущих силах и критериях эффективности интеграционных объединений, смещая акцент с традиционного анализа экономических выгод на исследование механизмов обеспечения коллективной стратегической устойчивости. Проведённый сравнительный анализ интеграционных объединений обогащает теоретический инструментарий оценки их эффективности в контексте стратегической устойчивости стран-

участниц. Разработанная автором методология сравнительной оценки создает основу для дальнейших теоретических и прикладных исследований в данной области.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы национальными органами власти и наднациональными структурами интеграционных объединений при разработке и реализации долгосрочных стратегий развития, направленных на повышение стратегической устойчивости и укрепление конкурентных позиций стран-участниц, а также министерствами и ведомствами, отвечающими за внешнеэкономическую политику, для оценки рисков и выработки сбалансированной внешнеэкономической стратегии.

Положения, выносимые на защиту

1. В условиях трансформации мировой экономики формируется новая парадигма — стратегическая интеграция, которая приходит на смену традиционной модели, ориентированной исключительно на максимизацию экономических выгод. В отличие от классических подходов, движущей силой такой интеграции выступает обеспечение коллективной стратегической устойчивости — способности интеграционного объединения противостоять внешним шокам, сохранять суверенитет в критических сферах и реализовывать согласованные долгосрочные приоритеты в условиях фрагментации и деглобализации мировой экономики. По мнению автора, модель стратегической устойчивости следует операционализировать через три взаимосвязанных измерения — технологическое, энергетическое и продовольственное. (глава 1, параграфы 1.2–1.3).

2. Деглобализация и фрагментация мирового экономического пространства представляют собой не краткосрочную конъюнктурную реакцию, а долгосрочную структурную тенденцию, фундаментально меняющую условия функционирования интеграционных объединений. На основе анализа динамики ключевых макроэкономических индикаторов

эмпирически доказано, что наблюдается системный сдвиг от максимизации экономической эффективности интеграционных объединений к обеспечению стратегической устойчивости и снижению критических зависимостей стран-участниц. Фрагментация носит многомерный характер, охватывая торговую, финансовую, миграционную и политическую сферы, причём наиболее выраженную положительную динамику демонстрирует политическая фрагментация, что подтверждает приоритет геополитических факторов над экономическими (глава 2, параграфы 2.1–2.2).

3. Современная глобальная экономическая архитектура трансформируется от однополярной модели к полицентричной, в которой интеграционные объединения с участием развивающихся стран (АСЕАН, ЕАЭС, МЕРКОСУР) выступают самостоятельными полюсами экономической силы наряду с традиционными центрами силы, объединяющими промышленно развитые страны (ЕС, США). Анализ динамики ВВП по ППС подтверждает устойчивое перераспределение экономического влияния в пользу интеграционных объединений с участием развивающихся стран. При этом именно интеграционные объединения, обладающие институциональными механизмами согласования экономической политики, становятся ключевыми акторами формирования полицентричной архитектуры, способными консолидировать ресурсы в условиях глобальных вызов (глава 2, параграф 2.3).

4. Соотношение между глубиной формальной интеграции и реальной эффективностью интеграционных объединений носит нелинейный характер, что опровергает традиционное представление о безусловной целесообразности поступательного движения по «лестнице интеграции». Сравнительный анализ ЕС (экономический и валютный союз), ЕАЭС (общий рынок), МЕРКОСУР (таможенный союз) и АСЕАН (зона свободной торговли) по динамике благосостояния стран-участниц, интенсивности внутриблоковой торговли и взаимным потокам прямых иностранных инвестиций демонстрирует, что эффективность интеграционного объединения

определяется не формальной стадией интеграции, а сочетанием имеющейся ресурсной базы, согласованности стратегической повестки и способности обеспечивать конвергенцию уровней развития стран-участниц (глава 3, параграфы 3.1–3.3).

5. Предложенный автором интеграционный индекс стратегической устойчивости представляет собой инструмент количественной оценки способности стран — участниц интеграционных объединений противостоять внешним шокам в условиях фрагментации мировой экономики. Индекс интегрирует три ключевых измерения — технологическое (расходы на НИОКР в процентах от ВВП, количество опубликованных статей в рецензируемых научно-технических журналах и патентных заявок резидентов стран-участниц), энергетическое (чистый импорт энергии в процентах от энергопотребления, доля возобновляемой энергии в конечном потреблении, энергоёмкость первичной энергии) и продовольственное (импорт продовольствия в процентах от товарного импорта, индекс производства продовольствия, урожайность зерновых культур). Апробация индекса на выборке из четырёх объединений (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕАЭС) позволила не только провести их объективное ранжирование, но и выявить качественно различные модели стратегической устойчивости. Каждое объединение концентрируется на уникальной комбинации сильных сторон в трёх измерениях вместо равномерного углубления интеграции по всем направлениям (глава 3, параграф 3.4).

Апробация работы. Основные теоретические и эмпирические результаты диссертационного исследования нашли отражение в семи научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук по специальности 5.2.5. Мировая экономика:

1. Чикова А. Е. Формирование новых центров силы экономического влияния в условиях современного мирового порядка / А. Е. Чикова // Финансы и кредит. — 2026. — № 1. — С. 182–202.

2. Чикова А. Е. Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений / А. Е. Чикова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2026. — № 1. — С. 93–104.

3. Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию / А. Е. Чикова // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

4. Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики / А. Е. Чикова // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

5. Чикова А. Е. Трансформация интеграционных процессов в условиях деглобализации мировой экономики / А. Е. Чикова // Право и управление. XXI век. — 2026. — Т. 22, № 1. — С. 150–165.

6. Чикова А. Е. Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран / А. Е. Чикова // Право и управление. XXI век. — 2025. — Т. 21, № 1. — С. 195–206.

7. Чикова А. Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики / / А. Е. Чикова // Право и управление XXI век. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 91–101.

Основные выводы, рекомендации и предложения, изложенные в настоящем исследовании, докладывались автором на научных конференциях, посвящённых проблемам трансформации мировой экономики, фрагментации глобального экономического пространства, международной экономической интеграции и формирования полицентричной архитектуры глобального хозяйства, в том числе:

1) XXIII Международная конференция «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы» (СПбГУ, 16–18 апреля 2026 г.);

2) IV Международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2025» (МГИМО МИД России, 18–19 декабря 2025 г.);

3) Международная научная конференция «VII Ливенцевские чтения» (МГИМО МИД России, 5 декабря 2025 г.);

4) Международная научно-практическая конференция «Управление инфраструктурным развитием» (МГИМО МИД России, 23 сентября 2025 г.);

5) Международная научная конференция «Новое пространство международного сотрудничества» (МГИМО МИД России, 15 октября 2024 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из трёх глав, введения, заключения и списка литературы.

В первой главе «Теоретические основы и концептуальные подходы к исследованию международной экономической интеграции» систематизированы теоретико-методологические подходы к определению сущности международной экономической интеграции, выявлены достоинства и ограничения классических и современных подходов к исследованию научных школ. На основе критического анализа предложена авторская модель стратегической интеграции, отражающая трансформацию функций интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики. Определены три измерения коллективной стратегической устойчивости (технологическое, энергетическое, продовольственное) и обоснован выбор объектов сравнительного анализа (ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН).

Во второй главе «Влияние современных тенденций мировой экономики на динамику интеграционных процессов» исследованы процессы деглобализации и фрагментации как ключевых тенденций современного этапа развития мировой экономики. Проанализирована динамика ключевых макроэкономических индикаторов, подтверждающая системную стагнацию интеграционных процессов. Раскрыта политически мотивированная природа фрагментации, проявляющаяся в переориентации торговых и инвестиционных потоков в пользу политически близких юрисдикций. Исследованы процессы

формирования новых центров экономической силы и роль интеграционных объединений в становлении полицентричной архитектуры мировой экономики.

В третьей главе «Сравнительная оценка эффективности интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости» проведён сравнительный анализ четырёх интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР и АСЕАН) по следующим показателям: динамике благосостояния, интенсивности внутриблоковой торговли и взаимным потокам прямых иностранных инвестиций. Выявлен нелинейный характер соотношения между глубиной формальной интеграции и её экономической эффективностью. Разработан и апробирован авторский интеграционный индекс стратегической устойчивости, интегрирующий показатели оценки степени технологического суверенитета, энергетической и продовольственной безопасности, на основе которого была произведена количественная оценка интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости стран-участниц.

В заключении обобщены основные результаты диссертационного исследования, сформулированы выводы и практические рекомендации, вытекающие из проведённого анализа.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Теоретико-методологические основы международной экономической интеграции

На протяжении десятилетий движущей силой мировой экономики выступало формирование сложной, многоуровневой системы международных отношений. В данном контексте экономическая интеграция утвердилась в качестве одной из ключевых системообразующих тенденций, кардинально трансформирующей принципы организации глобальных хозяйственных отношений. Качественный сдвиг выражается в переходе от относительно простых моделей двустороннего взаимодействия к комплексной сетевой архитектуре интеграции, где государства одновременно выступают участниками нескольких интеграционных объединений, различающихся институциональной структурой, географическим охватом и функциональной направленностью[131].

Ключевой особенностью современного этапа интеграционных процессов выступает их всё более тесное переплетение с геоэкономическими и геополитическими факторами. Эволюция от преимущественно саморегулирующегося экономического процесса в инструмент стратегического соперничества стала устойчивой тенденцией последних лет, которая проявляется в качественном изменении характера международной конкуренции, тесно взаимосвязанной с политикой, а также в растущем применении инструментов внеэкономического давления. К последним относятся произвольные торгово-инвестиционные ограничения и экстерриториальные санкции, которые нередко вводятся в обход

[131] Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 38–53.

многосторонних правил Всемирной торговой организации (ВТО) под предлогом защиты национальной безопасности[132].

В этой связи научное осмысление сущностных характеристик и эволюции категории «экономическая интеграция» приобретает особую актуальность, выступая необходимой теоретико-методологической основой для анализа современных интеграционных процессов и оценки влияния глобальных тенденций на их развитие.

Прежде чем перейти к рассмотрению сущности экономической интеграции, представляется целесообразным обратиться к исследованию содержательного наполнения базового понятия «интеграция».

Этимологически понятие «интеграция» восходит к латинскому *integratio* («восстановление, соединение») и *integer* («целый, цельный»). Таким образом, интеграция представляет собой процесс формирования единства и целостности посредством объединения и сближения отдельных элементов, или, иными словами, образования целого из его составных частей[133].

Многоаспектность понятия «интеграция» обусловливает множественность подходов к его определению и междисциплинарный характер его изучения. В политической науке интеграция трактуется прежде всего как процесс формирования наднациональных институтов и добровольной передачи государственного суверенитета[134], в социологии интеграцию рассматривают сквозь призму формирования общей идентичности, выходящей за национальные рамки[135], а в юриспруденции — как гармонизацию национальных правовых систем[136]. Каждая дисциплина привносит свой понятийный аппарат, однако настоящее исследование,

---

[132] Громыко А. А. (Дез)интеграционные процессы: кризис глобального мира // Обозреватель. — 2020. — № 7. — С. 24–38.

[133] Большой толковый словарь / под ред. С. А. Кузнецова. — URL: https://gufo.me/search?term=интеграция (дата обращения: 03.10.2025).

[134] Haas E. B. The uniting of Europe : political, social and economic forces, 1950–1957. — Redwood City : Stanford University Press, 1958. — 552 p.

[135] Deutsch K. W. Political community at the international level : problems of definition and measurement. — New York : Doubleday, 1954. — 70 p.

[136] Право Европейского союза : учеб. для вузов / Е. С. Алисевич [и др.] ; под ред. А. Я. Капустина. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 384 с

посвящённое оценке эффективности интеграционных объединений как экономических систем, фокусируется на экономическом измерении интеграции, привлекая смежные дисциплинарные концепции лишь в той мере, в какой они раскрывают механизмы её функционирования (таблица 1.1.1).

Таблица 1.1.1

Подходы к определению понятия «интеграция» по научным областям

В экономическом измерении	
Ф. Лист (1789–1846)	Формирование сильного национального экономического пространства и «производительных сил» нации через согласованную политику, основанную на протекционизме[137]
А. Маршалл (1842–1924)	Усиление взаимосвязей между различными частями экономической системы (фирмами, отраслями, рынками), направленный на достижение синергии, более эффективное использование ресурсов и рост благосостояния[138]
Дж. Мид (1907–1995)	Процесс углубления связей между странами, выходящий за рамки свободной торговли и затрагивающий общие благосостояние и политику[139]
Н.Н. Иноземцев (1921–1982)	Углубление хозяйственных, политических и социальных связей между странами, обусловленное научно-техническим прогрессом и глобальными вызовами[140]
О.Т. Богомолов (1927–2015)	Процесс сближения и объединения национальных экономик в единое целое, основанный на глубоком разделении труда, специализации и кооперировании[141]
Г.Б. Клейнер (1946 — наст. вр.)	Фундаментальный процесс системного объединения, который формирует структуру, поведение и развитие экономических объектов на всех уровнях, от отдельной фирмы до национальной экономики в целом[142]
П. Кругман (1953 — наст. вр.)	Динамический процесс формирования пространственной структуры экономики, где компании и люди выбирают местоположение, реагируя на экономические стимулы и создавая сложные агломерации, а не просто «объединение рынков[143]
Д. Родрик (1957 — наст. вр.)	Инструмент, который должен служить экономическому развитию, но не ценой разрушения демократии и национальных основ общества[144]

[137] List F. Das nationale System der Politischen Ökonomie. — Stuttgart : J. G. Cotta, 1841. — 587 p.

[138] Marshall A. Principles of economics. — London ; New York : Macmillan, 1890. — VII, 750 p.

[139] Meade J. E. The theory of customs unions. — Amsterdam : North-Holland, 1955. — 121 p.

[140] Иноземцев Н. Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия. — М. : Мысль, 1972. — 341 с. — (Социально-экономические проблемы / XXIV съезд КПСС).

[141] Богомолов О. Т. Социалистическая экономическая интеграция. — М. : Мысль, 1976. — 263 с.

[142] Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. — 2013. — № 6. — С. 4–28.

[143] Krugman P. Geography and trade. — Leuven : Leuven University Press ; Cambridge : MIT Press, 1991. — XI, 142 p.

[144] Rodrik D. The globalization paradox : democracy and the future of the world economy. — New York : W. W. Norton & Company, 2011. — XXII, 322 p.

Р. Болдуин (1958 — наст. вр.)	Высшая степень интернационализации, при которой национальные рынки товаров, услуг, капитала и рабочей силы сливаются, создавая глубокую взаимозависимость[145]
В политическом измерении	
Ж. Монне (1888–1979)	Постепенное, функциональное объединение национальных сфер в наднациональные институты, создавая единое целое[146]
А. Спинелли (1907–1986)	Процесс создания новых, более широких политических сообществ через делегирование суверенных прав национальных государств наднациональным органам[147]
Э.Б. Хаас (1924–2003)	Процесс трансформации взаимодействия национальных институтов, ведущий к формированию многоуровневой системы управления с множеством центров принятия решений[148]
Г. Алмонд (1911–2002)	Ключевая функция, необходимая для выживания и стабильности системы, способность системы координировать и объединять различные части, группы и индивидов в единое целое[149]
Ф. Шмиттер (1936 — наст. вр.)	Передача суверенитета от национальных государств к наднациональным органам, основанный на «эффекте перелива» (spill-over), когда экономическое сотрудничество в одной сфере переходит в политическую и далее, формируя общие институты и интересы, что делает разрыв невозможным[150]
Р. Кеохейн (1941 — наст. вр.)	Процесс развития глубоких и устойчивых взаимосвязей между государствами, ведущий к образованию международных институтов, которые помогают управлять «сложной взаимозависимостью» и снижать конфликтность[151]
Э. Моравчик (1957 — наст. вр.)	Процесс, в рамках которого национальные правительства действуют исходя из своих чётко сформированных предпочтений, определяемых внутренними группами интересов, стремясь к сотрудничеству, а институты интеграционного объединения выступают как инструменты реализации согласованных национальных интересов ты реализации этих согласованных национальных интересов[152]
В.Г. Барановский (1950 — наст. вр.)	Направленный процесс сближения и взаимоприспособления, ведущий к формированию единого целого, передаче части суверенитета наднациональным органам для создания более высокого уровня взаимодействия между государствами[153]
В социологическом измерении	

[145] Baldwin R. The great convergence: information technology and the new globalization. — Cambridge : Harvard University Press, 2016. — 329 p.

[146] Monnet J. Mémoires. — Paris : Fayard, 1976. — 642 p.

[147] Spinelli A., Rossi E. Il Manifesto di Ventotene “Per un’Europa libera e unita”. — Ventotene, 1941. — 25 p.

[148] Haas E. B. The uniting of Europe : political, social and economic forces, 1950–1957. — Redwood City : Stanford University Press, 1958. — 552 p.

[149] The politics of the developing areas / J. S. Coleman, L. W. Pee, M. Weiner [et al.] ; eds. G. A. Almond, J. S. Coleman. — Princeton : Princeton University Press, 1960. — XII, 591 p.

[150] Schmitter P. C. Three neo-functional hypotheses about international integration // International Organization. — 1969. — Vol. 23, iss. 1. — P. 161–166.

[151] Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence: world politics in transition. — Boston : Little, Brown and Company, 1977. — 273 p.

[152] Moravcsik A. The choice for Europe : social purpose and state power from Messina to Maastricht. — Ithaca : Cornell University Press, 1998. — XII, 512 p.

[153] Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе : некоторые вопросы теории и практики. — М. : Наука, 1983. — 264 с.

Э. Дюркгейм (1858–1917)	Степень сплоченности общества, основанная на общих ценностях, нормах (коллективном сознании) и разделении труда, которая связывает индивидов в единое целое[154]
П.А. Сорокин (1889–1968)	Процесс объединения социальных явлений (общества, культуры, личности) в единую, целостную систему[155]
Н. Луман (1927–1998)	Объединение функциональных сфер общества, где каждая система вносит свой вклад в работу целого, оставаясь при этом уникальной и самодостаточной[156]
Т.И. Заславская (1927–2013)	Создание устойчивого общества путём согласования интересов и ценностей всех его элементов, где социальные акторы (люди, группы) выступают как субъекты данного процесса[157]

Источник: составлено автором.

Даже краткий обзор приведённых определений позволяет заключить, что теоретическая мысль об экономической интеграции развивалась не линейно, а преимущественно кумулятивно: каждое последующее поколение исследователей не столько опровергало выводы предшественников, сколько расширяло и углубляло понимание данного феномена. В частности, немецкий экономист Ф. Лист и английский экономист А. Маршалл обосновали экономическую целесообразность расширения рынков и объединения хозяйственных систем. В свою очередь, нидерландский экономист Я. Тинберген предложил разграничение негативной и позитивной интеграции, тем самым доказав, что интеграционные процессы не ограничиваются устранением барьеров, а предполагают целенаправленное формирование институциональной структуры[158].

Венгерский экономист Б. Баласса предложил рассматривать интеграцию в единстве её динамического и статического аспектов, а также разработал поэтапную модель интеграции, предусматривающую последовательный переход от зоны свободной торговли до полного экономического союза.

[154] Durkheim É. De la division du travail social : étude sur l'organisation des sociétés supérieures. — Paris : Felix Alcan, 1893. — 471 p. — (Bibliothèque de philosophie contemporaine.).

[155] Sorokin P. A. Society, culture, and personality: their structure and dynamics : a system of general sociology. — New York : Harper & Brothers, 1947. — XIV, 742 p.

[156] Луман Н. Социальные системы : очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. — СПб. : Наука, 2007. — 648 с.

[157] Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция. — М. : Дело, 2002. — 566 с.

[158] Tinbergen J. International economic integration. — Amsterdam [et al.] : Elsevier, 1954. — 191 p.

Стадийная модель Балассы остаётся основной концептуальной рамкой для анализа глубины интеграционных процессов[159]. При всех различиях подходов австро-американского экономиста Ф. Махлупа[160] и немецкого экономиста В. Рёпке[161] их объединяющей чертой является интерпретация интеграции как процесса перехода к положению, при котором национальные границы перестают играть роль значимых барьеров.

Работы конца XX — начала XXI века знаменуют собой новый этап в эволюции теории интеграции. Так, американский экономист П. Кругман обосновал, что интеграционные объединения формируются не стихийно, а в соответствии с объективными закономерностями, зависящими от территориальной близости и характера торговых отношений[162]. Американский и швейцарский экономист Р. Болдуин предложил понятие «глубокой интеграции», характеризующее переход от устранения тарифных барьеров к унификации регуляторных норм[163]. Между тем турецкий экономист Д. Родрик указал на неизбежное противоречие между углублением интеграции и сохранением национального суверенитета [164].

Анализ существующих подходов позволяет выявить некоторые расхождения. Часть исследователей (В. Рёпке[165], Ф. Махлуп[166]) понимает интеграцию как устранение барьеров и восстановление «естественного» рыночного обмена между странами. Другая часть (Я. Тинберген[167],

---

[159] Balassa B. The theory of economic integration. — Homewood : Richard D. Irwin, 1961. — 304 p.

[160] Machlup F. A history of thought on economic integration. — New York : Columbia University Press, 1977. — 323 p.

[161] Röpke W. International order and economic integration. — Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1959. — VIII, 276 p.

[162] Krugman P. Is bilateralism bad? / National Bureau of Economic Research. — Cambridge : MIT Press, 1989. — 22, [3] p. — (Working paper ; 2972).

Baldwin R. 21st century regionalism: filling the gap between 21st century trade and 20th century trade rules // CEPR : [site]. — 2011. — 20 May. — URL: https://cepr.org/publications/policy-insight-56-21st-century-regionalism-filling-gap-between-21st-century-trade-and (accessed: 03.05.2025).

[164] Rodrik D. The globalization paradox : democracy and the future of the world economy. — New York : W. W. Norton & Company, 2011. — XXII, 322 p.

[165] Röpke W. International order and economic integration. — Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1959. — VIII, 276 p.

[166] Machlup F. A history of thought on economic integration. — New York : Columbia University Press, 1977. — 323 p.

[167] Tinbergen J. International economic integration. — Amsterdam [et al.] : Elsevier, 1954. — 191 p.

Б. Баласса[168], Р. Болдуин[169]) утверждает, что само по себе снижение барьеров не способно обеспечить устойчивую интеграцию без целенаправленного создания наднациональных институтов.

Уточнение понятия «интеграция» позволяет перейти к непосредственному определению *экономической интеграции* как ключевого объекта исследования.

Согласно определению Организации Объединённых Наций (ООН), экономическая интеграция представляет собой добровольное объединение стран с целью достижения экономической выгоды посредством расширения торговли, координации экономической политики и создания условий для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы[170]. В данном определении подчёркивается добровольность участия, чёткая целевая ориентация и всеобъемлющий характер: интеграционный процесс выходит за рамки торгового обмена и предполагает координацию политических курсов и свободу движения факторов производства[171].

Всемирный банк (ВБ) рассматривает экономическую интеграцию преимущественно в контексте развития, подчёркивая роль либерализации торговых барьеров и углубления экономической взаимозависимости, выступающих основными факторами ускорения экономического роста и снижения уровня бедности[172].

Международный валютный фонд (МВФ) трактует экономическую интеграцию как процесс усиления взаимозависимости национальных

---

[168] Balassa B. The theory of economic integration. — Homewood : Richard D. Irwin, 1961. — 304 p.

[169] Baldwin R. The great convergence: information technology and the new globalization. — Cambridge : Harvard University Press, 2016. — 329 p.

[170] World Economic and Social Survey 2017 : reflecting on 70 years of development policy analysis / United Nations Secretariat, Department of Economic and Social Affairs. — Washington : UN publication, 2017. — 216 p. — URL: https://policy.desa.un.org/sites/default/files/inline-images/eapd2023/publication/WESS_2017-FullReport.pdf (accessed: 01.03.2026).

[171] Integration of the economies in transition into the world economy: the role of the United Nations : report of the Secretary-General / United Nations, General Assembly. — 1993, 4 October. — 30 p. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/174970?ln=en&v=pdf (accessed: 02.04.2025).

[172] Globalization, growth, and poverty : building an inclusive world economy / World Bank. — Washington : World Bank, 2002. — 192 p. — (A World Bank policy research report ; 23591). — URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/954071468778196576/pdf/multi0page.pdf (accessed: 14.06.2025).

хозяйств, обусловленный расширением трансграничных потоков товаров, услуг и капитала, равно как и трансфером технологий[173].

Согласно подходу Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), экономическая интеграция рассматривается прежде всего как механизм более эффективного встраивания развивающихся стран в мировую экономику и укрепления их переговорных позиций на международной арене[174].

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) рассматривает экономическую интеграцию как системный процесс объединения экономического потенциала двух и более государств. Данный процесс охватывает такие ключевые направления, как формирование общего рынка путём устранения национальных барьеров, гармонизация законодательных систем, выработка институциональных основ для устойчивого роста и повышение глобальной конкурентоспособности экономик стран — участниц объединений[175].

Сопоставление определений международных организаций свидетельствует об их принципиальном содержательном единстве: все они определяют экономическую интеграцию как целенаправленный процесс снятия барьеров и формирования единого экономического пространства. Различия же касаются лишь расстановки акцентов, обусловленной институциональными функциями и мандатом каждой организации.

Значительный вклад в развитие отечественных исследований экономической интеграции в период с 1960-х по конец 1980-х гг. внесли такие советские учёные, как Ю.А. Борко, Л.И. Глухарев, Н.Н. Иноземцев,

---

[173] Beyer R., Li C. Y., Weber S. Economic benefits from deep integration: 20 years after the EU Enlargement / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2025. — 21 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 25/47). — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2025/english/wpiea2025047-print-pdf.pdf (accessed: 02.03.2026).

[174] Development prospects in a fractured world: global disorder and regional responses : trade and development report, 2022. Chapter 4. Regional integration: issues at stake / UN Trade and Development (UNCTAD). — Geneva : UNSTAD, 2022. — 123 p. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_ch4_en.pdf? (accessed: 09.10.2025).

[175] Что такое экономическая интеграция? — 4 р. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a09/1.-CHto-takoe-ekonomicheskaya-integratsiya.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

Н.А. Ковальский, М.М. Максимова, Ю.И. Рубинский, Е.С. Хесин, В.Н. Шенаев и Ю.В. Шишков, которые изучали вопросы экономических эффектов интеграции, а также проблемы взаимодействия государства и рыночных механизмов в управлении интеграционными процессами[176].

Так, по мнению советского и российского экономиста доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Ю.В. Шишкова, отличительной чертой отечественной школы был содержательный, а не институциональный подход к изучению данного явления. Согласно данному подходу, интеграция прежде всего зарождается в регионах, наиболее развитых в технико-экономическом и социально-политическом отношении, постепенно охватывая новые страны по мере формирования у них необходимых экономических, политических и правовых предпосылок[177].

По мнению советского и российского экономиста академика РАН, доктора экономических наук, профессора Н.П. Шмелева, интеграционные процессы обусловлены ключевыми тенденциями глобальной экономики. К ним относятся углубление международного разделения труда, прогресс в научно-технической сфере, а также усиление специализации и кооперации на уровне национальных хозяйственных систем. Экономическая интеграция характеризуется комплексом взаимосвязанных факторов, к которым относятся наличие системы межгосударственного регулирования и единого воспроизводственного комплекса, устранение барьеров для свободного движения товаров, капитала и рабочей силы, а также сближение уровней экономического развития стран — участниц объединений[178].

В середине 1980-х гг. концептуальным вопросам развития интеграции были посвящены исследования таких российских учёных, как

---

[176] Буторина О. В., Кавешников Н. Ю. К 10-летию кафедры европейской интеграции // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4. — С. 59–70.

[177] Шишков Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 4. — С. 54–63.

[178] Шмелёв Н. П., Фёдоров В. П. Российские реалии: процессы региональной интеграции и экономической трансформации // Белорусский экономический журнал. — 2013. — № 2. — С. 43–56.

В.Г. Барановский, Ю.А. Борко, О.В. Буторина, С.Ю. Глазьев, В.В. Журкин, И.Д. Иванов, Г.М. Костюнина, Н.Н. Ливенцев, Ю.А. Матвеевский, В.П. Федоров, В.Н. Шенаев, В.Г. Шемятенков, Ю.И. Юданов и другие.

В частности, советский и российский экономист доктор экономических наук, профессор Ю.А. Борко исследовал экономическую интеграцию как сложный, многоуровневый процесс, выходящий за рамки простого экономического сближения. При этом конечной целью данного процесса является формирование более мощной и устойчивой общности, способной противостоять глобальным вызовам, обеспечивать благосостояние и преодолевать ограничения, свойственные национальной экономике. В этой связи экономическая интеграция служит не самоцелью, а инструментом для достижения геополитической стабильности и выработки единой стратегической позиции, направленной на развитие экономической, социальной и политической сфер[179].

Российский экономист академик РАН, доктор экономических наук, профессор С.Ю. Глазьев рассматривает экономическую интеграцию как созидательную альтернативу либеральной глобализации. По его мнению, данный процесс представляет собой формирование нового, более эффективного мирохозяйственного уклада, основанного на принципах взаимодополнения, самодостаточности и кооперации. При этом конечной целью данного процесса выступают достижение технологического суверенитета, рост благосостояния и создание конкурентоспособного общего рынка с беспрепятственным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы[180].

Таким образом, понятие «экономическая интеграция» утвердилось в научном дискурсе в качестве универсальной аналитической категории для описания форм международного экономического сотрудничества — от

---

[179] Буторина О. В. Юрий Борко — классик исследований европейской интеграции в России // Современная Европа. — 2024. — № 1. — С. 7–23.

[180] Глазьев С. Ю. Как построить Большое европейское пространство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 3. — С. 9–14.

элементарных форм кооперации до продвинутых моделей наднациональных объединений.

Принципиальное значение для настоящего исследования имеет определение его центральной институциональной формы — *международного интеграционного объединения*. Данный термин требует чёткого содержательного разграничения со смежными понятиями, используемыми в отечественной и зарубежной научной литературе при описании институциональных форм межгосударственного экономического взаимодействия, такими как «объединение», «группировка», «блок», «структура» и «организация».

Под *«интеграционным объединением»* в настоящем исследовании понимается институционально оформленная совокупность суверенных государств, связанных международным договором, который предусматривает создание общего экономического пространства путём поэтапного устранения барьеров для трансграничного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также формирование наднациональных или межгосударственных механизмов координации экономической политики. К ключевым признакам интеграционного объединения следует отнести наличие юридически обязывающей договорно-правовой базы и институционализированных механизмов выработки и реализации совместных решений. К числу сущностных характеристик интеграционного объединения также относится формирование общего экономического режима, соответствующего одной из стадий интеграции, описанных в классификации Б. Балассы. Наконец, интеграционное объединение отличается устойчивым характером взаимодействия, предполагающим долгосрочные обязательства участников.

В научных исследованиях широко распространён термин *«группировка»*, который по сравнению с интеграционным объединением носит более широкий и менее формализованный характер. Термин «группировка» может применяться к любой совокупности государств, объединённых общими

экономическими интересами, в том числе не обладающей институциональной структурой или договорными обязательствами.

Понятие *«блок»* несёт дополнительную коннотацию противопоставления и конкурентного позиционирования по отношению к внешней среде. Данный термин, широко применяемый в период холодной войны для обозначения противоборствующих экономических систем, в настоящее время используется преимущественно в контексте геополитических исследований. В академическом дискурсе использование термина «блок» применительно к интеграционным объединениям представляется не вполне отвечающим требованиям нейтрального научного анализа.

Термин *«структура»* ориентирован на институционально-организационную составляющую и преимущественно используется для описания внутреннего устройства интеграционного образования, а не самого объединения как целостного субъекта международных экономических отношений.

В отношении разграничения терминов *«международное»* и *«региональное»* применительно к интеграционным объединениям автор придерживается следующей позиции. Термин *«региональное интеграционное объединение»*, занимающий центральное место в классификации ВТО, отражает географическую концентрацию участников и исторически обусловлен тем, что подавляющее большинство интеграционных проектов формировалось между территориально сопредельными государствами. Вместе с тем современная практика всё чаще свидетельствует о расширении географических рамок интеграционных процессов. В частности, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) охватывает пространство от Восточной Европы до Центральной Азии, а торговые соглашения нового поколения, такие как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП), объединяют страны, расположенные на разных континентах.

Таким образом, в рамках настоящего исследования под *международным интеграционным объединением* понимается институционально оформленный на основе международных механизмов взаимодействия договор суверенных государств, целью которого является формирование общего экономического пространства посредством последовательного устранения барьеров, гармонизации регуляторной среды и координации экономической политики, реализуемых через систему наднациональных или межгосударственных институтов.

Сформулированное определение позволяет провести содержательную границу между объектами настоящего исследования — Европейским союзом (ЕС), Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — и иными форматами межгосударственного взаимодействия, такими как ШОС (организация, ориентированная преимущественно на вопросы безопасности и не формирующая общего экономического режима) и БРИКС (межгосударственный форум, не располагающий институционализированной договорно-правовой базой и юридически обязывающими экономическими обязательствами)[181]. Обоснование выбора четырёх указанных объединений в качестве объектов сравнительного анализа подробно представлено в параграфе 1.3 настоящей главы.

Наряду с понятием международного интеграционного объединения центральное значение для настоящего исследования имеет концептуализация понятия *стратегической устойчивости*. Необходимость терминологического обоснования обусловлена тем, что в современной научной литературе для описания способности экономических систем противостоять внешним шокам используется широкий спектр смежных понятий — «*экономическая устойчивость», «геоэкономическая устойчивость»*, «*геополитическая*

[181] Чикова А. Е. Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран // Право и управление. XXI век. — 2025. — Т. 21, № 1. — С. 196–206.

устойчивость», — содержательные границы которых нередко остаются размытыми.

Понятие «*экономическая устойчивость»* получило развитие в контексте исследований реакции хозяйственных систем на кризисные явления и внешние возмущения[182]. В частности, в работах британских экономистов Б. Мартина, П. Саннли и К. Фостера, получивших известность в начале 2010-х годов, устойчивость определяется как способность экономической системы сохранять ключевые параметры функционирования, адаптироваться к изменяющимся условиям и восстанавливаться после шоков[183]. Применительно к интеграционным объединениям данная концепция получила развитие в публикациях Всемирного банка, Европейского центрального банка и аналитических материалах ВТО, посвящённых устойчивости региональных торговых соглашений в условиях пандемии COVID-19 и усиления геополитической напряжённости.

Понятие *«геоэкономическая устойчивость»* подчёркивает влияние геоэкономических факторов (пространственного распределения экономических ресурсов, направленности торговых и инвестиционных потоков, конкуренции за доступ к рынкам и передовым технологиям) на функционирование экономических систем[184]. Данное понятие применимо для анализа внешней среды интеграционных объединений, однако, по мнению автора, не в полной мере отражает специфику самих объединений как субъектов международных экономических отношений. Геоэкономический подход фокусируется на параметрах внешней конкурентной среды, тогда как устойчивость объединения определяется его внутренними характеристиками,

---

[182] Economic resilience // Sustainable Prosperity [site]. — URL: https://sustainable-prosperity.eu/sustainable-prosperity/economic-resilience/ (accessed: 17.05.2026).

[183] Sutton J., Arku G. Regional Economic Resilience // Regional Studies, Regional Science. — 2022. — Vol. 9, no. 1. — P. 497–512.

[184] Geo-economics & resilience // World Economic Forum : [site]. — URL: https://initiatives.weforum.org/strategic-intelligence-community/geoeconomics-and-resilience (accessed: 03.03.2026).

в частности ресурсной базой и технологическим потенциалом, которые формируются в ответ на геоэкономические вызовы, но не сводятся к ним[185].

Понятие *«геополитическая устойчивость»* выдвигает на первый план преимущественно политико-стратегические аспекты, а именно способность государства или интеграционного объединения поддерживать суверенитет, гарантировать безопасность и сохранять статус полноценного субъекта международных отношений[186]. Данное понятие не охватывает в полной мере экономическое, технологическое и ресурсное измерения, которые, по мнению автора, являются определяющими для устойчивости интеграционных объединений в условиях современного этапа развития мировой экономики[187].

В этой связи в настоящем исследовании применяется понятие «стратегическая устойчивость», позволяющее интегрировать экономические, технологические и ресурсные аспекты способности стран-участниц противостоять внешним шокам и сохранять устойчивую траекторию развития интеграционного объединения в условиях турбулентной глобальной среды.

Таким образом, *стратегическую устойчивость в контексте международного интеграционного объединения* автор предлагает определять как способность стран-участниц за счёт использования преимуществ интеграционного взаимодействия поддерживать положительную динамику основных макроэкономических показателей и структурную целостность в условиях воздействия неблагоприятных внешнеэкономических и международно-политических факторов.

---

[185] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — № 3. — С. 325–340.

[186] Geopolitical resilience // American Society for Industrial Security : [site]. — URL: https://www.asisonline.org/security-management-magazine/articles/2025/11/geopolitical-resilience/times-of-uncertainty (accessed: 22.12.2025).

[187] Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

1.2. Трансформация теоретических подходов к исследованию международной экономической интеграции в условиях современного этапа развития мировой экономики

Теоретическое осмысление международной экономической интеграции, сложившееся во второй половине XX века, носило характер непрерывной дискуссии относительно ключевых драйверов данного процесса. За более чем шесть десятилетий полемика об источниках движущих сил интеграции объединила не менее десяти самостоятельных научных школ, позиции которых на первый взгляд представляются взаимоисключающими[188]. При всём многообразии научных направлений все они исходят из общей предпосылки о движении мирового хозяйства в сторону большей открытости и о роли интеграционных объединений в институциональном закреплении данной тенденции. Предметом разногласий выступает не конечная цель, а движущая сила, запускающая процесс интеграции.

Представители либерального направления В. Рёпке[189] и Ж. Рюэфф[190] первыми концептуализировали интеграцию как процесс поэтапного снятия тарифных и нетарифных барьеров, эффективность которого напрямую определяется степенью либерализации рыночных сил. Аналогичная логика, обогащённая принципом коллективного внешнего протекционизма, легла в основу неолиберального направления, сформулированного М. Алле[191], Б. Балассой[192] и Дж. Вайнером[193]. В обоих случаях в качестве движущего механизма интеграции признаётся рынок, тогда как за государством и наднациональными институтами закрепляется вспомогательная функция, связанная с устранением регуляторных издержек.

---

[188] Sachs J. D., Warner A. Economic reform and the process of global integration. — Washington : The Brookings Institution Press, 1995. —118 p.

[189] Röpke W. International order and economic integration. — Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1959. — VIII, 276 p.

[190] Rueff J. L’orde social : [en 2 vol.]. — Paris : Recueil Sirey, 1945. — 2 vol.

[191] Allais M. Économie et intérêt: présentation nouvelle des problèmes fondamentaux de la régulation économique — Paris : Imprimerie Nationale, 1947. — 632 p.

[192] Balassa B. The theory of economic integration. — Homewood : Richard D. Irwin, 1961. — 304 p.

[193] Viner J. Studies in the theory of international trade. — New York : Harper and Brothers Publishers, 1937. — XV, 650 p.

Эмпирический опыт интеграционных процессов в послевоенной Европе продемонстрировал, что либерализация редко протекает стихийно. Данный вывод определил второе направление научной полемики о движущих силах интеграции. Представители неокейнсианского направления Р. Купер[194] и Б.Ф. Массел[195] обосновали необходимость целенаправленного макроэкономического регулирования и достижения баланса между преимуществами либерализации и сохранением национального суверенитета. В рамках дирижистского направления Я. Тинбергена[196] и Р. Санвальда[197] решающая роль в интеграционном процессе отводится государству, а эффективность интеграции рассматривается как производная от степени развитости международно-правового регулирования.

Вместе с тем концептуально оформилось третье направление, фокусирующееся на наднациональных институтах как главном драйвере интеграции. Федералистское направление, сформулированное А. Спинелли[198], С. Пистоне[199] и К. Фридрихом[200], рассматривало делегирование части национального суверенитета наднациональным институтам как единственный механизм, гарантирующий устойчивый характер межгосударственных отношений. В трудах представителей функционалистского направления Д. Митрани[201] и П. Райнша[202] была предложена более прагматичная интерпретация того же тезиса, согласно которой наднациональные институты должны выполнять техническую функцию, а их легитимность — определяться сугубо практической эффективностью. Представители

---

[194] Cooper R. N. The economics of interdependence: economic policy in the Atlantic Community. — New York [et al.] : McGraw-Hill, 1968. — XIV, 302 p. — (The Atlantic policy studies).

[195] Massel B. F. Price stabilization and welfare // The Quarterly Journal of Economics. — 1969. — Vol. 83, iss. 2. — P. 284–298.

[196] Tinbergen J. Reshaping the international order // Futures. — 1976. — Vol. 8, iss. 6. — P. 553–556.

[197] Sanwald R., Stohler J. Economic integration : theoretical assumptions and consequences of European unification / translated by H. F. Karreman. — Princeton : Princeton University Press, 1961. — 278 p.

[198] Spinelli A. La mia battaglia per un'Europa diversa. — Manduria : Lacaita, 1979. — 193 p.

[199] Pistone S. L'Integrazione Europea: uno schizzo storico. — Torino : UTET Libreria, 1999. — 100 p.

[200] Friedrich C. Constitutional government and politics, nature and development. — New York : London : Harper & Brothers Publishers, 1937. —XVI, 591 p.

[201] Mitrany D. A Working peace system : an argument for the functional development of international organization. — London : Royal Institute of International Affairs, 1943. — 56 p.

[202] Reinsch P. S. Public international unions : their work and organization : a study in international administrative law. — Boston : Ginn & Company, 1911. — 190 p.

неофункционалистского направления Э.Б. Хаас[203], Ф. Шмиттер[204] и Л. Линдберг[205] дополнили данную логику концепцией «перелива», в соответствии с которой углубление интеграции в одной экономической области неизбежно стимулирует институциональную потребность в её распространении в смежных областях.

Структурное направление, представленное Г. Мюрдалем[206] и Ч. Киндлбергером[207], и концептуально близкий ему корпорационализм, разработанный С. Рольфом[208] и У. Ростоу[209], предложили рассматривать в качестве движущей силы интеграции негосударственных акторов. Транснациональные корпорации, расширяющие производственные и сбытовые сети за пределы национальных границ, выступают самостоятельным «полюсом роста», запуская структурные изменения в национальных экономиках раньше, чем на них успевали реагировать правительства.

Представители неофедералистского направления А. Этциони[210] и Дж. Пиндер[211] вернули в теоретический дискурс политическую проблематику, обосновав необходимость формирования наднационального политического сообщества, обладающего общей идентичностью и многоуровневой системой управления.

Завершающую конфигурацию научного дискурса предложили представители либерального межправительственного направления

---

[203] Haas E. B. The uniting of Europe : political, social and economic forces, 1950–1957. — Redwood City : Stanford University Press, 1958. — 552 p.

[204] Schmitter P. C. Three neo-functional hypotheses about international integration // International Organization. — 1969. — Vol. 23, iss. 1. — P. 161–166.

[205] Lindberg L. N. The political dynamics of European economic integration. — Stanford : Stanford University Press ; London : Oxford University Press, 1963. — XIV, 367 p.

[206] Myrdal G. An international economy : problems and prospects. — New York : Harper & Row, 1956. — XI, 381 p.

[207] Kindleberger C. P. Foreign trade and the national economy. — New Haven ; London : Yale University Press, 1962. — 265 p. — (Studies in comparative economics ; 2).

[208] Rolfe S. E. The international corporation. — Paris : International Chamber of Commerce, 1969. — 202 p.

[209] Rostow W. W. The stages of economic growth : a non-communist manifesto. — Cambridge : Cambridge University Press, 1960. — 178 p.

[210] Etzioni A. Political unification : a comparative study of leaders and forces. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1965. — 346 p.

[211] Pinder J. European community and nation-state: a case for a neo-federalism? // International Affairs. — 1985. — Vol. 62, iss. 1. — P. 41–54.

Э. Моравчик[212], Р. Патнэм[213] и Р. Кеохейн[214], в рамках которого движущей силой интеграции выступают суверенные национальные правительства, формирующие предпочтения под влиянием внутренних экономических групп интересов и реализующие их посредством двухуровневого переговорного процесса на межгосударственном уровне. Наднациональные институты в рамках данного направления теряют автономию и выполняют исключительно обслуживающую функцию, обеспечивая исполнение достигнутых договорённостей.

Систематизация рассмотренных научных направлений представлена в таблице 1.2.1.

Таблица 1.2.1

Основные научные подходы к исследованию международной экономической интеграции

Научное направление	Основная идея	Характер внутренних ограничений
Либерализм (конец XVIII — нач. XIX в.)	Интеграция как процесс либерализации международного движения товаров и факторов производства, достигаемый посредством последовательного устранения тарифных и нетарифных барьеров и формирования зоны свободной торговли	Несоответствие постулатов либерализма реальной практике, демонстрирующей управляемый характер интеграционных процессов и активную роль институтов; игнорирование негативных последствий интеграции, выражающихся в усилении межстрановой конкуренции, асимметрии распределения выгод и нарастании неравномерности экономического развития участников
Федерализм (1920–1940-е гг.)	Формирование федеративного союза как оптимальной модели политической организации межгосударственного взаимодействия,	Гипертрофированное внимание к политико-институциональной архитектуре интеграции при недооценке экономических и социокультурных факторов;

[212] Moravcsik A. The choice for Europe : social purpose and state power from Messina to Maastricht. — Ithaca : Cornell University Press, 1998. — XII, 512 p.

[213] Putnam R. D. Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games // International Organization. — 1988. — Vol. 42, no. 3. — P. 427–460.

[214] Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence : world politics in transition. — Boston : Little, Brown and Company, 1977. — 273 p.

	предполагающей передачу части суверенных полномочий наднациональным институтам для эффективного решения трансграничных проблем и обеспечения коллективной безопасности	нормативный характер теории, ограничивающий её применимость для объяснения реальных интеграционных процессов
Неокейнсианство (1960-е гг.)	Обоснование необходимости сознательного макроэкономического регулирования интеграционных процессов с целью достижения оптимального соотношения между извлечением выгод от либерализации и сохранением национального суверенитета посредством гармонизации экономических политик и создания наднациональных институтов для согласования решений	Директивный характер модели, предполагающий активное государственное вмешательство, что создаёт риски подавления рыночных механизмов саморегуляции, снижения эффективности распределения ресурсов и усиления зависимости экономической динамики от административных решений, принимаемых на наднациональном уровне
Функционализм (1940-е гг.)	Обоснование деполитизированного характера интеграции как процесса передачи технических, экономических и социальных функций от национальных государств наднациональным институтам, ориентированным на решение конкретных задач повышения общественного благосостояния	Аполитичный характер модели, игнорирующий роль властных отношений и политической воли в интеграционных процессах; отсутствие единого координирующего центра и механизмов политического управления создаёт риски дезинтеграции и фрагментации сотрудничества; преимущественная ориентация на экономическую и техническую функциональность без учёта политического фактора
Неофункционализм (1950–1960-е гг.)	Интеграция как процесс постепенной и добровольной передачи национальными государствами суверенных полномочий наднациональным институтам, движимый эффектом «перелива», при котором сотрудничество в	Избыточный детерминизм модели «перелива», не учитывающий циклический и противоречивый характер реальных интеграционных процессов; недооценка устойчивости национальной идентичности и

	экономической сфере создаёт импульсы для углубления интеграции в смежных областях	государственного суверенитета
Корпорационализм (середина 1960-х гг.)	Интеграция как процесс глубинных структурных преобразований национальных хозяйственных систем, инициируемый и направляемый ТНК, которые выступают в качестве «полюсов роста» и ключевых драйверов интеграционной динамики	Преувеличение позитивной роли ТНК в интеграционных процессах при недооценке асимметричного характера распределения выгод и системных противоречий между корпоративными стратегиями, национальными интересами государств и общественным благосостоянием
Неолиберализм (1970-е гг.)	Интеграция как двойственный процесс, сочетающий внутреннюю либерализацию и внешний коллективный протекционизм, что позволяет участникам извлекать выгоды от расширения рынка при сохранении контролируемого доступа внешних конкурентов	Внутренняя противоречивость модели, проявляющаяся в кризисе легитимности (технократический характер принятия решений и оторванность наднациональных органов от граждан), политическом вакууме на наднациональном уровне (недостаточное развитие институтов политической координации) и стратегической неопределённости относительно конечных целей и вектора развития интеграционного объединения
Неофедерализм (1970–1980-е гг.)	Формирование суверенного «политического сообщества» на наднациональном уровне, обладающего автономным правом принятия обязательных решений и собственной политической субъектностью, что предполагает развитие коллективной идентичности участников и институционализацию многоуровневой системы управления на основе принципов субсидиарности	Риск дисбаланса, обусловленный гипертрофированным вниманием к наднациональному уровню управления, способного провоцировать защитную реакцию со стороны государств, выражающуюся в усилении национального суверенитета и росте интеграционно-скептических настроений
Либеральный межправительственный подход (1990-е гг.)	Интеграция как результат двухуровневого процесса, в котором на	Недооценка автономии наднациональных институтов, способных

	внутригосударственном уровне формируются предпочтения национальных акторов (экономических групп интересов), а на межгосударственном уровне суверенные правительства вступают в стратегические переговоры, заключая взаимовыгодные соглашения; при этом наднациональные институты выступают инструментом обеспечения выполнения обязательств и снижения трансакционных издержек	выступать самостоятельными акторами интеграционного процесса, игнорирование идеологических и ценностных факторов, влияющих на формирование национальных предпочтений

Источник: составлено автором.

Предпосылка о поступательном движении мировой экономики к большей открытости выступала в качестве теоретической основы анализа интеграционных процессов на протяжении нескольких десятилетий. Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. выявил структурные уязвимости гиперглобализации, в результате чего динамика мировой торговли впервые в послевоенной истории начала уступать темпам роста мирового валового внутреннего продукта (ВВП)[215]. Стагнация Дохийского раунда торговых переговоров, окончательно обозначившаяся к 2011–2013 гг., свидетельствовала об исчерпании многостороннего формата либерализации в рамках ВТО, что привело к фактическому прекращению обновления системы глобального регулирования внешней торговли[216]. Выход Великобритании из Европейского союза в 2020 году поставил под сомнение тезис о необратимости интеграционных процессов[217]. Эскалация торгового противостояния Соединённых Штатов и Китая, начавшаяся в 2018 году и

[215] Constantinescu C., Matto A., Rita M. The global trade slowdown: cyclical or structural? / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2015. — 44 p. — (IMF Working Paper ; WP/15/6) — URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf (accessed: 28.04.2026).

[216] Members confront Doha Round deadlock with pledge to seek meaningful way out // World Trade Organization : [site]. — 2011. — 29 April. — URL: https://www.wto.org/english/news_e/news11_e/tnc_dg_infstat_29apr11_e.htm (accessed: 28.04.2026).

[217] Brexit: UK leaves EU after 47 years // European Commission : [site]. — 2019. — 25 November. — URL: https://ec.europa.eu/newsroom/councileu/items/663312/en (accessed: 28.04.2026).

оформившаяся в систему взаимных тарифных и экспортных ограничений, перевела отношения двух крупнейших экономик мира в плоскость протекционистской конкуренции[218]. Пандемия COVID-19 и сопровождавшие её сбои в глобальных цепочках поставок выявили издержки высокой концентрации производств в ограниченном числе юрисдикций[219]. Беспрецедентные санкционные режимы, введённые в 2022–2026 гг., перевели экономическую взаимозависимость в инструмент геополитического давления, закрепив долгосрочную тенденцию к переориентации трансграничных потоков в пользу политически близких партнёров.

Трансформация глобальных экономических процессов в последнее десятилетие привела к активной дискуссии в мировой экономической науке о характере наблюдаемых изменений, в рамках которой отчётливо прослеживаются три исследовательских направления.

Сторонники первого подхода, связанного прежде всего с исследованиями американского экономиста профессора Р. Болдуина, отстаивают тезис о том, что глобализация не движется вспять, а переходит в новую фазу. Замедление международной торговли товарами восполняется опережающим ростом трансграничного обмена услугами, данными и нематериальными активами, а также всё более активным использованием удалённой рабочей силы, что свидетельствует о качественной трансформации модели глобализации, но не о её завершении. В рамках данного подхода наблюдаемое сокращение торговых потоков рассматривается как переходный эффект структурной перестройки, по завершении которого открытость возобновит свой поступательный рост, хотя и в качественно новой конфигурации[220].

Согласно второму подходу, сформулированному в работах турецкого экономиста профессора Д. Родрика, деглобализация представляет собой

---

[218] Bown C. P. The 2018 US — China trade conflict after 40 years of special protection // China Economic Journal. — 2019. — Vol. 12, iss. 2. — P. 109–136.

[219] Economics in the time of COVID-19 / Center for Economic Policy Research ; ed. by R. Baldwin and B.W. di Mauro. — London : CEPR Press, 2020. — 123 p.

[220] The state of globalisation / Center for Economic Policy Research ; ed. by R. Baldwin and M. Ruta. — London : CEPR Press, 2025. — 112 p.

долгосрочную структурную тенденцию. Политическая трилемма Д. Родрика исходит из фундаментальной несовместимости гиперглобализации, национального суверенитета и демократии, в результате чего общества последовательно отдают предпочтение первым двум элементам в ущерб третьему. Рост социального неравенства, размывание среднего класса в развитых экономиках и усиление политической поляризации, ставшие следствием гиперглобализации, формируют устойчивую потребность в укреплении регуляторных полномочий суверенных государств, что закономерно сдерживает перспективы дальнейшей либерализации трансграничных потоков[221].

Третий подход, отражённый в аналитических материалах МВФ и публичных выступлениях его директора-распорядителя К. Георгиевой, рассматривает фрагментацию как качественно новое явление, отличное как от продолжающейся глобализации, так и от поступательной деглобализации. Согласно данной логике, мировая экономика распадается на конкурирующие блоки, формируемые по признаку политической близости. В условиях фрагментации экономическая взаимозависимость утрачивает стабилизирующую функцию и трансформируется в инструмент стратегического давления, а трансграничные торговые и инвестиционные потоки переориентируются исходя из геополитических, а не сравнительно-экономических критериев[222]. По оценкам МВФ, прямые издержки фрагментации в долгосрочной перспективе могут достигать от 0,2 до 7% мирового ВВП, при этом наиболее уязвимыми оказываются страны с низким уровнем дохода[223].

---

[221] Rodrik D. Populizm and the economic globalization / National Bureau of Economic Research. — Cambridge : NBER, 2017. — 45 p. — (NBER working paper series ; 23559). — URL: https://www.nber.org/papers/w23559 (accessed: 02.02.2026).

[222] Georgieva K., Gopinath G., Pazarbasioglu C. Why we must resist geoeconomic fragmentation — and how // International Monetary Fund : [site]. — 2022. — May 22. — URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geoeconomic-fragmentation (accessed: 01.05.2025).

[223] Bolhuis M. A., Chen J., Kett B. The cost of geoeconomic fragmentation : disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19 // International Monetary Fund : [site]. — 2023. — URL: https://www.imf.org/en/publications/fandd/issues/2023/06/the-costs-of-geoeconomic-fragmentation-bolhuis-chen-kett (accessed: 15.05.2026).

Вне зависимости от того, какой из трёх подходов точнее отражает наблюдаемую действительность, их сопоставление выявляет общую концептуальную проблему, с которой сталкиваются современные исследования интеграции. Классические теории опирались на предпосылку об устойчивости глобализационной среды и рассматривали вступление стран в интеграционные объединения как способ максимизации экономических выгод от либерализации. По мнению автора, на современном этапе развития мировой экономики интеграционные решения всё чаще мотивированы следующей логикой — обеспечением защиты стран-участниц от внешних шоков, снижением критической зависимости от недружественных юрисдикций и поддержанием технологического, энергетического и продовольственного суверенитета[224]. Аналитический аппарат рассмотренных научных подходов ориентирован прежде всего на осмысление «интеграции открытости» и лишь в ограниченной мере может быть использован при изучении «интеграции защиты», исходящей из принципиально иных предпосылок.

В 2000-е гг. теоретический дискурс обогатился концепциями нового поколения, отвергающими предпосылку о неизбежном расширении открытости и направленными на анализ множественности интеграционных сценариев и роли в них неэкономических факторов. Появление данных подходов было обусловлено стремлением преодолеть европоцентричную направленность традиционных исследований интеграции.

Так, в рамках концепции нового регионализма, разработанной шведскими исследователями Б. Хеттне[225] и Ф. Сёдербаумом[226], была пересмотрена европоцентричная классическая теория и обоснована принципиальная вариативность жизнеспособных моделей интеграции. Согласно данному подходу, каждый макрорегион следует уникальной траектории, определяемой исторической спецификой, ресурсной базой и характером

---

[224] Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

[225] Hettne B., Söderbaum F. The new regionalism approach // Politeia. — 1998. — Vol. 17, iss. 3. — P. 6–21.

[226] Theories of new regionalism : a Palgrave Macmillan reader / ed. by F. Söderbaum and T. M. Shaw. — London : Palgrave Macmillan, 2003. — 270 p.

внешнеэкономических связей, а попытки воспроизвести европейскую модель за пределами данного региона неизбежно сталкиваются с институциональным несоответствием. Принципиально важным вкладом нового регионализма стала интеграция в анализ негосударственных акторов — деловых сообществ, гражданского общества, субнациональных образований, что позволило исследовать интеграционные процессы «снизу-вверх», не ограничиваясь рамками официальных межгосударственных соглашений[227].

Американский и немецкий исследователи А. Ачария[228] Т.А. Бёрзель[229] в рамках концепции сравнительного регионализма систематизировали данные наблюдения в методологически выверенную исследовательскую программу, в рамках которой различные интеграционные объединения сопоставляются по унифицированным параметрам с целью выявления как универсальных закономерностей, так и региональной специфики. Предложенное А. Ачарией понятие «регионального мира» исходит из того, что траектория развития интеграции в каждом макрорегионе определяется уникальным сочетанием исторических, культурных и геополитических факторов и не может быть сведена к единой теоретической модели[230].

Постлиберальный, или постгегемонистский, регионализм, разработанный аргентинскими исследователями П. Риджирозци и Д. Тусси, сформировался на основе анализа латиноамериканских интеграционных проектов 2000-х гг., в частности Боливарианского альянса для народов Америки (АЛБА) и Союза южноамериканских наций (УНАСУР), движущей силой которых выступали не задачи торговой либерализации, а стремление к политической автономии, социальной справедливости и снижению внешней

---

[227] Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19, № 4. — С. 7–22.

[228] Acharya A. Comparative regionalism: a field whose time has come? // The International Spectator. — 2012. — Vol. 47, iss. 1. — P. 3–15.

[229] Börzel T. A. Comparative regionalism : a new research agenda. — Berlin : Freie Universität, 2011. — 38 p. – (KFG working paper series ; no. 28).

[230] Acharya A. Comparative regionalism: a field whose time has come? // The International Spectator. — 2012. — Vol. 47, iss. 1. — P. 3–15.

зависимости от глобальных экономических центров[231]. Данный подход впервые систематически обосновал возможность интеграции, ориентированной не на рыночную экспансию, а на формирование коллективного потенциала противодействия неблагоприятным внешним тенденциям[232].

Мегарегионализм, нашедший своё выражение в Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП) и сменившем его Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП), наглядно продемонстрировал, что граница между глобализацией и регионализмом постепенно стирается[233]. Современные региональные объединения сегодня способны не только вырабатывать глобальные нормативные стандарты, но и выступать как инструмент перераспределения геоэкономического влияния между ведущими центрами силы[234].

Рассмотренные концепции отразили значительный сдвиг в понимании сущности интеграции и заметно расширили географические и тематические границы исследований. Однако данные направления по-прежнему носят скорее описательный характер: теоретическое осмысление перехода к «интеграции защиты» не подкрепляется аналитическим аппаратом, который бы дал возможность оценить её эффективность, выделить основные составляющие и на общей методологической базе сравнить позиции разных объединений по степени стратегической устойчивости.

Выявленные ограничения новых теоретических направлений, которые хотя и фиксируют переход к новому формату интеграции, но не предлагают инструментария для её количественного анализа, обусловливают

---

[231] The rise of post-hegemonic regionalism : the case of Latin America / eds. P. Riggirozzi and D. Tussie. — Dordrecht : New York : Springer, 2012. — XVII, 194 p.

[232] Яковлев П. П. МЕРКОСУР: позади 30 лет. Что впереди? // Российский внешнеэкономический вестник. — 2021. — № 11. — С. 30–48.

[233] Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // The Association of Southeast Asian Nations : [site]. — URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep (accessed: 23.02.2026).

[234] Спартак А. Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 13–37.

необходимость создания новой концептуальной рамки, в качестве которой предлагается авторский подход к исследованию стратегической интеграции.

Таким образом, под *стратегической интеграцией* в настоящем исследовании понимается институционально оформленный процесс межгосударственного экономического взаимодействия, основной целью которого является формирование стратегической устойчивости стран — участниц интеграционного объединения, то есть их способности противостоять внешним шокам, обеспечивать национальный или коллективный суверенитет в критически важных сферах — технологической, энергетической, продовольственной — и реализовывать согласованные долгосрочные приоритеты развития в условиях турбулентной глобальной среды.

Сравнение сущностных характеристик моделей экономической интеграции представлено в таблице 1.2.2.

Таблица 1.2.2

Сопоставление моделей международной экономической интеграции

Параметр	Традиционная модель интеграции	Стратегическая модель интеграции
Доминирующая цель	Максимизация экономических выгод от либерализации	Обеспечение коллективной стратегической устойчивости
Основной критерий эффективности	Экономический рост, интенсификация взаимной торговли и инвестиций, конвергенция уровней развития стран-участниц	Снижение критических внешних зависимостей
Отношение к суверенитету	Добровольная передача части суверенных полномочий наднациональным органам	Консолидация и защита коллективного суверенитета
Приоритетные сферы	«Четыре свободы» интеграции: свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы	Технологии, энергетика, продовольствие
Тип кооперации	Регулятивно-гармонизирующая	Проектно-ориентированная, стратегическая
Внешний контекст	Относительно стабильная макроэкономическая среда	Деглобализация, фрагментация мировой экономики, турбулентность глобальной среды

Источник: составлено автором.

В основе авторского подхода к исследованию стратегической интеграции лежат четыре взаимосвязанных принципа.

Принцип стратегического суверенитета предполагает обеспечение странами — участницами интеграционного объединения независимости и глобальной конкурентоспособности в технологической, энергетической и продовольственной сферах. В отличие от традиционного понимания национального суверенитета как атрибута отдельного государства, стратегический суверенитет рассматривается как коллективное свойство интеграционного объединения, формируемое посредством ресурсов и компетенций стран-участниц[235]. Наглядным примером служит политика открытой стратегической автономии Европейского союза, институционально закреплённая в Акте о чипах (European Chips Act)[236] и Акте о критически важном сырье (Critical Raw Materials Act)[237], а также реализуемые программы Евразийского экономического союза по локализации производства в критически значимых отраслях, в частности Карта индустриализации ЕАЭС, утверждённая Евразийской экономической комиссией в 2022 году[238].

Принцип синергетической комплементарности означает целенаправленную интеграцию конкурентных преимуществ стран-участниц с целью формирования качественно новых компетенций на уровне всего объединения. В отличие от классической теории сравнительных преимуществ, фиксирующей сложившуюся структуру международного разделения труда, синергетическая комплементарность опирается на создание комплементарных

---

[235] Сидорова Е. А., Сидоров А. А. Стратегическая автономия Европейского союза Евросоюза в экономике: концепция и проблемы реализации // Международные процессы. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 119–142.

[236] Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe’s semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 (Chips Act) (European Chips Act) // EUR-Lex — Access to European Union law : [site]. — 2023. — 18 September. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1781 (accessed: 28.04.2026).

[237] Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 // // EUR-Lex — Access to European Union law : [site]. — 2024. — 3 May. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1252/oj (accessed: 28.04.2026).

[238] Карта индустриализации ЕАЭС // Промышленность ЕАЭС : [сайт]. — URL: https://industry.eaeunion.org/industry/ru/registers/investments/map (дата обращения: 28.04.2026).

компетенций, достигаемое посредством целенаправленных инвестиций и координации промышленной политики. Практической реализацией данного принципа выступает кооперационная модель развития производственных цепочек в АСЕАН[239], в рамках которой страны-участницы специализируются на различных стадиях высокотехнологичных производств — от проектирования и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в Сингапуре, производства компонентов в Малайзии и Таиланде до сборки во Вьетнаме и Индонезии, формируя тем самым цепочку создания стоимости в электронной промышленности, конкурентоспособную на глобальном уровне[240].

Принцип управляемой взаимозависимости включает целенаправленное формирование производственно-технологических и ресурсных цепочек преимущественно в рамках интеграционных объединений с целью минимизации уязвимости стран-участниц к нарушениям трансграничных связей и геополитическим потрясениям. В отличие от традиционной глобализации, в рамках которой взаимозависимости формируются на основе критериев экономической эффективности, управляемая взаимозависимость предполагает политико-стратегический контроль над структурой внешних связей с учётом рисков их возможной инструментализации. К практическим проявлениям данного принципа, в частности, относятся переориентация энергетических потоков и снижение доли расчётов в валютах недружественных государств во взаимной торговле в рамках ЕАЭС[241], а также формирование механизмов расчётов в национальных валютах и расширение

[239] Канаев Е. А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в Юго-Восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 1, № 1. — С. 32–46.

[240] ASEAN investment report, 2025 : foreign direct investment and supply chain development / Association of Southeast Asian Nations. — Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2025. — 281 p. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/10/AIR2025_rev17-Okt.pdf (accessed: 02.02.2026).

[241] Valovaya T. Eurasian economic integration: origins, patterns, and outlooks // EDB Eurasian Integration Yearbook. — 2012. — P. 42–61. — URL: https://eabr.org/upload/iblock/ab1/a_n5_2012_07.pdf (accessed: 30.11.2025).

резервных активов в рамках МЕРКОСУР[242]. Стремление к снижению зависимости от доминирующих резервных валют находит выражение и в политике Китая по интернационализации юаня. Данный процесс представляет собой целенаправленную стратегию формирования альтернативных каналов международных расчётов, что позволят КНР снизить подверженность санкционным рискам и валютным колебаниям[243].

Принцип проектно-ориентированного взаимодействия предполагает переход от регулятивно-гармонизирующей модели взаимодействия к совместной реализации масштабных стратегических инициатив, направленных на системное снижение критических внешних рисков. В отличие от классической модели интеграции, основанной на либерализации торговли и гармонизации нормативно-правовой базы, проектно-ориентированная модель взаимодействия концентрирует ресурсы интеграционного объединения на реализации конкретных проектов, приносящих измеримые стратегические результаты. К числу таких инициатив следует отнести Важные проекты общеевропейского интереса (Important Projects of Common European Interest, IPCEI), направленные на укрепление конкурентоспособности и обеспечение технологического суверенитета Европейского союза в стратегических отраслях[244], а также Стратегический план взаимосвязанности АСЕАН (ASEAN Connectivity Strategic Plan 2026–2035), который направлен на углубление интеграции в Юго-Восточной Азии посредством развития физической, институциональной и цифровой инфраструктуры[245].

---

[242] Cross-border payments integration in Latin America and the Caribbean / D. Drakopoulos, Y. Mu, D. Vasilyev, M. Villafuerte // IMF eLibrary : [site]. — 2024. — 14 June. — URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2024/119/article-A001-en.xml (accessed: 30.11.2025).

[243] Шаповалов В. В. Интернационализация юаня // Международные процессы. — 2020. — Т. 18, № 3. — С. 85–95.

[244] Important Projects of Common European Interest (IPCEI) // Competition Policy – European Commission : [site]. — URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/ipcei_en (accessed: 20.04.2026).

[245] ASEAN connectivity strategic plan : [2026–2035] / The Association of Southeast Asian Nations — Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2026. — 28 p. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2026/02/ASEAN-Connectivity-Strategic-Plan.pdf (accessed: 03.04.2026).

Подход к исследованию стратегической интеграции не подменяет собой традиционные формы интеграционного взаимодействия. Её принципы могут реализовываться на разных стадиях интеграции — от зоны свободной торговли до экономического и политического союза, — а защищённость национальных экономик в современных условиях определяется не положением на ступенях интеграции, а наличием согласованной стратегической повестки и политической воли стран-участниц к её реализации.

1.3. Методологические основы сравнительного анализа стран — участниц интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости

Фундаментальная трансформация глобальной экономики в последние годы проявилась в серии последовательных шоков, распространившихся не только на национальные хозяйства, но и на интеграционные объединения. Реакция их стран-участниц оказалась принципиально разнородной, а эффективность их адаптации не поддаётся систематизации ни через анализ формальных стадий интеграции, ни через динамику традиционных макроэкономических индикаторов. Эмпирический анализ свидетельствует о том, что решающим фактором становится способность стран — участниц интеграционного объединения обеспечивать технологический суверенитет и контроль над критически значимыми ресурсами в условиях внешнего давления[246].

При всей неоднородности ответных реакций интеграционных объединений общей характеристикой выступает наличие устойчивых проявлений уязвимости в трёх взаимосвязанных областях. В технологической сфере интеграционные объединения столкнулись как с перебоями в поставках

[246] Weymouth S. Digital disintegration: techno-blocs and strategic sovereignty in the AI era // International Organization. — 2025. — Vol. 79, iss. spec. 1. — P. 57–70.

полупроводниковой продукции в период пандемии COVID-19[247], так и с экспортными ограничениями на высокотехнологичные компоненты, вызванными политическим давлением Соединённых Штатов на Китай[248]. В энергетическом секторе после 2022 года произошёл резкий рост цен на углеводороды, потребовав экстренной перестройки внешних каналов поставок энергоносителей[249]. Ситуация усугубилась в 2026 году в связи с перекрытием Ормузского пролива, что создало дополнительные риски для энергетической безопасности стран — участниц интеграционных объединений[250]. В продовольственной сфере ключевыми дестабилизирующими факторами стали нарушение логистических маршрутов, резкие колебания цен на зерновые и ограничение экспортных поставок со стороны ведущих производителей, в частности России, Индии и стран Европейского союза[251]. Блокировка Ормузского пролива также косвенно повлияла на продовольственный сектор: рост цен на топливо привёл к удорожанию транспортировки, повышению стоимости страховки грузов и, как следствие, к повышению себестоимости продовольственных товаров[252].

Принципиально важным представляется тот факт, что глубина формальной интеграции не стала определяющим фактором защищённости стран — участниц объединений[253]. Например, Европейский союз, обладающий наиболее развитой институциональной базой, не смог оперативно смягчить

---

[247] Results from semiconductor supply chain request for information // U.S. Department of Commerce : [site]. — URL: https://www.commerce.gov/news/blog/2022/01/results-semiconductor-supply-chain-request-information (accessed: 02.02.2026).

[248] As Trump reins in China tech curbs, Beijing's export controls come of age // Reuters : [site]. — URL: https://www.reuters.com/world/china/trump-reins-china-tech-curbs-beijings-export-controls-come-age-2026-02-26/ (accessed: 08.06.2026).

[249] REPowerEU : affordable, secure and sustainable energy for Europe // European Commission : [site]. — 2026. — February. — URL: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en (accessed: 14.05.2026).

[250] Hormuz strait will be open but with transit fees, Iran envoy to Moscow quoted // Reuters : [site]. — URL: https://www.reuters.com/business/energy/hormuz-strait-will-be-open-with-transit-fees-iran-envoy-moscow-quoted-2026-06-08/ (accessed: 08.06.2026).

[251] An overview of agricultural development of Russia // Eurasian Research Institute : [site]. — URL: https://www.eurasian-research.org/publication/an-overview-of-agricultural-development-of-russia (accessed: 14.05.2026).

[252] Global agrifood implications of the 2026 conflict in the Middle East // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) : [site]. — URL: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1aafb5d8-39d1-481a-b1f8-25facaec3051/content (accessed: 08.06.2026).

[253] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

последствия энергетического кризиса[254]. При этом АСЕАН, несмотря на менее глубокую формальную интеграцию, демонстрирует относительно более высокую степень защищённости за счёт встроенности в глобальные цепочки создания стоимости[255].

В современных условиях фокус оценки эффективности интеграционных объединений смещается в сторону параметра, который ранее практически не учитывался традиционными подходами, — способности стран-участниц обеспечивать коллективный контроль над стратегически значимыми ресурсами и ключевыми компетенциями в условиях внешнего давления. Такая способность не возникает автоматически по мере углубления интеграции, а требует целенаправленных коллективных усилий. В этой связи исследовательское внимание смещается с количественного измерения интенсивности взаимных связей на качественную оценку защищённости стран-участниц в условиях нарастающей глобальной неопределённости.

Понятие стратегической устойчивости в эмпирической части настоящего исследования операционализируется посредством трёх измерений, соответствующих ключевым областям коллективного суверенитета интеграционных объединений:

- технологической;
- энергетической;
- продовольственной.

Выбор данного набора индикаторов, по мнению автора, отражает конфигурацию современных внешнеэкономических уязвимостей, выявленных в результате системных кризисов последних десятилетий.

Через технологическое измерение оценивается, в какой мере страны-участницы способны сохранять контроль над разработкой и производством критически значимых технологий и компонентной базой

[254] World Energy Outlook, 2022 / International Energy Agency. — Paris : IEA Publications, 2022. — 524 p. — URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022 (accessed: 14.05.2026).

[255] Global value chains boost regional growth, but gains are uneven in Asia and the Pacific — ADB Report // Asian Development Bank (ADB) : [site]. — URL: https://www.adb.org/news/global-value-chains-boost-regional-growth-gains-are-uneven-asia-and-pacific-adb-report (accessed: 08.06.2026).

высокотехнологичной продукции[256]. За последние полтора десятилетия технологическая сфера превратилась в ключевую арену стратегического соперничества ведущих экономик мира: контроль над производством полупроводников, доступ к ключевым компонентам и владение патентами на интеллектуальную собственность трансформировались в инструмент стратегического соперничества, а экспортные ограничения на передачу технологий утвердились в качестве распространённой меры внешнего давления[257]. Технологическая сфера выступает ключевым фактором, позволяющим национальным экономикам поддерживать внутренние производственные циклы в условиях ограничения доступа к внешним поставкам критически важных компонентов.

С помощью энергетического измерения фиксируется устойчивость энергоснабжения стран-участниц, включая собственную ресурсную базу и диверсифицированность внешних поставок. Энергетический блок является одним из ключевых каналов, через которые внешние шоки передаются на национальные хозяйственные системы. Ценовые колебания или перебои в поставках энергоносителей могут вызывать цепную дестабилизацию макроэкономических показателей стран-участниц, что особенно становится очевидным в период энергетического кризиса[258]. Энергетика характеризует способность национальных экономик обеспечивать функционирование промышленного сектора и критической инфраструктуры в современных условиях[259].

---

[256] Zavyalova E. B., Safronchuk M. V., Burzhinskaya A. E. The 4th industrial revolution and digital transformation: changes and challenges // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. — 2022. — Vol. 16, iss.2/3/4. — P. 417–433.

[257] Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe’s semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 (Chips Act) (European Chips Act) // EUR-Lex — Access to European Union law : [site]. — 2023. — 18 September. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1781 (accessed: 28.04.2026).

[258] Energy security and resilience // Delloite : [site]. — URL: https://www.deloitte.com/nl/en/issues/resilience/energy-security-and-resilience.html (accessed: 12.05.2026).

[259] Grywnow R. Energy as a strategic pressure factor in 2026: why it’s a leadership problem // Medium : [site]. — URL: https://medium.com/@renegrywnow/energy-as-a-strategic-pressure-factor-in-2026-why-its-a-leadership-problem-not-procurement-1fc79fb550a4 (accessed: 03.05.2026).

Благодаря продовольственному измерению можно оценить, насколько национальные экономики способны покрывать внутренние потребности в продовольствии. Данный показатель является ключевым условием социальной стабильности и устойчивого развития стран-участниц[260], что особенно важно в условиях фрагментации международных транспортно-логистических маршрутов и ограничения экспорта крупнейшими экспортёрами зерновых. Продовольственный блок отражает аграрный потенциал всего объединения, что даёт возможность компенсировать дисбалансы отдельных стран-участниц и сглаживать колебания внешней конъюнктуры[261].

Каждое из трёх направлений операционализируется с помощью трёх количественных показателей, которые в совокупности обеспечивают его измеримость.

Технологическое измерение оценивается с помощью следующих показателей:

- доля расходов на НИОКР в ВВП;
- количество опубликованных статей в рецензируемых научно-технических журналах;
- число патентных заявок резидентов стран-участниц.

Выбор данных показателей обусловлен тем, что доля расходов на НИОКР отражает базу и интенсивность финансирования инновационной активности, публикационная активность характеризует фундаментальную научную отдачу, а патентная активность фиксирует прикладную результативность и способность объединения трансформировать научный задел и инновации в защищённые объекты интеллектуальной собственности. Данный набор индикаторов используется в международных рейтингах инновационной

[260] 5 Ways to make agriculture and food systems more resilient // UNDP Climate Promise : [site]. — 2025. — October 16. — URL: https://climatepromise.undp.org/news-and-stories/5-ways-make-agriculture-and-food-systems-more-resilient (accessed: 01.11.2025).

[261] Strengthening resilience to threats and crises / Food and Agriculture Organization of the United Nations. — 2016. — 4 p. — URL: https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/i5342e (accessed: 17.05.2026).

.

конкурентоспособности, таких как Глобальный инновационный индекс Всемирной организации интеллектуальной собственности[262] и Индекс инновационного развития Bloomberg[263], обеспечивая сопоставимость между показателями стран — участниц интеграционных объединений.

Энергетическое измерение оценивается посредством таких показателей, как:

- чистый импорт энергии;
- доля возобновляемой энергии в конечном потреблении;
- энергоёмкость первичной энергии.

Чистый импорт энергоресурсов отражает степень внешней зависимости и уязвимость стран-участниц перед внешними шокам в энергетической сфере. Доля возобновляемых источников характеризует структурную перестройку энергобаланса в пользу менее уязвимых источников и снижение долгосрочной зависимости от ограниченного круга поставщиков. Энергоёмкость первичной энергии демонстрирует эффективность её использования и потенциал сокращения совокупных энергетических потребностей за счёт технологической модернизации. Данный набор индикаторов используется в официальной энергетической статистике Международного энергетического агентства[264] и в статистической системе Евростата[265].

Продовольственное измерение оценивается посредством:

- доли продовольственного импорта в общем товарном импорте;
- индекса производства продовольствия;
- урожайности зерновых культур.

---

[262] Global Innovation Index 2024: unlocking the promise of social entrepreneurship // World Intellectual Property Organization : [site]. — URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2024 (accessed: 03.05.2026).

[263] The Bloomberg Innovation Index // Bloomberg : [site]. — URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/ (accessed: 12.05.2026).

[264] World energy statistics and balances : database documentation // International Energy Agency. — URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-statistics-and-balances (accessed: 12.05.2026)

[265] Energy statistics: an overview // European Commission : [site]. — 2025. — May. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview (accessed: 17.05.2026).

Доля продовольственного импорта отражает степень внешней зависимости стран-участниц от мировых продовольственных цепочек. Индекс производства продовольствия характеризует совокупную динамику аграрного сектора стран-участниц и устойчивость собственной производственной базы. Урожайность зерновых культур фиксирует эффективность использования сельскохозяйственных угодий и качество агротехнологической базы. Соответствующие индикаторы стандартизованы в рамках методологии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) и обеспечивают сопоставимость по всем рассматриваемым интеграционным объединениям[266].

Модель измерения защищённости стран — участниц интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости представлена на рис. 1.1.3.

Рис. 1.1.3. Модель измерения защищённости стран — участниц интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости

Источник: составлено автором.

[266] FAOSTAT Methodological Notes // Food and Agriculture Organization of the United Nations : [site]. — URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data (accessed: 09.04.2025).

На основе перечисленных показателей в параграфе 3.4 настоящей работы автором предложено рассчитать интеграционный индекс стратегической устойчивости, что позволит количественно ранжировать рассматриваемые интеграционные объединения по уровню защищённости или уязвимости их стран-участниц к внешним шокам. В рамках настоящего параграфа обосновывается логика выбора трёх измерений стратегической устойчивости. Собственно количественная оценка приводится в эмпирической части исследования.

Принципиальной методологической особенностью настоящего исследования является сравнение объединений, находящихся на различных формальных ступенях интеграции, — от расширенной зоны свободной торговли до экономического и валютного союза. Подобная постановка может вызвать методологическую критику, согласно которой корректным является сопоставление объединений одного уровня институциональной зрелости. Однако в рамках настоящего исследования предметом сравнения выступает не глубина институциональной интеграции, а способность объединений обеспечивать коллективную стратегическую устойчивость. Следуя данной логике, ЕС, находящийся на высшей ступени интеграции, может оказаться уязвимым в энергетическом измерении, тогда как АСЕАН, формально занимающая более низкую ступень, способна демонстрировать устойчивость в отдельных измерениях, в частности, благодаря более глубокой интеграции в глобальные производственные цепочки.

Сопоставление объединений, находящихся на разных ступенях формальной интеграции, не только методологически оправданно, но и содержательно необходимо, поскольку позволяет проверить гипотезу о том, что решающим фактором коллективной стратегической устойчивости выступает не институциональная зрелость как таковая, а конфигурация внутренних ресурсов и стратегических компетенций.

Сводная сравнительная характеристика выбранных объектов исследования по ключевым параметрам представлена в таблице 1.3.1.

Таблица 1.3.1

Сравнительная характеристика объектов исследования

Объединение	Регион	Стадия интеграции	Институциональная модель	Ключевая уязвимость по трём измерениям
ЕС	Западная и Центральная Европа	Экономический и валютный союз	Наднациональная	Структурная зависимость в энергетическом измерении
ЕАЭС	Постсоветское пространство	Общий рынок	Гибридная (с наднациональной ЕЭК)	Технологическое отставание; зависимость от внешнего технологического импорта
МЕРКОСУР	Латинская Америка	Таможенный союз	Гибридная (с доминированием межправительственного начала)	Технологическое отставание; зависимость от внешних рынков сбыта сырья
АСЕАН	Юго-Восточная Азия	Расширенная зона свободной торговли	Межправительственная	Уязвимость глобальных цепочек поставок; импортная зависимость от продовольствия

Источник: составлено автором.

Таким образом, предложенная в данном параграфе модель измерения защищённости стран-участниц выполняет функцию аналитического перехода от теоретической концепции к эмпирической части исследования. Она трансформирует подход к исследованию стратегической интеграции из теоретической дефиниции в совокупность операционализируемых индикаторов, на основе которых становятся возможными непосредственное сравнение национальных экономик и эмпирическая верификация гипотезы о нелинейном характере зависимости между формальной глубиной интеграции и способностью стран-участниц противостоять экзогенным шокам.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ДИНАМИКУ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

2.1. Трансформация глобальной архитектуры мировой экономики в условиях деглобализации

Завершение эпохи биполярной системы 1946–1991 гг. ознаменовало начало нового этапа глобализации. Данный период характеризовался значительным усилением трансграничных потоков товаров, услуг, капитала, рабочей силы и технологий, что привело к формированию глубоко взаимосвязанной и структурно сложной системы глобальных производственно-сбытовых цепочек. Данную тенденцию подкрепляли свободный доступ к сырьевым ресурсам, существование мирового патентного права, использование доллара в качестве мировых валют, а также вмешательство международных организаций во внутреннюю политику государств. Ключевую роль в данном процессе также сыграли глобальные цепочки создания стоимости, сформировавшие сложные трансграничные сети, которые позволяли компаниям оптимизировать производство за счёт конкурентных преимуществ разных стран, таких как дешёвая рабочая сила, благоприятная правовая среда и выгодное географическое расположение. Вероятность того, что период открытости в мировой экономике уступит место протекционизму и торговым войнам, противоречила господствующим нарративам и практически не обсуждалась в научном дискурсе[267].

Однако глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. выступил в роли переломного момента, спровоцировав резкое снижение объёмов мировой торговли и инвестиций. Несмотря на последующий период восстановления, в долгосрочной перспективе сформировалась устойчивая тенденция к снижению интенсивности интеграционных процессов в мировой экономике[268].

---

[267] Чикова А. Е. Трансформация интеграционных процессов в условиях деглобализации мировой экономики // Право и управление. XXI век. — 2026. — № 1. — С. 150–165.

[268] Blanga-Gubbay M., Rubínová S. Is the global economy fragmenting? / World Trade Organization, Economic Research and Statistics Division. — Geneva : WTO, 2024. — 23 p. — (Staff Working Paper:

Значительное замедление темпов экономического роста вынудило государства сосредоточить усилия и ресурсы на восстановлении национальных экономик и поддержке местного бизнеса. Для достижения данных целей страны применяли широкий спектр протекционистских мер — от введения таможенных тарифов до реализации масштабных государственных программ. Данные меры были направлены на ослабление позиций иностранных конкурентов, в том числе за счёт санкционных механизмов, и на создание благоприятных условий для поддержки отечественных производителей[269].

Само понятие «деглобализация» представляет собой процесс ослабления и уменьшения взаимосвязей и взаимного влияния стран, который, однако, предполагает не полное прекращение процессов глобализации, а их приостановку в связи с потерей доверия к существующей модели развития[270]. Данный процесс характеризуется ослаблением международной взаимозависимости и интеграции, что выражается в снижении интенсивности движения экономических ресурсов, усилении геополитической конфронтации, обострении протекционистской политики государств и расширении санкционных режимов [271].

Значительное усиление интереса к проблеме деглобализации произошло в 2017 году, что во многом было обусловлено изменением внешнеполитического курса США и кризисом европейской интеграции, кульминацией которого стало решение о выходе Великобритании из Европейского союза. К 2025 году использование термина «деглобализация» в научных публикациях резко возросло, утвердившись в качестве одной из

Research ; ERSD-2023-10). — URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202310_e.pdf (accessed: 02.03.2026).

[269] Камолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономики // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 34–47.

[270] Дипломатический словарь. — URL: http://diplomaticdictionary.com/dictionary (дата обращения: 03.12.2025).

[271] Montaruli F. Global trade, capital flows and deglobalization: a literature review / Oesterreichische Nationalbank (OeNB). — Vienna: OeNB, 2025. — 33 p. — (Occasional Paper ; 15). — URL: https://www.oenb.at/dam/jcr:4081f74d-3d34-4232-86a4-cc5fd94b396d/occasional-paper-no-15.pdf (accessed: 04.12.2025).

фундаментальных категорий для осмысления структурных трансформаций в мировой экономике.

Для современного этапа развития мировой экономики характерно усиление негативных тенденций, ведущих к существенной корректировке прогнозов глобального роста на ближайшую перспективу, что обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. Масштабные протекционистские меры США и ответные действия торговых партнёров, наложившиеся на растущую геополитическую нестабильность, ослабили и без того уязвимые международные экономические связи.

Согласно прогнозам ООН, значительное давление на мировую экономику оказывают снижение доверия потребителей и бизнеса, растущая волатильность на финансовых рынках и системные сбои в глобальных цепочках поставок. Тарифные ценовые шоки способствуют повышению инфляции, замедлению экономического роста и увеличению безработицы, что существенно усложняет реализацию эффективной денежно-кредитной политики. Растущая противоречивость политических мер формирует беспрецедентный уровень неопределённости, что дестабилизирует процессы стратегического планирования как на микро-, так и на макроуровне. Совокупность данных факторов создает риски не только для краткосрочного экономического роста, но и для успешной реализации долгосрочных целей устойчивого развития[272].

Зафиксированные в 2025 году рекордные значения индекса неопределённости экономической и торговой политики ЮНКТАД[273] указывают на системную перестройку глобального экономического ландшафта. Нарастающая неопределённость оказывает значительное влияние на макроэкономическую стабильность, выражаясь в усилении волатильности

[272] World economic situation and prospects : mid-year update / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. — Washington : UN, 2025. — 30 p. — URL: https://desapublications.un.org/publications/world-economic-situation-and-prospects-mid-2025 (accessed: 12.05.2026).

[273] Uncertainty is the new tariff, costing global trade and hurting developing economies // UN Trade and Development (UNCTAD) : [site]. — 2025. — 01 September. — URL: https://unctad.org/news/uncertainty-new-tariff-costing-global-trade-and-hurting-developing-economies (accessed: 07.12.2025).

финансовых показателей, ограничении трансграничного движения капитала и росте стоимости заимствований. В результате происходит сокращение доступности кредитования и снижение инвестиционной активности. При высоких глобальных процентных ставках усиление неопределённости создает дополнительную нагрузку на госбюджеты и сужает возможности стимулирования экономического роста.

Она также ведёт к снижению эффективности международных регуляторных механизмов. Отсутствие прозрачности и предсказуемости подталкивает правительства на односторонние действия, которые запускают цепную реакцию ответных мер, углубляя фрагментацию глобальных цепочек создания стоимости и подрывая основы многостороннего сотрудничества. Данная тенденция становится ключевым фактором, определяющим не только конъюнктурные колебания, но и структурную перестройку всей системы международных экономических отношений (рис. 2.1.1)[274].

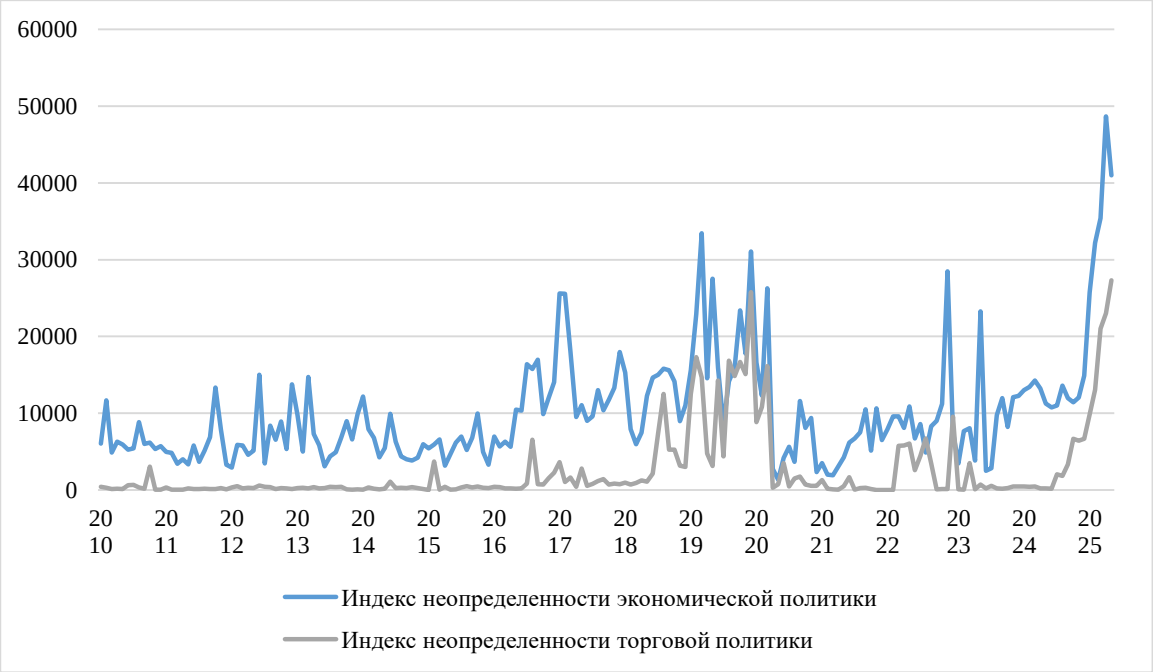

Рис. 2.1.1. Индексы неопределённости экономической и торговой политики (2010–2025 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных UN Trade and Development (UNCTAD).

[274] Uncertainty is the new tariff, costing global trade and hurting developing economies // UN Trade and Development (UNCTAD) : [site]. — 2025. — 01 September. — URL: https://unctad.org/news/uncertainty-new-tariff-costing-global-trade-and-hurting-developing-economies (accessed: 07.12.2025).

Анализ экономического роста позволяет выявить ряд структурных тенденций. Данные показывают, что после кризиса 2008 года среднесрочные темпы мирового экономического роста устойчиво снижаются: к 2025 году он увеличился лишь на 3,2% в годовом выражении[275]. Вместе с тем следует обратить внимание на неоднородность экономического роста между развитыми и развивающимися экономиками[276].

В Соединённых Штатах темп экономического роста достиг минимального значения за последнее десятилетие, составив 2% в 2025 году. Данная тенденция обусловлена рядом факторов, в том числе ужесточением торговой политики, снижением потребительского спроса, замедлением экспортного потенциала и увеличением долговой нагрузки[277]. В странах еврозоны наблюдается еще более скромная динамика экономического роста — 0,8% в 2025 году, что связано с высокой энергетической зависимостью, снижением конкурентоспособности промышленности и старением населения. Внутрирегиональная дифференциация, проявляющаяся в стагнации экономики Германии почти с нулевым приростом в 2025 году (0,2%) при относительно более устойчивых, хотя и умеренных темпах роста во Франции и Италии (0,7% и 0,5% соответственно), подчеркивает неоднородность институциональных и экономических структур государств[278].

В отличие от развитых экономик, многие развивающиеся рынки сохраняют относительно высокие темпы экономического роста, несмотря на незначительную тенденцию к замедлению. В 2025 году совокупный рост составил 4,2%, при этом в 2026 году прогнозируется его незначительное

---

[275] Real GDP growth : annual percent change // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (accessed: 14.03.2026).

[276] Бажан А. И. Замедление экономического роста и падение производства в ЕС // Современная Европа. — 2021. — № 5. — С. 113–125.

[277] «Трампономика» vs реальность : решаемые и нерешаемые проблемы экономики США / Росконгресс. — М., 2025. — 18 р. — URL: https://roscongress.org/materials/tramponomika-vs-realnost-reshaemye-i-nereshaemye-problemy-ekonomiki-ssha (дата обращения: 11.12.2025).

[278] Real GDP growth : annual percent change // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper (accessed: 15.12.2025).

снижение до 4%[279]. Основной вклад в экономический рост развивающихся стран обеспечивает Индия (6,6%), увеличение ВВП которой обусловлено динамичным развитием сектором услуг, устойчивым внутренним спросом, поддерживаемым значительным демографическим потенциалом, а также положительной динамикой в сельском хозяйстве и промышленности[280]. Существенную роль также играет Китай (4,8%), экономический рост которого обеспечивается за счёт активной государственной поддержки, мирового лидерства в производстве и экспортной ориентации, а также внедрения инновационных технологий[281].

Региональная динамика отличается выраженной неоднородностью: в странах Латинской Америки и Карибского бассейна зафиксирован рост на уровне 3,6%, в Юго-Восточной Азии — 4,3%, в Африке — 4,2%, в Центральной Азии — 4,3%, в Восточной Азии — 4%, на Ближнем Востоке — 2,7%. Наиболее низкие темпы роста наблюдаются в развивающихся странах Восточной Европы, где экономический рост составил 1,4%. Динамика роста реального ВВП в период с 1995 по 2030 год представлена на рисунке 2.1.2[282].

[279] World economic outlook update : global economy: tenuous resilience amid persistent uncertainty / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2025. — 12 p. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/07/29/world-economic-outlook-update-july-2025 (accessed: 17.12.2025).

[280] India and the IMF // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/en/countries/ind (дата обращения: 15.12.2025).

[281] China’s economic recovery: transitioning to high-quality growth // ASEAN+3 Macroeconomic Research Office : [site]. — URL: https://amro-asia.org/chinas-economic-recovery-transitioning-to-high-quality-growth (accessed: 16.12.2025).

[282] World economic outlook update : global economy: tenuous resilience amid persistent uncertainty / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2025. — 12 p. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/07/29/world-economic-outlook-update-july-2025 (accessed: 17.12.2025).

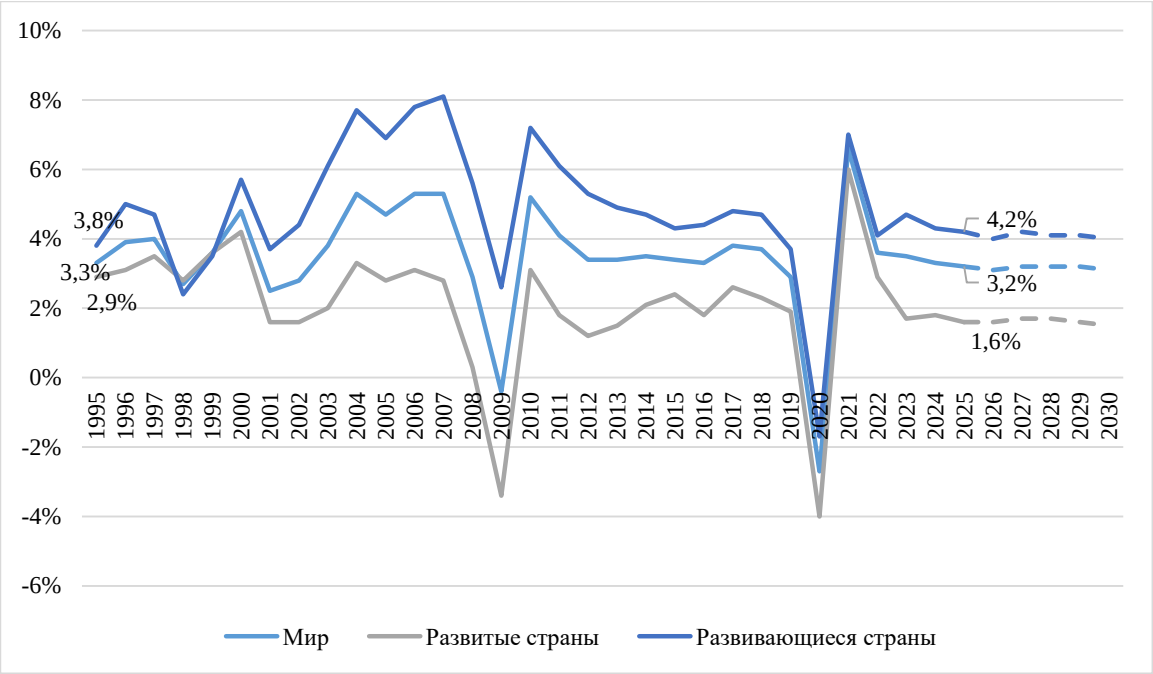

Рис. 2.1.2. Рост реального ВВП (1995–2030), % к предыдущему году

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Анализ среднесрочных прогнозов экономического роста позволяет выявить их выраженную географическую и структурную неоднородность. Наиболее значительная корректировка прогнозов в сторону повышения характерна для ограниченной группы развивающихся рынков Азии, Африки и Ближнего Востока. Прогнозы роста для большинства развитых экономик подвергаются умеренному пересмотру, что свидетельствует о сохраняющихся структурных ограничениях и макроэкономических рисках. В среднесрочном периоде ожидается постепенное исчерпание модели опережающего потребительского спроса по мере нормализации глобальных цепочек поставок и снижения эффективности стимулирующих мер. Данная тенденция окажет сдерживающее воздействие на динамику международной торговли и, как следствие, на глобальный экономический рост[283].

Ключевым фактором, обуславливающим современное замедление интеграционных процессов, выступают структурные трансформации в системе международной торговли. Традиционно торговля рассматривалась

[283] Чикова А. Е. Трансформация интеграционных процессов в условиях деглобализации мировой экономики // Право и управление. XXI век. — 2026. — Т. 22, № 1. — С. 150–165.

как катализатор глобальной экономической интеграции, обеспечивающий эффективное распределение ресурсов на основе принципа сравнительных преимуществ. Посредством данного механизма субъекты мировой экономики получали возможность не только обмениваться результатами труда, но и участвовать в глобальном процессе передачи технологий. Важную роль в данном процессе традиционно играл приток иностранного капитала, направляемый на финансирование внутренних инвестиций или покрытие дефицита счёта текущих операций, что, в свою очередь, стимулировало экономический рост. Данный рост закономерно сопровождался увеличением национального спроса на импорт, который удовлетворялся либо за счёт экспортной выручки, либо посредством внешнего финансирования. Однако в последние десятилетия наблюдается иная тенденция: мировая торговля увеличивалась в среднем лишь на 3,2% в год, незначительно опережая рост мирового производства, который составлял 2,7% в год[284].

Высокая неопределённость международной торговли сохраняется на фоне усиления непредсказуемости торговой политики ведущих экономик. Несмотря на то что подобные изменения могут предоставлять отдельным странам возможности для перераспределения рыночных ниш и диверсификации экспорта, они одновременно несут системные риски для глобальной экономической стабильности. К ним относятся усиление протекционизма, снижение эффективности распределения ресурсов и рост институциональной неопределённости в торговой политике. Нарастающие вызовы подчеркивают глубокую нестабильность архитектуры международной торговли, характеризующуюся усилением противоречий между её участниками. Обострение торговых разногласий ставит под сомнение эффективность ключевых институтов, в первую очередь ВТО, чей механизм урегулирования споров оказался парализованным. Растущие транзакционные издержки и правовая неопределённость не просто осложняют торговлю — они

[284] Чикова А. Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики // Право и управление. XXI век. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 91–101.

ставят под угрозу само существование единого правового поля в глобальной торговле.

Анализ данных по международной торговле за последние три десятилетия выявляет выраженный восходящий тренд, продолжавшийся до 2008 года, когда отношение экспорта к ВВП достигло 30,8%. Резкий спад данного показателя в 2009 году выступил переломным моментом, когда отношение экспорта к ВПП снизилось до 26,2%. Период после 2014 года характеризуется дальнейшим снижением показателя, что обусловлено ростом протекционистских тенденций и геополитической напряжённости. Кратковременный подъём в 2022 году, связанный с восстановлением после пандемии, к 2024 году сменился стабилизацией на уровнях, заметно уступающих докризисным значениям (рис. 2.1.3)[285].

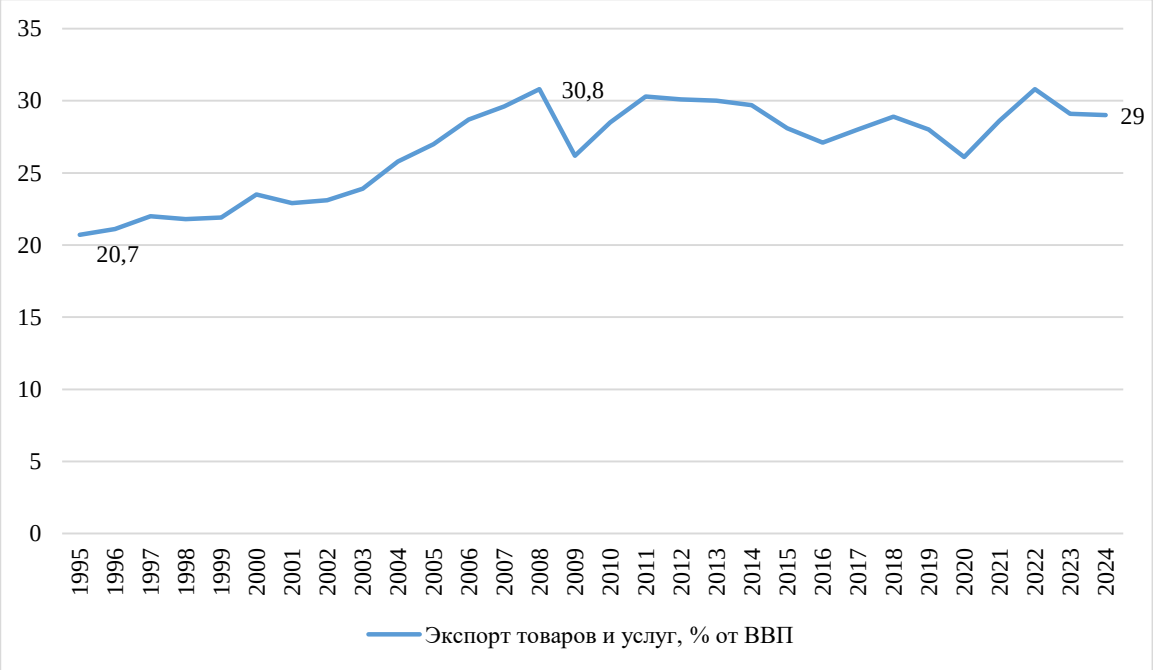

Рис. 2.1.3. Динамика экспорта товаров и услуг в процентах от ВПП (1995–2024 гг.), % от ВВП

Источник: составлено автором на основе данных World Bank Group.

[285] Exports of goods and services (% of GDP) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?end=2024&start=1995 (accessed: 09.11.2025).

Анализ динамики вступления в силу региональных торговых соглашений (РТС) позволяет выявить структурные сдвиги в системе международной торговли. Выраженное сокращение числа новых РТС, наблюдаемое в последние годы, отражает системные изменения в геоэкономической и институциональной среде. Период устойчивого роста числа преференциальных торговых соглашений, который достиг пика в 2021 году с рекордными показателями (43 соглашения по товарам и 24 по услугам), сменился фазой резкого сокращения активности. В 2022–2023 гг. количество вступивших в силу РТС сократилось до минимального за последние два десятилетия уровня (6 и 4 соглашения по товарам соответственно), тогда как в 2025 году было заключено лишь 2 новых соглашения (рис. 2.1.4)[286].

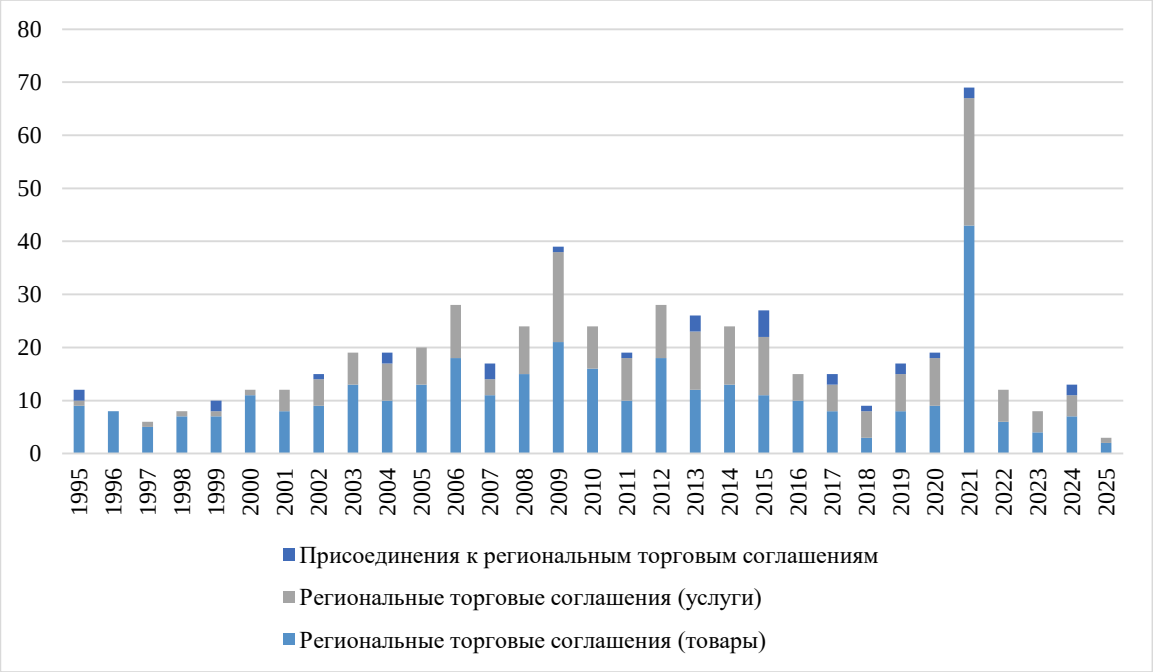

Рис. 2.1.4. Действующие региональные торговые соглашения (1995–2025 гг.), кол-во

Источник: составлено автором на основе данных World Trade Organization (WTO).

Наблюдаемая динамика позволяет выдвинуть тезис о фундаментальной трансформации парадигмы экономической интеграции. Сложившаяся модель, ориентированная на экстенсивное расширение числа соглашений, уступает место фазе структурной консолидации и стратегической переориентации

[286] Regional trade agreements : database // WTO: Regional trade agreements [site]. — URL: https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx (accessed: 21.12.2025).

существующих интеграционных объединений. В условиях усиления геополитической турбулентности происходит смещение приоритетов от заключения новых соглашений к укреплению действующих альянсов. Данная тенденция проявляется в углублении интеграции в рамках уже сложившихся блоков, постепенно вытесняя традиционную модель формирования новых торгово-политических альянсов.

Аналогичная тенденция характерна и для потоков капитала. Эскалация глобальных торговых конфликтов существенно подавляет мировую инвестиционную активность, что проявляется в сокращении совокупного спроса, росте операционных издержек хозяйствующих субъектов и усилении регуляторной неопределённости. Совокупное влияние данных факторов формирует макроэкономическую среду, стимулирующую переход корпоративного сектора к выжидательным стратегиям, реализуемым посредством повсеместного сокращения или приостановки капитальных расходов за рубежом. Наиболее выраженно данная тенденция проявляется в отраслях с высокоинтегрированными глобальными цепочками создания стоимости, в частности в автомобилестроении, электронике и тяжелом машиностроении, что обусловлено их повышенной чувствительностью к внешнеторговым шокам[287].

Международное движение капитала выполняет системообразующую функцию в глобальной экономике, оказывая влияние на формирование обменных курсов и уровень процентных ставок, что в конечном счёте определяет траекторию экономического роста и макроэкономической стабильности. К основным факторам, определяющим направление и объём международных потоков капитала, относятся межстрановые различия в процентных ставках, геополитические риски и текущая рыночная конъюнктура. Увеличение экспортного потенциала зачастую сопровождается притоком капитала, который служит источником финансирования для

[287] Global trade outlook and statistics, April 2025 / World Trade Organization. — Geneva : WTO Secretariat, 2025. — 40 p. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (accessed: 23.12.2025).

необходимых инвестиций в основные фонды, внедрение инновационных технологий и освоение новых рынков сбыта. Международные потоки капитала обеспечивают перераспределение финансовых ресурсов с национальных на глобальные рынки, выступая тем самым ключевым фактором углубления международной экономической интеграции и стимулирования глобального экономического роста.

Анализ динамики глобальных потоков капитала в платёжном балансе проводится на основе данных, классифицированных в разрезе четырёх ключевых категорий: прямых иностранных инвестиций, портфельных инвестиций, прочих инвестиций и международных резервов за период с 1995 по 2024 год (рис. 2.1.5)[288].

Рис. 2.1.5. Структура глобальных потоков капитала по типам инвестиций (1995–2024), % от ВВП

Источник: составлено автором на основе данных Oesterreichische Nationalbank (OeNB).

Исследование тенденций в движении капитала выявляет устойчивую тенденцию к структурной трансформации, подтверждающую гипотезу о

[288] Abeliansky A. Belabed C. A., Mayrhube J. OeNB Report 2024/8: (De)globalization monitor: capital flows and cross-border investment // Oesterreichische Nationalbank (OeNB) : [site]. — 2024. — URL: https://www.oenb.at/Publikationen/Volkswirtschaft/reports/2024/report-2024-8-deglobalization/html-version.html (accessed: 23.12.2025).

развитии процессов деглобализации в мировой экономике. Достигнув пикового значения в 2007 году (16,97% от ВВП), совокупные потоки капитала вступили в фазу выраженной нестабильности и структурного снижения. Глобальный финансовый кризис 2008 года стал переломным моментом, вызвав резкое сокращение показателя до 1,79% от ВВП, за которым последовал период волатильного восстановления[289].

Ключевым индикатором деглобализации является устойчивое снижение данного показателя относительно докризисного периода, несмотря на отдельные периоды оживления. Повышенная волатильность потоков капитала указывает на растущую чувствительность к геополитическим рискам и макроэкономической неопределённости (рис. 2.1.6) [290].

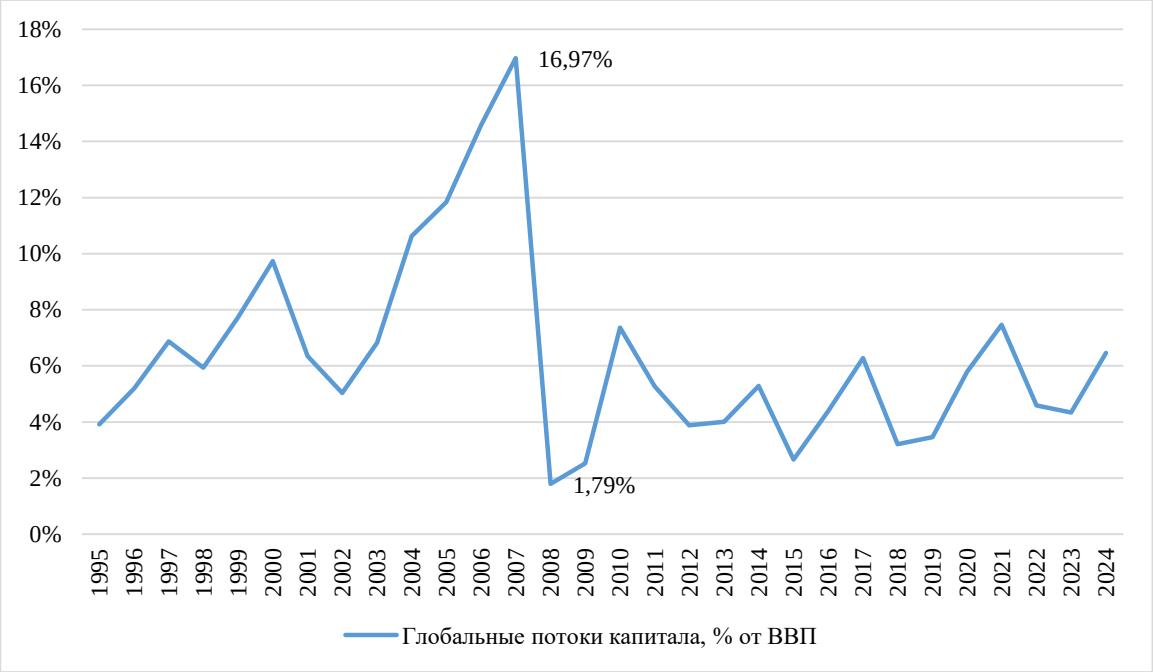

Рис. 2.1.6. Динамика глобальных потоков капитала (1995–2024 гг.), % от ВВП

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Архитектура международного инвестиционного регулирования также трансформируется, что подтверждается устойчивым сокращением числа

[289] Balance of payment (BOP) // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0) (accessed: 24.01.2026).

[290] Там же.

действующих соглашений к 2025 году. Системные трудности с ратификацией новых соглашений указывают на усиление геополитической неопределённости и сдержанность национальных правительств при принятии международных обязательств. Наблюдаемый рост числа денонсаций соглашений после 2015 года свидетельствует о переориентации государственной политики в сторону протекционизма и более сбалансированных механизмов инвестиционного регулирования, учитывающих сохранение регулятивного суверенитета и задачи устойчивого развития (рис. 2.1.7) [291].

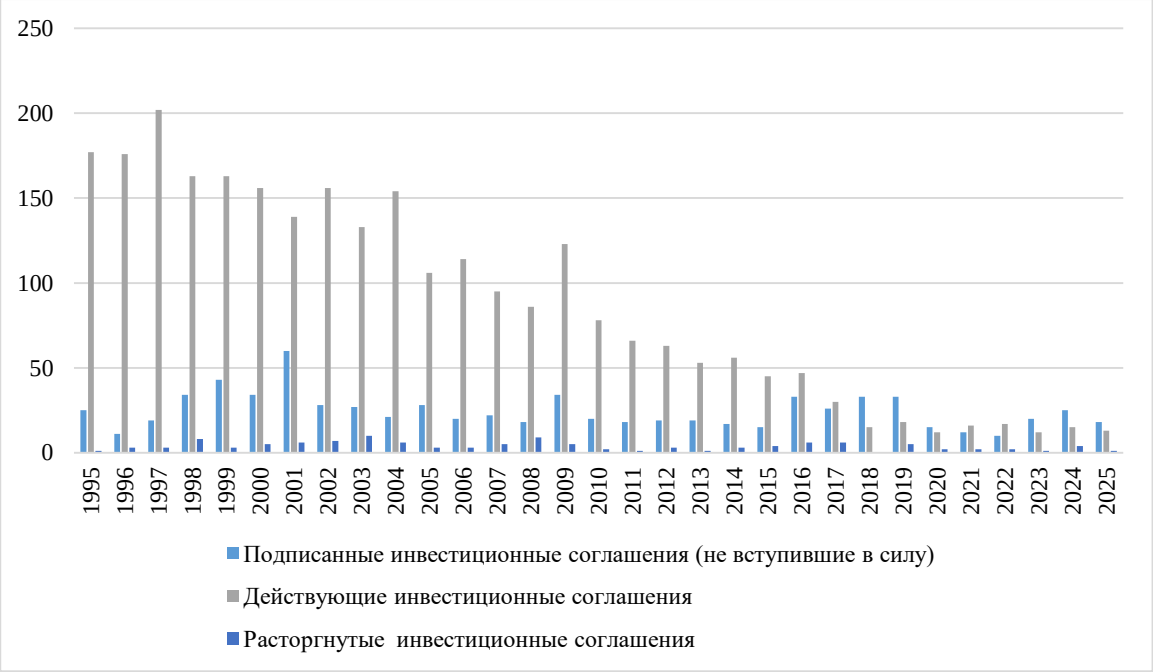

Рис. 2.1.7. Международные инвестиционные соглашения (1995–2025 гг.), кол-во

Источник: составлено автором на основе данных Electronic Database of Investment Treaties (EDIT) ; UN Trade and Development (UNCTAD).

Современный международный инвестиционный ландшафт формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов, усугубляемых повышенными финансовыми рисками и макроэкономической нестабильностью, что приводит к фундаментальной реконфигурации

[291] International investment agreements navigator // UNCTAD Investment Policy Hub : [site]. — URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements (accessed: 01.02.2026).

глобальных инвестиционных потоков и снижению доверия инвесторов. Устойчивая деглобализация инвестиционных потоков может стать катализатором дальнейшего геополитического раскола, формируя циклическую модель трансформации глобальной экономической архитектуры[292].

Усиление протекционистских тенденций и сохраняющаяся неопределённость в торговой политике оказывают дестабилизирующее воздействие на мировую экономику. Дальнейшее повышение тарифов способно привести к фрагментации глобальных цепочек создания стоимости и оказать негативное воздействие на экономику наиболее уязвимых стран. Хотя отдельные государства могут получать временные выгоды от перераспределения торговых потоков, в среднесрочной перспективе совокупный эффект окажет сдерживающее влияние на глобальное производство вследствие разрушения сложившихся цепочек поставок[293].

Процесс деглобализации обладает двойственной природой, вызывая комплекс противоречивых последствий. С одной стороны, он создает для национальных государств инструментальные возможности, направленные на стимулирование внутренних производителей и развитие стратегически значимых отраслей экономики. С другой стороны, сопутствующая данному процессу поляризация политического дискурса ведёт к эскалации геополитической напряжённости. Данная тенденция повышает риски дальнейшей фрагментации мировой экономики, создавая структурные угрозы для устойчивости глобальной хозяйственной системы.

---

[292] Changing global linkages: a new cold war? / G. Gopinath, P.-O. Gourinchas, A. F. Presbitero, P. Topalova ; International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2024. — 23 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 24/76). — URL: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2024/English/wpiea2024076-print-pdf.ashx (accessed: 05.12.2025).

[293] Чикова А. Е. Трансформация интеграционных процессов в условиях деглобализации мировой экономики // Право и управление. XXI. век. — 2026. — № 1. — С. 150–165.

2.2. Влияние фрагментации мировой экономики на современные интеграционные процессы

Современные тенденции развития мировой экономики обусловливают необходимость исследования влияния фрагментации мировой экономики на интеграционные процессы. Данный процесс, в отличие от стихийных экономических изменений, носит преимущественно политический характер и является результатом целенаправленной деятельности государственных институтов. Формирование внешнеэкономического курса данными институтами определяется в первую очередь задачами обеспечения национальной безопасности, охватывающей как стратегические, так и экономико-технологические аспекты. Наблюдаемый процесс фрагментации представляет собой не столько пространственное разобщение экономических субъектов, сколько политико-экономическую реконфигурацию архитектуры глобальных хозяйственных взаимодействий, связанную с вопросами обеспечения национальной и экономической безопасности, а также стремлением к укреплению автономии за счёт снижения критических зависимостей от иностранных поставщиков и партнёров. Движущими силами фрагментации могут выступать как прямое геополитическое противостояние, так и приоритеты национальной экономической политики, в частности, решоринг производств и поддержка внутренней занятости[294].

В настоящее время фрагментация мировой экономики приобретает выраженный полицентричный характер, проявляясь в формировании блоков, консолидирующихся вокруг полюсов, представленных США, Китаем и ЕС. Вместе с тем возникает группа условно нейтральных государств-посредников, таких как Индия и Вьетнам, стремящихся использовать свое положение для медиации в трансграничных торговых и финансовых операциях. При этом экономическая интеграция внутри формирующихся альянсов усиливается, тогда как межблоковые потоки сталкиваются с нарастающими барьерами,

[294] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

ключевыми из которых являются дискриминационные тарифные режимы. Систематическое ужесточение тарифной политики со стороны США выступает мощным катализатором данной тенденции, способствуя консолидации разделения глобального экономического пространства на конкурирующие между собой сегменты[295].

Системная трансформация глобального экономического ландшафта выражается в устойчивом росте неопределённости торговой политики. Ключевым фактором данной тенденции стало обострение американо-китайского торгового противостояния, которое наряду с волной последующих односторонних ограничений привело к существенной дестабилизации международной торговли и ослабеванию механизмов её многостороннего регулирования. Последующие шоки усугубили структурные расколы в мировом экономическом порядке и спровоцировали глубокие дисбалансы на ключевых товарных рынках, что привело к снижению устойчивости некогда эффективно функционировавших глобальных производственных цепочек (рис. 2.2.1).

Рис. 2.2.1. Динамика индекса неопределённости торговой политики (2016–2024 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

[295] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

Фундаментальным проявлением экономической интеграции выступает вовлечённость национальных экономик в мировую торговлю, степень которой количественно оценивается через коэффициент торговой открытости. Данный индикатор, определяемый как отношение суммарного товарооборота (экспорт плюс импорт) к ВВП, является одним из ключевых для анализа долгосрочных интеграционных тенденций.

Устойчивое снижение коэффициента подтверждает гипотезу о том, что кризис 2008–2009 гг. выступил не просто кратковременным циклическим спадом, а катализатором структурной трансформации фундаментальных принципов глобальной интеграции. Согласно данным, представленным на рис. 2.2.2, наблюдается переход от модели устойчивой глобализации к модели, характеризующейся высокой волатильностью и структурными разрывами. Послекризисное восстановление показателя отличается низкой интенсивностью, что не позволяет говорить о формировании долгосрочных позитивных тенденций. Наблюдаемый в 2023–2024 гг. тренд свидетельствует о том, что фрагментация приобретает характер долгосрочной структурной тенденции, результатом которой является прогрессирующая сегментация мирохозяйственных связей и пересмотр основных принципов глобальной торговли.

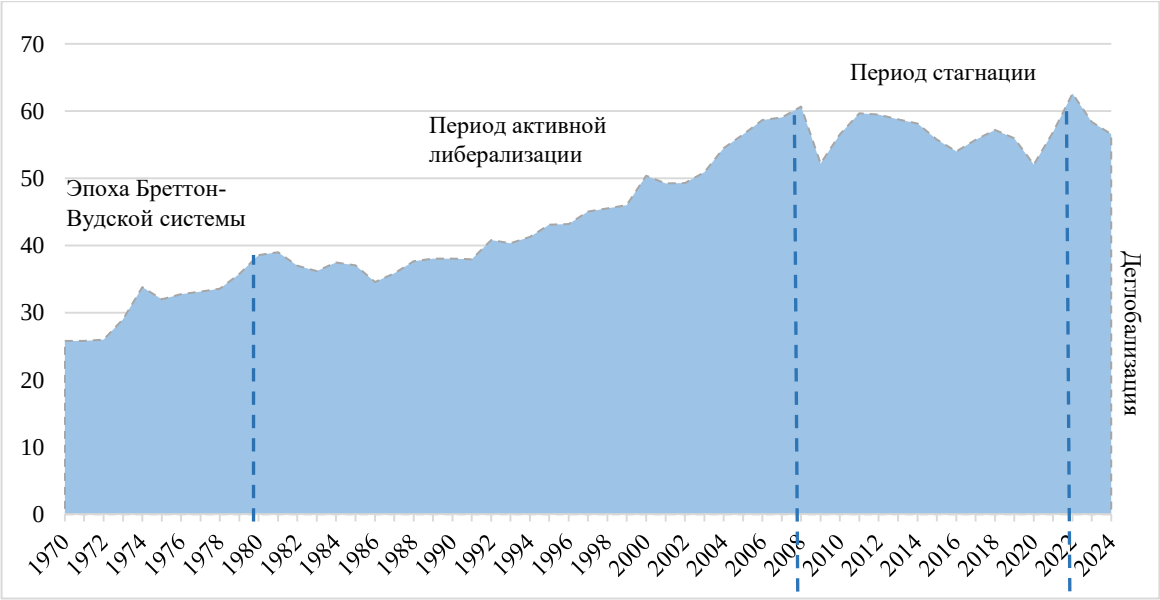

Рис. 2.2.2. Динамика открытости международной торговли (1970–2024 гг.), % от ВВП

Источник: составлено автором на основе данных World Bank Group.

В ответ на возросшие риски и неопределённость в мировой экономике наблюдается качественная трансформация государственной политики, характеризующаяся усилением протекционизма и систематическим использованием санкционных ограничений, мотивированных соображениями экономической безопасности, что приводит к формированию институциональных предпосылок для структурной фрагментации глобальных рынков.

Наиболее отчётливо протекционистская политика проявляется в высокотехнологичных и стратегических отраслях, являющихся критически важными для технологического развития и энергетической безопасности. К ним относятся производство машин и электрооборудования, минерального топлива и нефтепродуктов и так далее. Среди наиболее распространённых инструментов доминируют меры прямой поддержки национальных производителей, а также импортные квоты и тарифные барьеры. Подобная избирательность в применении ограничений указывает на ключевую стратегическую цель — защиту и развитие собственных технологических и ресурсных баз в условиях обострившейся конкуренции.

Так, в период с 2009 по 2025 год совокупный объём протекционистских мер более чем в три раза превышает количество мер, направленных на либерализацию (23167 против 7263), что свидетельствует об устойчивом и усиливающемся сдвиге в политике ведущих стран. Основными инициаторами таких мер выступают крупнейшие экономики мира, в частности Соединённые Штаты (12468 мер), Китай (9699), Бразилия (9202), Германия (4841) и Индия (4137) (рис. 2.2.3)[296].

[296] The World’s trade and industrial policy watchdog // Global Trade Alert : [site]. — URL: https://globaltradealert.org (accessed: 24.12.2025).

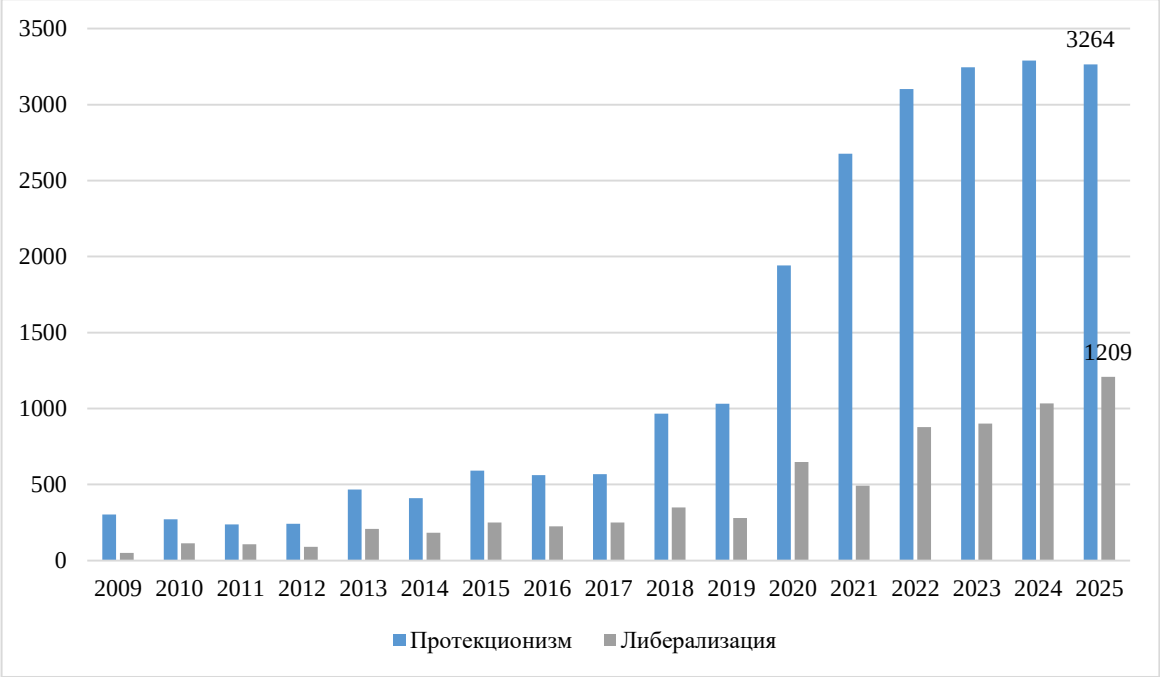

Рис. 2.2.3. Общее количество принятых государственных мер, регулирующих внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и миграцию (2009–2025 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных Global Trade Alert.

Широкомасштабное применение тарифных мер в рамках современной торговой политики Соединённых Штатов формирует устойчивый системный риск для стабильности международной экономической архитектуры. Правовой основой данной политики служит Закон о чрезвычайных экономических полномочиях, позволяющий принимать меры в случае возникновения «чрезвычайной угрозы» для национальной безопасности или внешней политики страны. На основании данного документа были введены пошлины в отношении 211 стран и территорий: для 86 из них ставки выросли до 11–50%, для остальных была установлена базовая пошлина в размере 10%. Под ограничения попали стратегически важные сектора экономики, такие как автомобилестроение, металлургия, производство полупроводников и фармацевтика. При этом кумулятивный эффект данных мер привёл к росту средневзвешенной применяемой ставки на импорт до 15,8%, а средний эффективный тариф, скорректированный с учётом поведенческих реакций

рынка, достиг 11,2%, что является максимальным значением с 1943 года (рис. 2.2.4) [297].

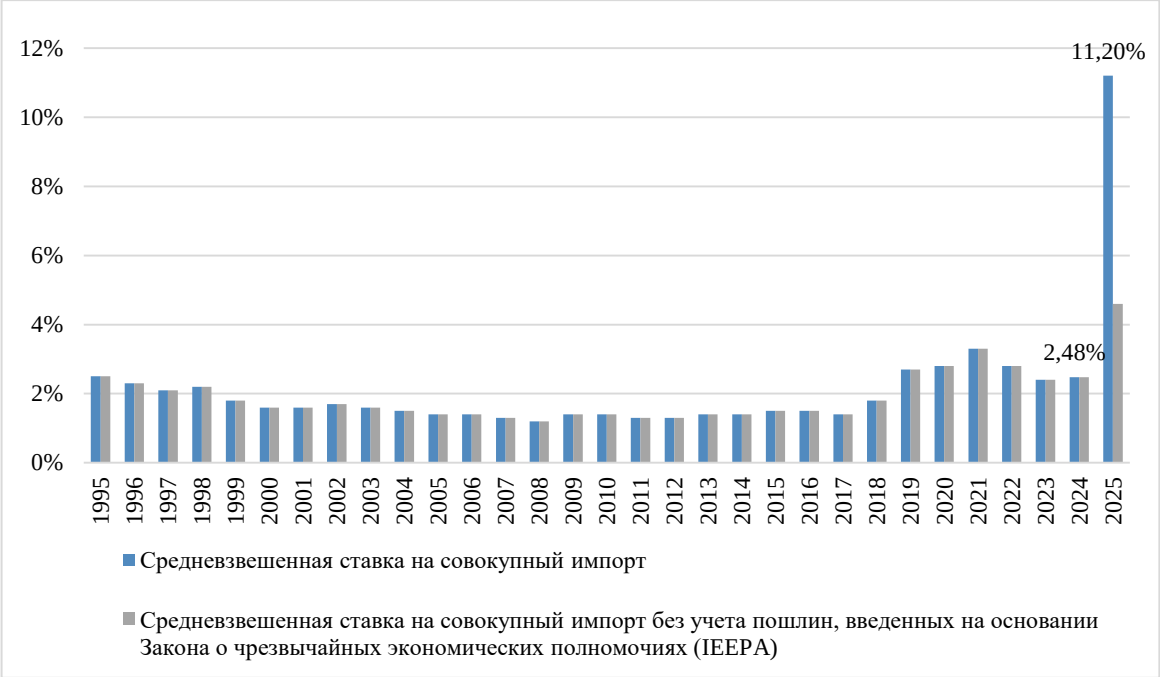

Рис. 2.2.4. Тарифные меры США и их влияние на глобальную средневзвешенную импортную ставку (1995–2025 гг.), %

Источник: составлено автором на основе данных Tax Foundation.

Подобные меры свидетельствуют о тектоническом сдвиге в торговой политике стран, знаменуя отход от базовых принципов, лежавших в основе многосторонней торговой системы со времен создания ВТО. Ключевыми нововведениями стали дифференциация тарифов в зависимости от страны-партнёра и расширение секторального охвата. Такой подход вступает в противоречие с принципом наибольшего благоприятствования (НБ), предполагающим недискриминационный режим в торговле. В результате дифференцированные тарифы используются как инструмент политического давления, направленный не только на сокращение торговых дисбалансов, но и на достижение внеэкономических целей, что усиливает системные дисбалансы в глобальных торговых отношениях.

[297] York E., Durante A. Tracking the impact of the Trump tariffs & trade war // Tax Foundation : [site]. — 2026. — May 6. — URL: https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war (accessed: 20.05.2026).

В условиях структурной перестройки мировой экономической системы стратегические факторы приобретают определяющее значение для трансформации двусторонних торговых связей. Данный процесс ведёт к глубокой реконфигурации международного товарооборота и изменению характера взаимодействия с третьими странами. Подтверждением прогрессирующей переориентации товарных потоков в сторону государств со схожими политико-идеологическими взглядами и стратегическими интересами является динамика торговли между условными блоками, сформированными на основе анализа голосований в Генеральной Ассамблее ООН. Условные блоки автор предлагает поделить на китаецентричный (Китай и союзники), западный (США и союзники) и нейтральный (государства, либо не имеющие внешнеполитических соглашений ни с США, ни с Китаем, либо имеющие в равной степени и с той, и с другой страной). Так, после 2022 года темпы роста торговли между такими блоками оказались в среднем на 4 процентных пункта ниже, чем темпы роста торговли внутри блоков. В то же время признаков перехода к регионализации или широкому распространению практики переноса производственных мощностей в географически близкие страны в настоящее время не наблюдается.

На фоне усиления глобальной неопределённости стабилизация разрыва между внутриблоковыми и межблоковыми торговыми потоками может свидетельствовать о начальной стадии трансформации сложившихся тенденций. Вместе с тем дальнейшее углубление фрагментации мировой торговли между ведущими державами может не только усилить данную тенденцию, но и придать ей глобальный характер, распространившись на всю систему стратегических альянсов[298].

Долгосрочные последствия подобного сценария могут привести к значительным экономическим издержкам, связанным с фрагментацией глобальной экономической архитектуры на конкурирующие блоки. Согласно

[298] Чикова А. Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики // Право и управление. XXI век. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 91–101.

прогнозным оценкам, взаимное повышение тарифных ставок на 100% между двумя стратегическими блоками в сочетании с ростом неопределённости торговой политики и ужесточением нетарифных барьеров приведёт к долгосрочному снижению реального объема мирового ВВП примерно на 7% к 2040 году (рис. 2.2.5)[299].

Рис. 2.2.5. Торговля внутри стратегических блоков и между ними (2018–2024 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных World Trade Organization (WTO).

Примечание: блоки сформированы по принципу схожих политико-идеологических взглядов и стратегических интересов, определяемых на основе анализа статистики голосований в Генеральной Ассамблее ООН.

Нарастающая турбулентность мировой экономики оказывает всестороннее влияние и на международную финансовую архитектуру. Анализ динамики трансграничного движения потоков капитала демонстрирует взаимосвязь между стратегическим дистанцированием стран и структурной направленностью международных инвестиционных потоков. Данные процессы развиваются на фоне двухлетнего снижения глобальных потоков

[299] Global trade outlook and statistics, April 2025 / World Trade Organization. — Geneva : WTO Secretariat, 2025. — 40 p. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (accessed: 23.12.2025).

ПИИ, которое в первом полугодии 2025 года составило 3%[300]. Основное снижение было обусловлено ситуацией в развитых экономиках, где объём трансграничных слияний и поглощений, традиционно формирующих значительную часть их инвестиционных потоков, сократился на 18%. Приток инвестиций в развивающиеся страны в целом остался стабильным, однако с выраженной региональной спецификой: в Латинской Америке и Карибском бассейне он увеличился на 12%, в развивающихся странах Азии — на 7%, тогда как в Африке сократился на 42%.

Общая экономическая неопределённость и высокая стоимость заимствований продолжают оказывать сдерживающее влияние на капиталовложения в промышленность и инфраструктуру. Так, число анонсированных проектов «с нуля» сократилось на 17%, в значительной степени из-за резкого спада в отраслях со сложными производственными цепочками, таких как электроника и автомобилестроение[301].

Снижение также затронуло международное проектное финансирование, играющее критически важную роль в развитии инфраструктуры, где количество сделок сократилось на 11%, а их совокупная стоимость — на 8%. Более благоприятная тенденция наблюдается в развивающихся экономиках, где количество сделок проектным финансированием сократилось лишь на 2%. При этом, несмотря на меньшее количество соглашений, их совокупная стоимость выросла на 21% благодаря реализации нескольких крупномасштабных проектов (рис. 2.2.6)[302].

[300] World investment report, 2025 : international investment in the digital economy / United Nations, UN Conference on Trade and Development. — Washington : UN Publications, 2025. — 278 p. — URL: https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025 (accessed: 02.02.2026).

[301] World economic outlook : a rocky recovery / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2023. — 206 p. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2023/april/english/text.pdf (accessed: 02.02.2026).

[302] Global foreign investment falls 3% in first half of 2025, hitting industry and infrastructure // UN Trade and Development (UNCTAD) : [site]. — 2025. — 31 October. — URL: https://unctad.org/news/global-foreign-investment-falls-3-first-half-2025-hitting-industry-and-infrastructure (accessed: 15.01.2026).

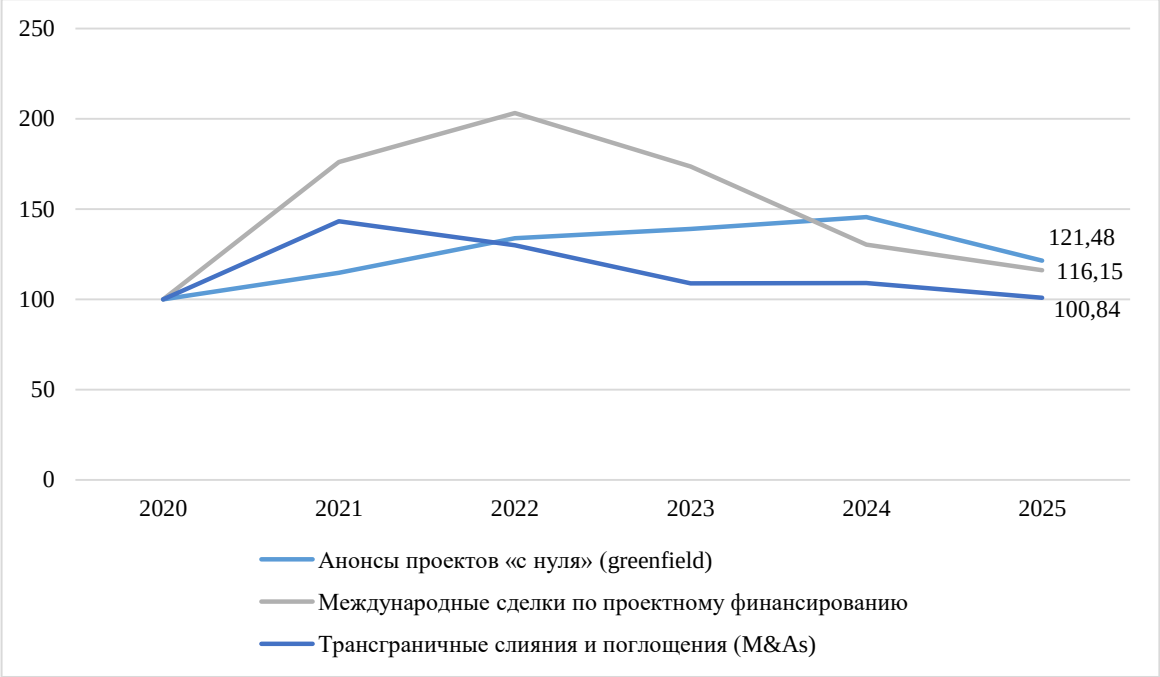

Рис. 2.2.6. Индекс глобальных инвестиционных проектов (2020–2025 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных UN Trade and Development (UNCTAD).

Следует подчеркнуть, что фрагментация носит межотраслевой характер, выходя за рамки сугубо макроэкономических индикаторов. В торговой сфере она проявляется через ужесточение тарифного регулирования, рост протекционизма и усиление роли стратегических альянсов. В финансовом секторе фрагментация находит выражение в декаплинге (*англ. decoupling — «расцепление»*) рынков капитала, внедрении альтернативных платёжных механизмов и сегментации валютного пространства. Миграционное измерение фрагментации характеризуется ужесточением миграционной политики и снижением межгосударственного взаимодействия. Военно-политические конфликты, структурные противоречия в энергетической сфере и острая межгосударственная конкуренция приводят к политической переконфигурации, которая в свою очередь усугубляет данные процессы, формируя устойчивый цикл эскалации[303].

[303] Fernández-Villaverde J., Mineyama T., Song D. Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effects / National Bureau of Economic Research. — Cambridge : NBER, 2024. — 66 p. — (NBER working paper series ; 32638) URL: https://www.nber.org/papers/w32638 (accessed: 06.01.2026).

Таким образом, многогранность феномена фрагментации исключает возможность его оценки через единый индикатор. В этой связи представляется целесообразным применение комплексного индекса, согласно которому фрагментация представляет собой многомерную переменную, которая не поддается прямому измерению, но раскрывается через систему взаимосвязанных индикаторов в торговой, финансовой, миграционной и политической сферах (таблица 2.2.1).

Таблица 2.2.1

Ключевые индикаторы, характеризирующие процесс фрагментации мировой экономики

Форма фрагментации	Индикаторы, применяемые для расчёта индекса фрагментации мировой экономики
Торговая фрагментация	Коэффициент открытости торговли
	Количество торговых ограничений
	Временные торговые барьеры
	Неопределенность торговой политики
	Уровень тарифных барьеров
Финансовая фрагментация	Коэффициент прямых иностранных инвестиций
	Коэффициент финансовых потоков
	Контроль за движением капитала
Миграционная фрагментация	Коэффициент миграционного потока
	Потоки патентов
	Индекс миграционной напряжённости
Политическая фрагментация	Индекс геополитических рисков
	Индекс неопределенности в энергетическом секторе
	Количество зафиксированных конфликтов
	Количество введенных санкций
	Каппа-статистика Генеральной Ассамблеи ООН

Источник: составлено автором на основе данных National Bureau of Economic Research (NBER).

Анализ динамики индекса фрагментации мировой экономики позволяет выделить ключевые этапы трансформации глобальных хозяйственных связей. Начиная с середины 1990-х наблюдался устойчивый рост процессов глобализации, обусловленный институциональными преобразованиями в

мировой экономике, включая формирование новых интеграционных объединений и либерализацию торгового режима в рамках ВТО. В результате глобального финансового кризиса 2008 года интеграционные процессы в мире начали замедляться. В 2024 году индекс достиг исторического максимума. Крупномасштабные военные конфликты и последующее обострение межгосударственной конфронтации стали катализатором глубоких структурных изменений в мировой экономике, выразившихся в повышении значимости вопросов стратегической безопасности, реконфигурации глобальных цепочек создания стоимости и фрагментации единого экономического пространства (рис. 2.2.7)[304].

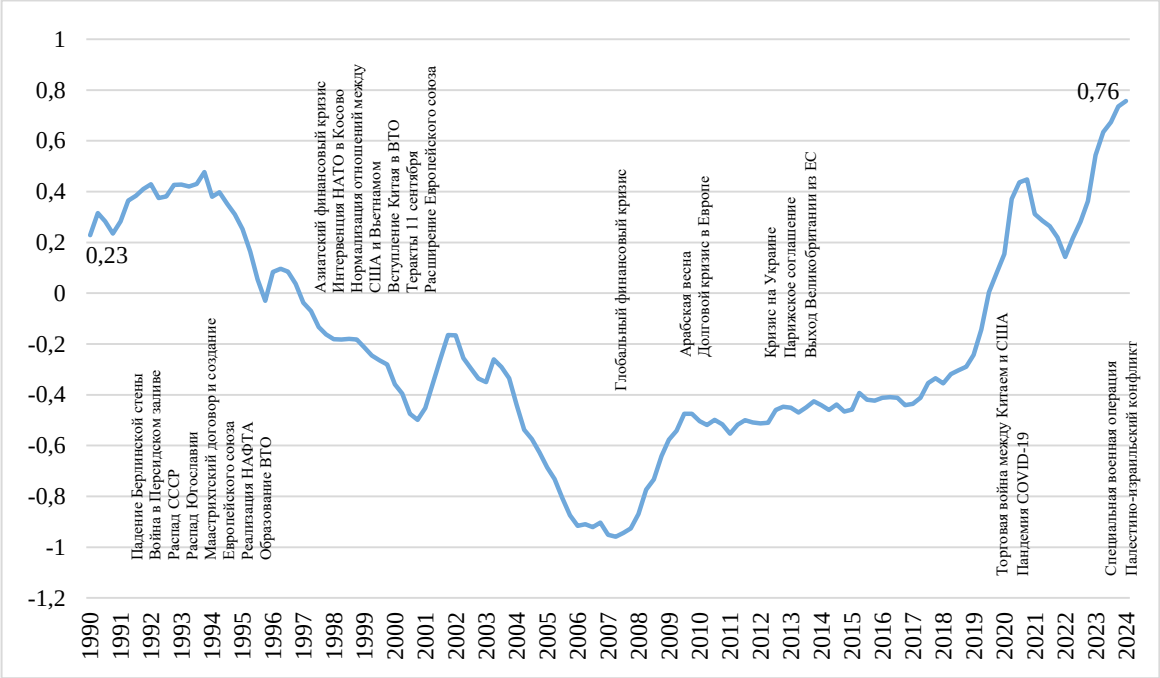

Рис. 2.2.7. Динамика индекса фрагментации мировой экономики (1990–2024 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных Geopolitical Fragmentation Index (GFI).

В отличие от агрегированного индекса, отражающего общую тенденцию, группоспецифичные факторы демонстрируют более дифференцированную динамику.

Динамика торговой фрагментации характеризуется относительно плавным снижением, однако в последние годы, в условиях усиления

[304] Fernández-Villaverde J., Mineyama T., Song D. Geopolitical Fragmentation Index : [site]. — URL: https://geopol-fragmentation-index.com (accessed: 17.01.2026).

протекционизма и торговых противоречий, наблюдается её рост, свидетельствующий скорее о снижении открытости экономик, чем о резкой дезинтеграции. Финансовая фрагментация, оставаясь синхронной с общим трендом, отличается существенно большей амплитудой колебаний, особенно в кризисные периоды, что подтверждает её значимость как одного из основных факторов общей вариативности. Миграционная фрагментация демонстрирует тесную связь с агрегированным индексом, что подчеркивает её зависимость от общемировых тенденций. Наиболее выраженный рост демонстрирует политическая фрагментация, что указывает на усиливающиеся межгосударственные разногласия в мировой экономике (рис. 2.2.8)[305].

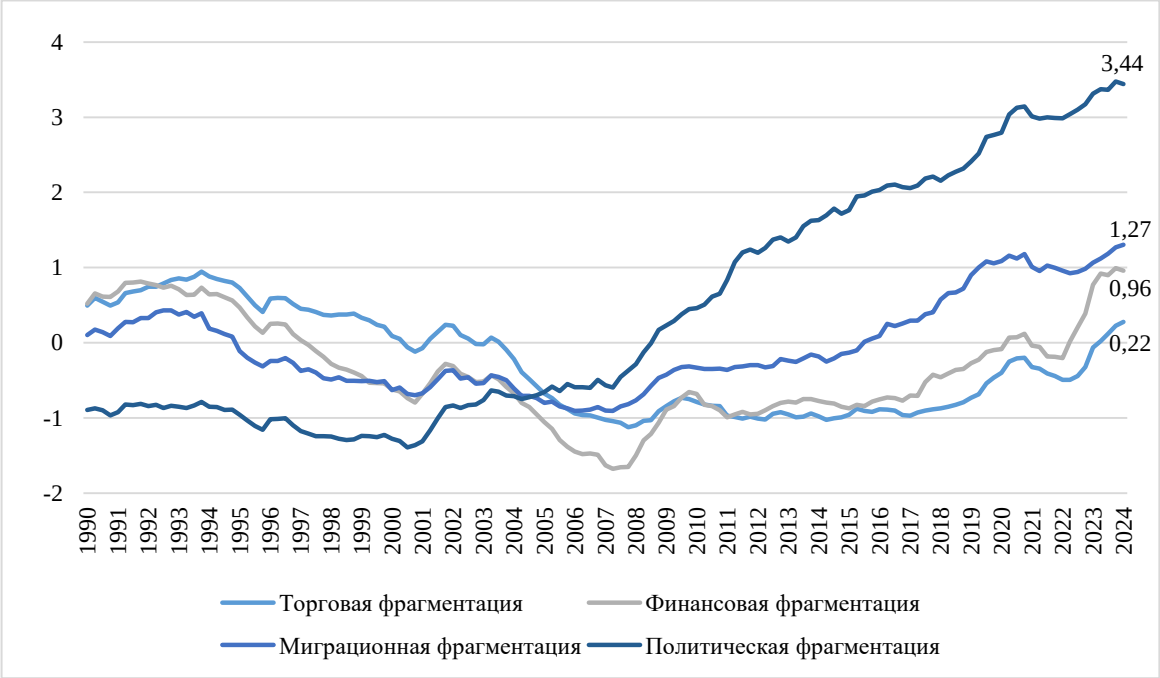

Рис. 2.2.8. Динамика индекса фрагментации по ключевым направлениям (1990–2024 гг.)
Источник: составлено автором на основе данных Geopolitical Fragmentation Index (GFI).

Проведённое исследование подтверждает, что фрагментация мировой экономики представляет собой не стихийный экономический процесс, а политически мотивированную реконфигурацию глобальной архитектуры, движимую соображениями стратегической безопасности. В отличие от предшествующих периодов, когда интеграционные процессы определялись

[305] Fernández-Villaverde J., Mineyama T., Song D. Geopolitical Fragmentation Index : [site]. — URL: https://geopol-fragmentation-index.com (accessed: 17.01.2026).

логикой сравнительных преимуществ и максимизации экономической эффективности, современная динамика всё в большей степени подчиняется логике управления рисками, стратегической автономии и снижения критических зависимостей.

Вместе с тем анализ показывает, что несмотря на усиление внимания к вопросам стратегической безопасности и технологического суверенитета, полный отказ от преимуществ интеграции представляется маловероятным. В условиях нарастающих барьеров в глобальном масштабе возрастает значение интеграционных объединений различных форм институционализации, выступающих естественными «гаванями безопасности» для своих участников. Для Европы это прежде всего ЕС, для стран Юго-Восточной Азии — АСЕАН, для постсоветского пространства — ЕАЭС, а для стран Латинской Америки — МЕРКОСУР.

Таким образом, проведённый анализ позволяет прийти к выводу, что фрагментация выступает определяющей тенденцией современного этапа развития мировой экономики. Данный процесс, будучи политически мотивированным, ведёт к формированию блоковой структуры глобального экономического пространства, переориентации торговых и инвестиционных потоков в соответствии со стратегическими целями и возрастанию роли интеграционных объединений в качестве ключевых центров стратегической устойчивости. Выявленные закономерности создают концептуальную основу для последующего анализа стратегической дифференциации интеграционных объединений, каждое из которых стоит перед необходимостью вырабатывать уникальные адаптационные модели, отвечающие современным реалиям.

2.3. Роль интеграционных объединений как полюсов экономической силы в современной глобальной экономике

Современная система международных экономических отношений претерпевает масштабную трансформацию, характеризующуюся переходом от однополярной модели с доминированием США к более децентрализованной и полицентричной архитектуре, в которой возрастающую

роль приобретают новые центры экономической силы[306]. Её принципиальное отличие от предшествующих исторических периодов заключается не только в увеличении количества полюсов и расширении спектра их возможностей, но и в изменении характера стратегических приоритетов, которыми они руководствуются. Данная тенденция находит отражение в двух взаимосвязанных процессах: с одной стороны, происходит увеличение числа региональных центров силы, бросающих вызов устоявшейся гегемонии, с другой — усиливается роль интеграционных объединений с участием развивающихся стран, стремящихся оказывать влияние на формирование новой глобальной повестки. Параллельно наблюдается усиление ценностно-идеологической поляризации, проявляющейся в формировании конкурирующих, зачастую несовместимых, концепций мироустройства, что существенно затрудняет достижение консенсуса по ключевым глобальным вопросам.

Структура формирующейся глобальной экономической архитектуры является предметом активных дискуссий в научной литературе, в рамках которой можно выделить несколько ключевых исследовательских подходов. В рамках первого подхода выдвигается тезис о формировании новой биполярной структуры, где роль центров экономической силы и стабилизирующих элементов системы будут играть Соединённые Штаты и Китай. Альтернативная концепция предполагает переход к многополярной модели, где наряду с США и Китаем значимое влияние приобретут Россия и страны Глобального Юга. Третья позиция основывается на предположении, что в обозримой перспективе международная система не сформирует чёткого количества независимых полюсов. Согласно данной точке зрения, количество автономных центров экономической силы будет варьироваться в зависимости от конкретных сфер мировой политики и экономики, что делает

[306] Барановский В. Г., Кувалдин В. Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. — 2023. — № 6. — С. 8–20.

целесообразным использование термина «полицентризм» вместо традиционного понятия «многополярность».

Несмотря на отсутствие консенсуса относительно будущей конфигурации международной экономической системы, очевидным остаётся фундаментальное перераспределение глобального влияния между государствами, что неизбежно ведёт к изменению институциональных основ либерального мироустройства, сформировавшегося после Второй мировой войны. Данный процесс сопровождается качественной трансформацией всей системы глобального управления, где традиционные центры экономической силы сталкиваются с необходимостью адаптации к новым реалиям, характеризующимся возросшей ролью развивающихся экономик и изменением баланса сил в ключевых сферах международного экономического взаимодействия[307].

Трансформация мировой экономической системы, характеризующаяся стремительным усилением роли государств, традиционно относимых к категории развивающихся, — обусловливает необходимость критического переосмысления устоявшейся послевоенной модели, построенной на теории гегемонистской стабильности. Данная тенденция проявляется в растущем геоэкономическом и геополитическом влиянии Китая и Индии, а также в усилении роли региональных центров силы, в частности стран Юго-Восточной Азии. Создаваемая развивающимися странами альтернативная система глобального управления, воплощённая в таких объединениях, как АСЕАН, ЕАЭС и МЕРКОСУР, предлагает альтернативные модели экономического и политического взаимодействия, что неизбежно приводит к полицентричности мирового хозяйства. Данная тенденция подчёркивает необходимость разработки объективных методологических подходов к оценке экономического потенциала и влияния новых акторов.

[307] Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 7–22.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопроса о том, в какой степени политические амбиции ведущих международных субъектов подкреплены их реальным стратегическим потенциалом. Не менее значимым представляется анализ влияния роста экономического потенциала государств и интеграционных объединений на их стремление к усилению роли в управлении глобальными политико-экономическими процессами. Кроме того, важнейшей задачей является идентификация круга субъектов, обладающих достаточной экономической мощью для формирования полюсов влияния в условиях трансформирующейся мировой хозяйственной системы, а также сравнительный анализ их стратегических показателей.

Оценка вклада различных субъектов в формирование полицентричной экономической системы предполагает комплексный анализ экономической динамики, включая макроэкономические показатели отдельных ведущих стран за последние десятилетия и прогнозирование их потенциала в качестве ключевых центров экономического влияния.

При сопоставлении масштабов экономик традиционно используется конвертация национальных показателей в доллары США, однако данный метод обладает существенным ограничением, поскольку не учитывает различия в ценах на сопоставимые товары и услуги в разных странах. Для минимизации данного искажения применяется расчёт ВВП по ППС, который позволяет сравнивать реальные объемы производства, нивелируя влияние межстрановой разницы в ценах.

Важнейшим аспектом трансформации сложившейся глобальной экономической архитектуры стало изменение структуры мирового хозяйства, выразившееся в перераспределении экономического веса между развитыми и развивающимися странами. Согласно данным МВФ, удельный вес развивающихся стран в мировом ВВП по ППС увеличился с 40,74% в 1995

году до 60,92% в 2025 году. Параллельно наблюдается сокращение доли развитых стран с 59,26% до 39,08% за аналогичный временной интервал[308].

В рамках общей тенденции роста влияния развивающихся стран наблюдается значительная дифференциация по регионам. Наибольший вклад в изменение глобальной экономической архитектуры вносят развивающиеся страны Азии, доля которых в мировом ВВП по ППС достигла 35,14%. Данный рост обусловлен стремительной индустриализацией, экспортной ориентацией и технологической модернизацией таких экономик, как Китай, Индия и стран Юго-Восточной Азии.

Развивающиеся страны Европы (7,7% мирового ВВП по ППС), Латинской Америки и Карибского бассейна (7,13%), Ближнего Востока и Центральной Азии (7,41%), а также Африки к Югу от Сахары (3,55%) демонстрируют разнонаправленную динамику, что свидетельствует о влиянии региональных факторов, включая институциональное развитие, доступ к ресурсам и интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости[309].

Данные, представленные на рис. 2.3.1, демонстрируют фундаментальный структурный сдвиг, проявляющийся в перераспределении вклада в рост мирового ВВП от развитых государств в пользу развивающихся экономик.

[308] A critical juncture amid policy shifts // International Monetary Fund : [site] — 2025. — April. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/04/22/world-economic-outlook-april-2025 (accessed: 05.01.2026).

[309] GDP based on PPP, share of World // International Monetary Fund : [site]. — 2026. — April. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/CHN/JPN/FRA/USA/DEU/GBR/IND/BRA/RUS/IDN (accessed: 02.05.2026).

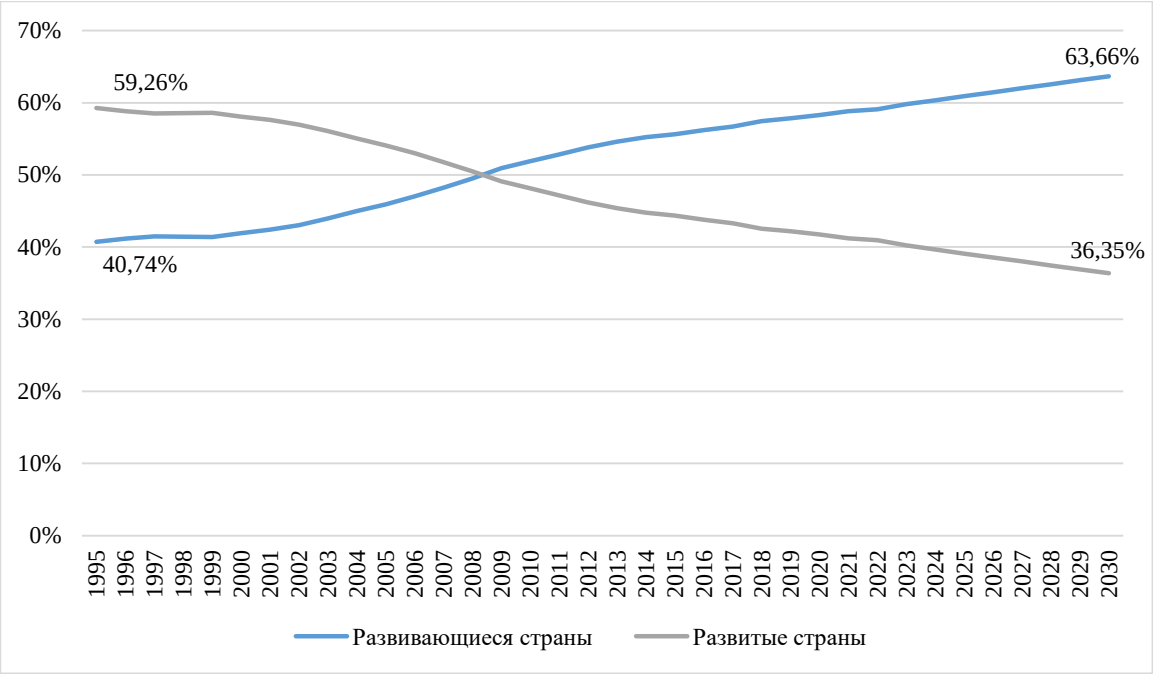

Рис. 2.3.1. Доля развитых и развивающихся стран в мировом ВВП ППС (1995–2030 гг.), %

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Анализ динамики ключевых экономик позволяет выявить кардинальное перераспределение глобальных экономических сил. Согласно данным Всемирного банка, в 2025 году в десятку крупнейших экономик по доле в мировом ВВП по ППС вошли Китай (19,63%), США (14,65%), Индия (8,48%), Россия (3,42%), Япония (3,23%), Германия (2,95%), Индонезия (2,4%), Бразилия (2,38%), Франция (2,17%) и Великобритания (2,13%)[310].

Особого внимания заслуживает экономический рост в Китае, Индии и Индонезии, которые не только увеличили свою долю в мировом ВВП, но и закрепились в группе лидеров. В то же время сокращение удельного веса США, Японии, Германии, Франции и Великобритании свидетельствует о структурных вызовах, с которыми сталкиваются развитые экономики.

Прогнозные оценки МВФ подтверждают устойчивость данной тенденции в среднесрочной перспективе. Согласно расчётам МВФ, к 2030 году доля США в мировом ВВП по ППС снизится до 13,86%, Японии — до 2,85%,

[310] GDP, PPP (current international $) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?most_recent_value_desc=true&skipRedirection=true (accessed: 03.05.2026).

Германии — до 2,66%, Франции — до 1,97% и Великобритании — до 1,96%. Параллельно прогнозируется дальнейшая консолидация позиций развивающихся экономик: ожидается, что доля Китая составит 20,41%, Индии — 10%, а Индонезии — 2,65% в мировом ВВП по ППС. В то же время удельный вес России и Бразилии демонстрирует незначительную тенденцию к снижению (рис. 2.3.2)[311].

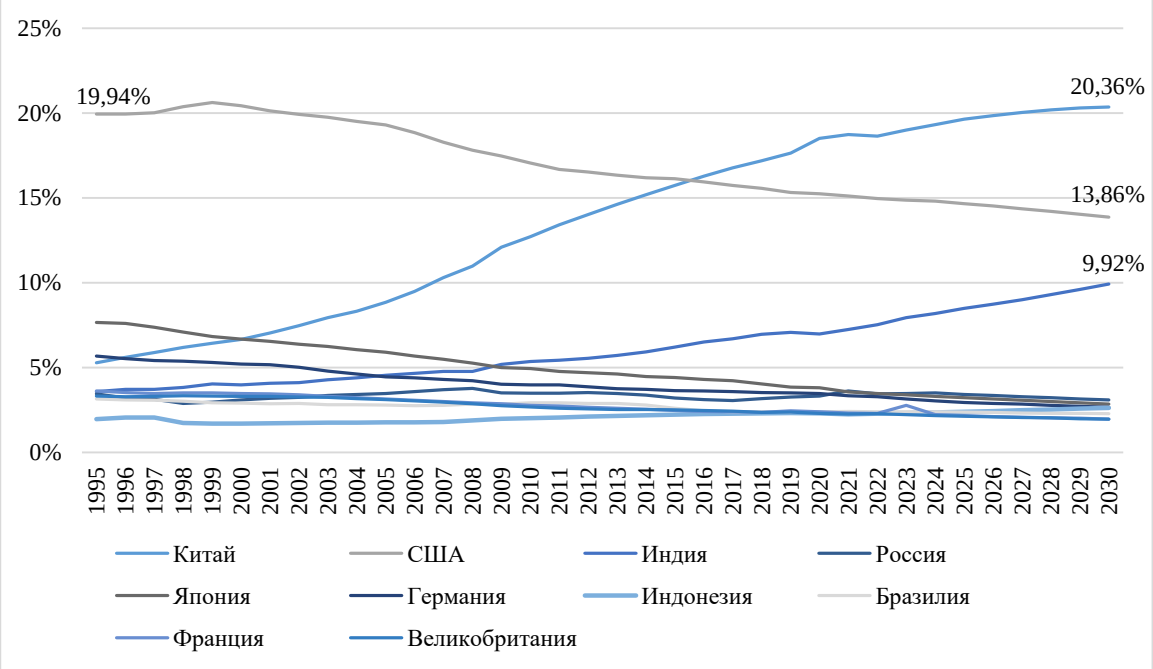

Рис. 2.3.2. Доля топ-10 стран по ВВП по ППС (1995–2030 гг.), %

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Анализ динамики ВВП по ППС в ведущих экономиках мира за последние три десятилетия наглядно отражает глобальные структурные изменения. Наиболее впечатляющая динамика наблюдается в Китае, чей показатель увеличился с 2,02 до 41,01 трлн долларов, что соответствует росту на 1930,2%. Данное значение не только значительно превышает значения других стран, но и опережает США с показателем 30,62 трлн долларов.

Аналогичные, хотя и менее выраженные тенденции прослеживаются в других развивающихся экономиках. Индия продемонстрировала впечатляющий рост на 1192,7%, увеличив ВВП по ППС с 1,37 до 17,71 трлн

[311] GDP based on PPP, share of World // International Monetary Fund : [site]. — 2026. — April. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ (accessed: 02.05.2026).

долларов и закрепившись в качестве третьей экономики мира. Индонезия, Россия и Бразилия также показали положительную динамику экономического роста: их показатель увеличился на 564,9%, 440,9% и 310,7% соответственно[312].

В то же время развитые экономики, несмотря на абсолютный рост ВВП по ППС, демонстрируют существенно более низкие темпы экономического роста. Доля ВВП Японии, Германии, Франции и Великобритании сократилась в относительном выражении, что отражает структурные ограничения, связанные со старением населения, высоким уровнем госдолга и замедлением уровня производительности (рис. 2.3.3).

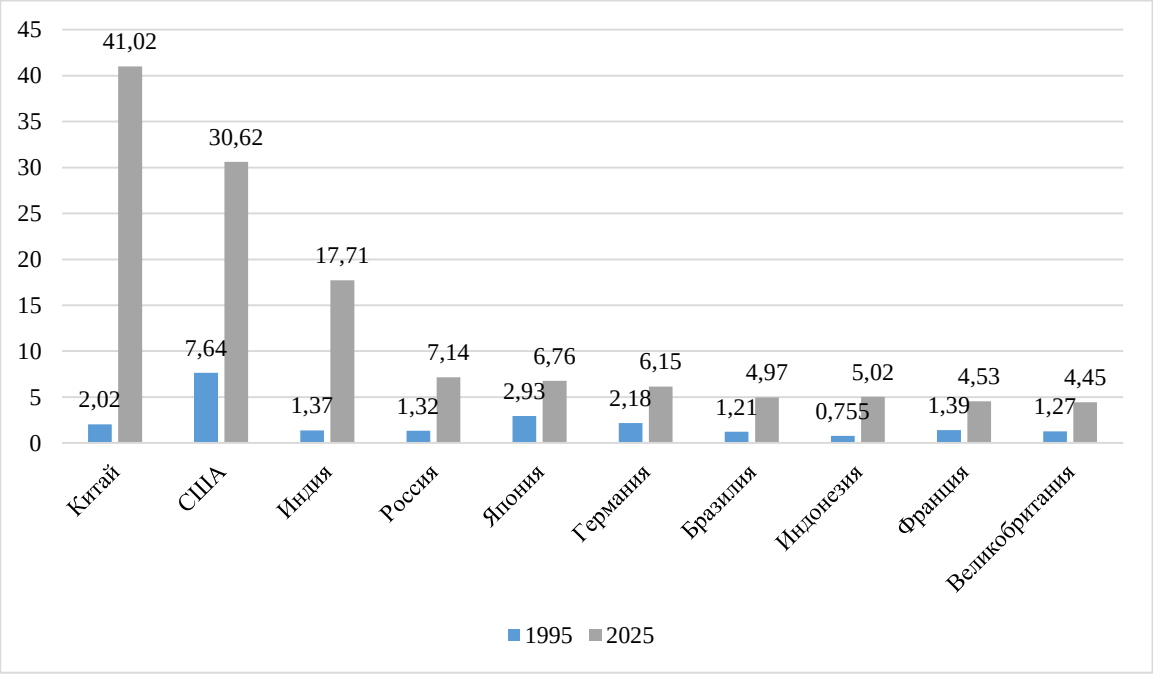

Рис. 2.3.3. Сравнительные показатели ВВП по ППС топ-10 стран (1995–2025 гг.), трлн долл. США

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Следует отметить, что показатели валового внутреннего продукта на национальном уровне, несмотря на их широкое применение в сравнительных экономических исследованиях, не способны обеспечить исчерпывающего

[312] GDP, current prices, purchasing power parity, billions of international dollars // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPGDP (accessed: 02.05.2026).

понимания реального распределения глобальной экономической мощи. Особую методологическую сложность представляет проблема адекватной оценки хозяйственного потенциала интеграционных объединений, приобретающая критическую важность в контексте анализа формирования полицентричной экономической системы. Данная проблема предполагает необходимость рассмотрения двух взаимосвязанных аспектов, определяющих способность интеграционных объединений функционировать в качестве полноценных «полюсов» в условиях современной системы мировой экономики.

С одной стороны, объективная оценка экономического потенциала группы суверенных государств возможна лишь при условии их глубокой экономической интеграции, формирующей единый хозяйственный комплекс, что позволяет рассматривать данное объединение стран в качестве «единого полюса».

С другой стороны, ключевое значение приобретает наличие в рамках соответствующего объединения институциональных механизмов принятия решений, обеспечивающих согласованную политику для реализации стратегических задач, выходящих за пределы сугубо экономической сферы, включая внешнеполитическую и оборонную деятельность, а также выработку единых подходов к обеспечению стратегической устойчивости. Лишь при соблюдении данных критериев интеграционное образование может рассматриваться в качестве потенциального «полюса» в современной глобальной экономической архитектуре[313].

Наконец, при сравнительном анализе экономической мощи важное значение имеет методологическая точность измерений, исключающая дублирование данных. В частности, некорректно одновременно рассматривать экономические показатели государства в качестве самостоятельной единицы

[313] Чикова А. Е. Формирование новых центров силы экономического влияния в условиях современного мирового порядка // Финансы и кредит. — 2026. — № 1. — С. 182–202.

анализа и как составную часть одного или нескольких интеграционных объединений.

Анализ данных, представленных на рис. 2.3.4, позволяет выявить ключевые тенденции в трансформации глобальной экономической архитектуры за последние три десятилетия, а также спрогнозировать дальнейшую динамику перераспределения экономического влияния между ведущими национальными экономиками и интеграционными объединениями.

Параллельно с доминирующим ростом крупных национальных экономик анализ выявляет положительную динамику в рамках интеграционных объединений с участием развивающихся стран. Ярким примером является АСЕАН, совокупная доля которой в мировом ВВП по ППС в период 1995–2025 гг. увеличилась на 1,48%[314]. Устойчивость экономики данного региона в значительной степени обеспечивается консолидацией внутреннего спроса на фоне роста частного потребления, восстановления рынка труда и увеличения туристических потоков, что позволяет странам — участницам объединения успешно противостоять внешним шокам. АСЕАН также упрочила свои позиции в качестве глобального центра привлечения ПИИ, приток которых в 2025 году достиг рекордного уровня в 226 млрд долл. США. Значительная часть данных инвестиций была направлена в высокотехнологичные сегменты обрабатывающей промышленности, включая производство полупроводников и электромобилей[315]. Качественное преобразование экономического ландшафта АСЕАН также обусловлено целенаправленной цифровой трансформацией, ключевым драйвером которой выступила реализация стратегии «ASEAN Digital Masterplan 2025». Данная инициатива обеспечила ускоренное развитие электронной коммерции, финтеха и онлайн-услуг,

[314] GDP, current prices, purchasing power parity, billions of international dollars // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ (accessed: 02.05.2026).

[315] ASEAN investment report, 2025 : foreign direct investment and supply chain development / Association of Southeast Asian Nations. — Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2025. — 281 p. — URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/10/AIR2025_rev17-Okt.pdf (accessed: 02.02.2026).

сформировав консолидированный региональный цифровой рынок с объёмом порядка 300 млрд долларов США[316].

Тенденция к сокращению удельного веса в структуре мирового ВВП по ППС проявляется в случае ЕС, доля которого за последние три десятилетия сократилась на 9,17%. Аналогичная, хотя и менее выраженная тенденция, характерна МЕРКОСУР (–1,09%). Сравнительно молодые интеграционные объединения, в частности ЕАЭС, не оказывают существенного влияния на глобальное перераспределение долей: доля ЕАЭС в мировом ВВП с момента его основания увеличилась на 0,3%[317].

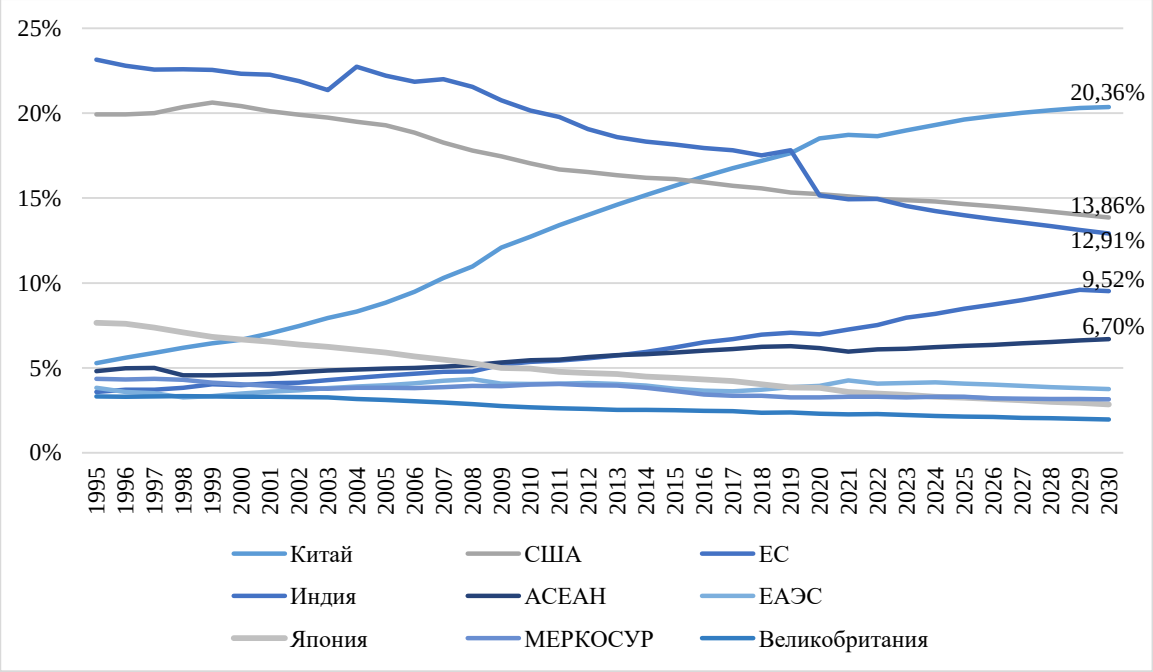

Рис. 2.3.4. Доля крупнейших стран и интеграционных объединений в мировом ВВП по ППС (1995–2030 гг.), %

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Сравнительный анализ абсолютных показателей ВВП по ППС крупнейших национальных экономик и интеграционных объединений подтверждает выявленную тенденцию к формированию новой архитектуры

[316] ASEAN Digital Masterplan, 2025 / The Association of Southeast Asian Nations. — Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2021. — 140 p.— URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf (accessed: 28.12.2025).

[317] GDP, current prices, purchasing power parity, billions of international dollars // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ (accessed: 02.05.2026).

глобальной экономики. Основное отличие от данных, представленных на рис. 2.3.5, связано с выдвижением на третье место экономики ЕС, чей совокупный объем производства на 1,38% уступает американскому показателю.

Весьма значительный разрыв наблюдается между лидирующей тройкой и экономикой Индии (17,71 трлн долл.), отстающей от ЕС на 39,43%. Экономики стран АСЕАН занимают пятое место, уступая индийской на 25,8%, тогда как ЕАЭС — на шестой, а МЕРКОСУР — на восьмой[318].

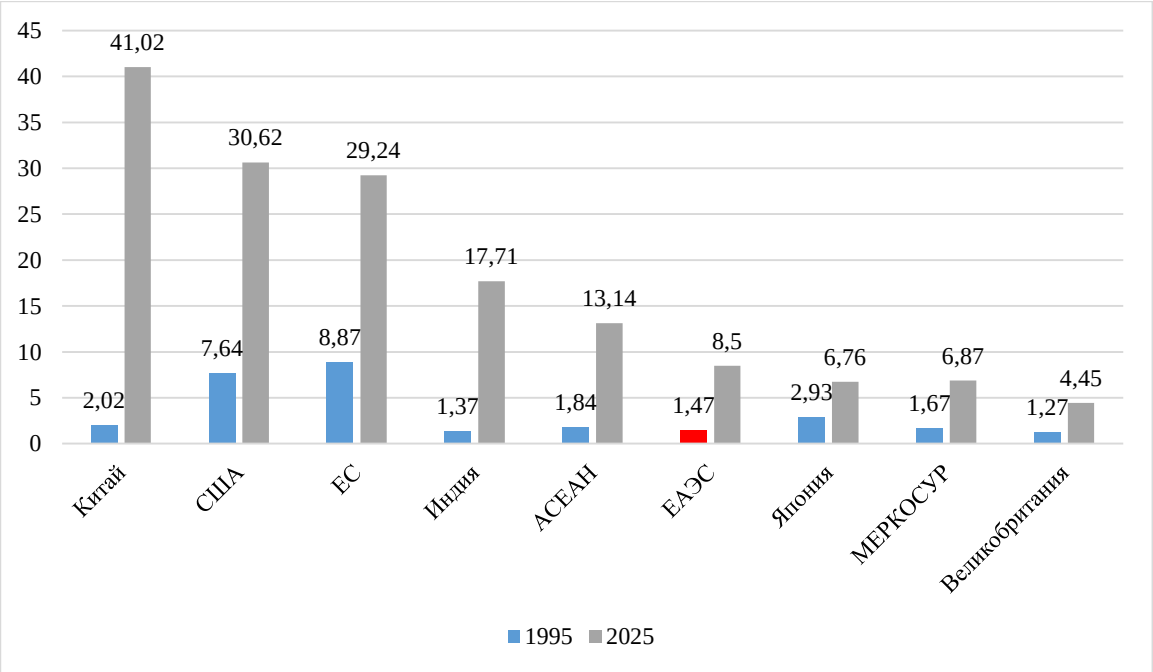

Рис. 2.3.5. Сравнительные показатели ВВП по ППС крупнейших стран и интеграционных объединений (1995–2025 гг.), трлн долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Проведённый анализ показал, что современная система международных экономических отношений переживает фундаментальную структурную трансформацию, сущность которой заключается в необратимом переходе от однополярной модели, основывавшейся на теории гегемонистской стабильности, к качественно иной — полицентричной архитектуре мирового хозяйства. Принципиальное отличие текущего этапа от предшествующих

[318] GDP, current prices, billions of U.S. Dollars // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ (accessed: 02.05.2026).

исторических периодов состоит не просто в увеличении числа центров экономической силы, но в изменении самой природы стратегических приоритетов, которыми руководствуются новые субъекты международных экономических отношений.

Дискуссии о будущей конфигурации глобальной экономической архитектуры, будь то новая биполярность, многополярность или полицентризм, должны опираться не столько на политические декларации, сколько на объективный анализ экономического потенциала государств и их интеграционных объединений. Критическое значение в этой связи приобретает методологически корректный выбор индикаторов оценки. Исследование подтверждает, что валовой внутренний продукт, рассчитанный по паритету покупательной способности, выступает наиболее репрезентативным инструментом сравнительного анализа, поскольку позволяет нивелировать ценовые искажения и отражает реальный объём производимых благ и потенциальную устойчивость экономических субъектов к внешним вызовам.

Таким образом, совокупность полученных результатов позволяет заключить, что современный этап развития международных экономических отношений характеризуется завершением эпохи доминирования традиционных центров силы и вступлением мира в фазу полицентричного развития. В этих условиях возрастает значение не только абсолютных показателей экономической мощи, но и способности стран и интеграционных объединений к эффективной мобилизации ресурсов и формированию стратегической повестки, обеспечивающей долгосрочную коллективную устойчивость.

ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

3.1. Исследование динамики благосостояния и экономической конвергенции стран — участниц интеграционных объединений

Согласно устоявшимся теоретическим представлениям, интеграционные процессы призваны стимулировать взаимную торговлю и инвестиции, способствовать более эффективному размещению ресурсов за счёт усиления конкуренции и роста ёмкости внутреннего рынка, что в конечном счёте должно привести к ускорению экономического роста и повышению уровня благосостояния. При этом ключевым условием устойчивости интеграционного объединения считается компенсация издержек, связанных с передачей части национального суверенитета, совокупными экономическими выгодами для всех участников объединения[319].

Вместе с тем при оценке выгод экономической интеграции закономерно возникает вопрос о целесообразности поэтапного углубления интеграционных объединений. Предпосылкой для возможной стабилизации данного процесса на достигнутом уровне стала гипотеза о сохранении положительных эффектов от уже достигнутой стадии интеграции. Данный тезис подкрепляется предположением о том, что переход к более высокой стадии интеграции может быть связан с дополнительными издержками. Например, формирование таможенного союза создает риски для национальных производителей, вынужденных уступать часть внутреннего рынка более конкурентоспособным импортным товарам. К дополнительным издержкам также относятся затраты на создание и поддержание наднациональных институтов, ответственных за согласование общей тарифной политики[320]. Кроме того, существует мнение о

[319] Чикова А. Е. Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2026. — № 1. — С. 93–104.

[320] Кондратьева Н. Б. Европейская модель интеграции рынков: становление и перспектива : монография / Рос. акад. наук, Ин-т Европы Рос. акад. наук. — М. : РАН, 2020. — 376, [7] с.

том, что углубление интеграционных процессов способно усугубить структурные диспропорции внутри объединения и привести к поляризации условий экономического развития стран-участниц.

Идея линейного движения по «ступеням» интеграции от простых форм к более сложным представляется автору в значительной степени идеализированной, создавая теоретическую предпосылку для оценки любого интеграционного объединения прежде всего через призму его поэтапного углубления. В соответствии с этой логикой отсутствие движения к более высоким формам взаимодействия зачастую интерпретируется как признак неэффективности или стагнации самого объединения. Однако подавляющее большинство из действующих региональных торговых соглашений, зарегистрированных ВТО, свидетельствует о том, что абсолютное большинство из них остаются на уровне зон свободной торговли. Количество таможенных союзов не превышает 30, а статус общего рынка реализован лишь в единичных случаях[321]. Единственным примером полноценного валютного союза остаётся Европейский союз, что закономерно ставит вопрос не только о практической достижимости, но и об экономической целесообразности стремления к высшим «ступеням» интеграции в каждом конкретном случае.

Таким образом, доминирование в мировой практике базовых форм интеграции указывает на необходимость пересмотра оценочных критериев, смещающих акцент с формальной глубины интеграции на анализ её реальной эффективности и способности приносить устойчивые выгоды участникам на достигнутом уровне взаимодействия[322]. В этой связи ключевой исследовательской задачей настоящего исследования выступает комплексная оценка выгод экономической интеграции с целью верификации гипотезы о наличии или отсутствии кумулятивного положительного эффекта от

---

[321] Regional trade agreements : database // WTO: Regional trade agreements [site]. — URL: https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx (accessed: 02.04.2026).

[322] Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений / Евраз. экон. комиссия, Департамент макроэкон. политики, Межгос. банк. — М. : ЕЭК, 2019. — 91 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

поэтапного углубления интеграционных процессов. Предлагается оценить влияние интеграции на экономическое развитие стран-участниц через призму достигнутого уровня их взаимодействия в рамках конкретных интеграционных объединений. Основополагающим принципом разработанной методологии является создание универсального измерительного базиса — системы индикаторов, применимой к любым интеграционным объединениям, независимо от их региональной принадлежности, исторического контекста и степени глубины интеграции.

Данная система включает показатель уровня благосостояния, измеряемый величиной ВВП на душу населения по ППС, и индикаторы интенсивности связей внутри объединения, к которым относятся доля взаимной торговли и доля взаимных ПИИ в общем объёме соответствующих операций стран-участниц с третьими государствами. Комплексный набор параметров позволит количественно оценить как конечные макроэкономические эффекты интеграции, так и глубину сформировавшихся взаимозависимостей, обеспечив многомерную и объективную оценку её выгод. Детальный анализ внутриблоковой торговли и инвестиционных потоков приводится в параграфах 3.2 и 3.3 настоящей главы.

Оценку сравнительных выгод экономической интеграции предлагается начать с анализа динамики ВВП стран — участниц объединений. Сравнительный анализ темпов роста ВВП в периоды до и после вступления в объединение позволяет выделить и количественно оценить непосредственный эффект интеграции. Стабильно более высокие темпы экономического роста после вступления страны в интеграционное объединение могут свидетельствовать о положительном синергетическом эффекте, возникшем в результате либерализации и объединения рынков. Вместе с тем следует отметить, что традиционные агрегированные показатели, такие как совокупный ВВП, при всей их значимости для оценки общего масштаба экономики объединения, обладают существенными методологическими ограничениями. В частности, данные показатели не учитывают

внутрирегиональные диспропорции в уровне экономического развития и демонстрируют слабую корреляцию с динамикой благосостояния населения.

Таким образом, ВВП по ППС на душу населения представляет собой сводную количественную характеристику среднего уровня экономического развития и материального благосостояния, рассчитанную на одного жителя объединения с корректировкой на межстрановые различия в ценах. Для проведения сравнительного анализа данного показателя автором предлагается рассмотреть три ключевых этапа: значение показателя на момент вступления страны в объединение (базовый год), его текущее состояние (2025 год) и прогнозную оценку на 2030 год. Рост данного показателя служит индикатором перехода от экстенсивной к интенсивной модели экономического развития, результатом которого является повышение уровня жизни населения. Ключевым критерием эффективности интеграции выступает конвергенция — процесс сокращения разрыва в уровне экономического развития между более и менее развитыми странами-участницами. Углубление сотрудничества, сопровождаемое мобильностью факторов производства, в теории должно способствовать сокращению данного разрыва. Следовательно, данный показатель является не только мерой общего благосостояния, но и индикатором конвергенции уровней экономического развития внутри интеграционного объединения.

На основе проведённого анализа в предыдущих главах в качестве ключевого объекта настоящего исследования автором были отобраны стратегически значимые интеграционные объединения: ЕС (экономический и валютный союз), ЕАЭС (общий рынок), МЕРКОСУР (таможенный союз) и АСЕАН (зона свободной торговли).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕС с момента их вступления до настоящего времени (2025 г.), а также прогнозных значений на 2030 год указывает на наличие конвергенционного эффекта, обусловленного углублением интеграционных процессов. Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению абсолютного и

относительного разрыва в уровне экономического развития между государствами-основателями и странами, присоединившимися в более поздние периоды, прежде всего государствами Центральной и Восточной Европы.

В частности, в Польше данный показатель увеличился с 14,5 тыс. в 2004 году до 55,34 тыс. долл, в 2025 году, что соответствует росту 281,66%. Схожая динамика характерна для Словакии, где показатель вырос с 14,91 тыс. до 47,6 тыс. долл. за аналогичный временной интервал (219,3%). Данная положительная динамика свидетельствует об эффективности институтов единого рынка, обеспечивающих свободное движение факторов производства, и инструментов структурной поддержки, в частности Европейского фонда регионального развития (ЕФРР), направленных на выравнивание социально-экономического развития регионов[323].

Вместе с тем конвергенция внутри ЕС носит нелинейный характер, что проявляется в сохранении значительной внутренней неоднородности. Процесс выравнивания уровней развития происходит на фоне устойчивой дифференциации экономических моделей и траекторий роста. С одной стороны, малые и высокоспециализированные экономики, такие как Ирландия и Люксембург, демонстрируют исключительные темпы роста, формируя особый кластер лидеров. С другой стороны, страны-основатели с высокой исходной базой, включая Германию, Францию и Италию, показывают менее стремительные темпы роста (197,27%, 164,2% и 207,2% соответственно), что указывает на сближение уровня развития «старых» участников объединения и «новых»[324].

Представленные данные свидетельствуют о том, что эффективная интеграция формирует условия для ускоренного экономического роста стран-участниц, в том числе менее развитых стран объединения. По оценкам МВФ,

---

[323] European Regional Development Fund // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/funding/erdf_en (accessed: 09.04.2026).

[324] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO (accessed: 22.05.2026).

в результате расширения 2004 года, когда в ЕС вступили Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия и Словения, ВВП на душу населения в этих странах спустя два десятилетия оказался более чем на 30% выше, чем был бы без присоединения[325]. Однако реализация данного потенциала носит индивидуальный характер и определяется в первую очередь внутренними факторами, такими как качество институциональной среды, гармонизация национальной экономической политики и адаптивность производственного сектора к условиям конкуренции в рамках единого рынка (рис. 3.1.1).

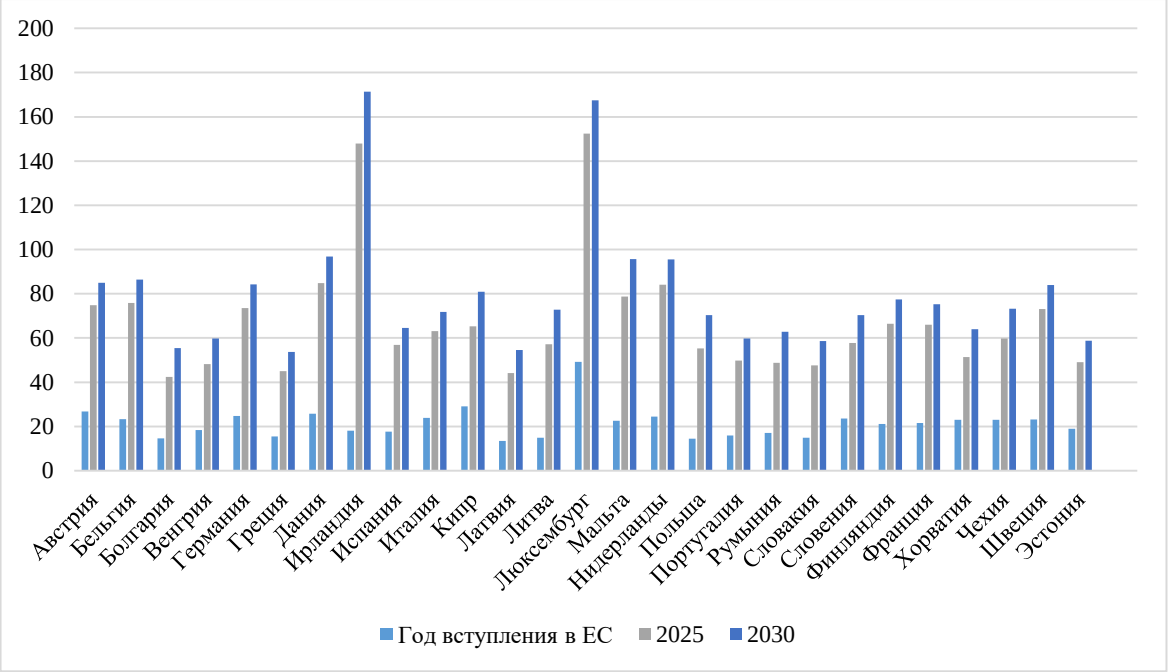

Рис. 3.1.1. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕС, тыс. долл. США

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕАЭС выявляет значительный, но крайне неравномерный рост, что указывает на наличие позитивного интеграционного эффекта при одновременном сохранении структурной разнородности внутри объединения. За период с 2015 по 2025 год все государства демонстрируют двукратный и

[325] Kammer A. Europe's integration imperative // F&D Magazine. — 2025. — June. — P. 18–23. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/fandd/article/2025/06/kammer.pdf (accessed: 07.09.2025).

более рост показателя, при этом темпы варьируются от 87,92% в Киргизии до 12,74% в Армении[326].

Вместе с тем представленные данные подтверждают наличие устойчивого экономического неравенства между странами-участницами. Несмотря на опережающие темпы роста, разрыв между наиболее развитыми и наименее развитыми экономиками не сокращается, а даже увеличивается в абсолютном выражении. Так, в 2025 году ВВП по ППС на душу населения в России составляет 49,05 тысяч, в Казахстане — 44,78 тысяч, тогда как в Киргизии — лишь 8,87 тысяч долларов, что указывает на отсутствие выраженного эффекта конвергенции. Стремительный рост показателя в крупнейших экономиках объединения, обусловленный преимущественно внутренними факторами, такими как благоприятная конъюнктура на сырьевых рынках, активный приток инвестиций, рост внутреннего потребления и реализация программ диверсификации, лишь подчёркивает, что динамика благосостояния в рамках ЕАЭС остаётся в значительной степени зависимой от индивидуального роста стран-участниц, а не от выравнивающего воздействия наднациональных институтов (рис. 3.1.2).

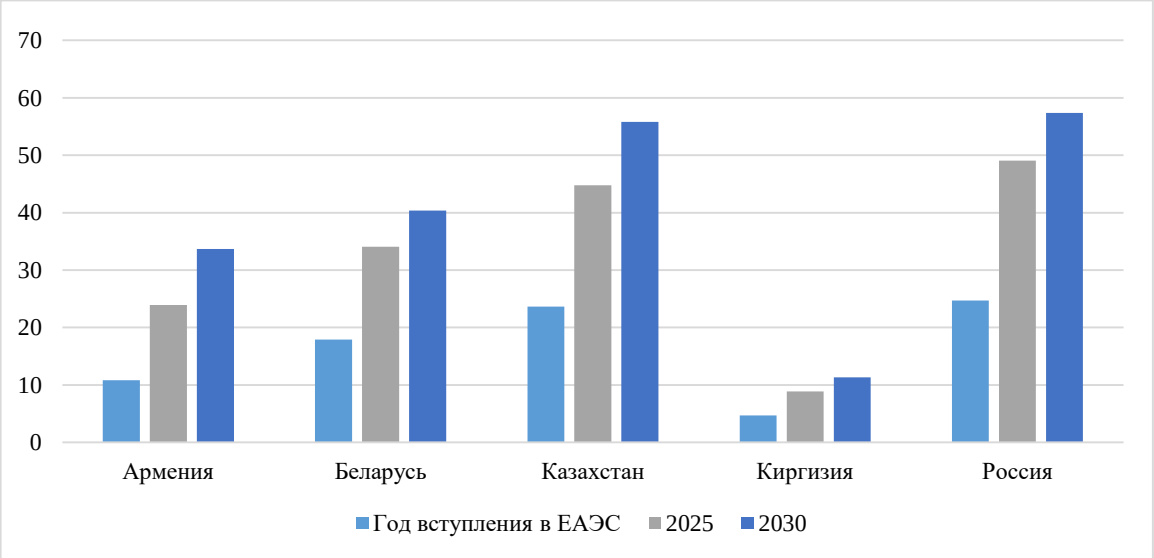

Рис. 3.1.2. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕАЭС, тыс. долл. США

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

[326] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO (accessed: 22.05.2026).

Анализ уровня ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах МЕРКОСУР позволяет выявить характерные структурные диспропорции и разнонаправленные траектории развития внутри данного интеграционного объединения. В 2025 году наиболее высокий показатель продемонстрировал Уругвай (37,19 тыс. долл.)[327], что обусловлено исторически сложившейся политической стабильностью и высоким качеством институтов, формирующих благоприятную среду для инвестиций. Немаловажное значение имеет относительно небольшое население, что при значительном совокупном ВВП обусловливает высокий душевой показатель[328]. Аргентина также обладает одним из наиболее высоких уровней благосостояния в регионе (31,31 тыс. долл.), что является результатом структурных макроэкономических реформ, сокращения бюджетного дефицита и дерегуляции экономики[329].

Таким образом, динамика ВВП по ППС на душу населения с момента вступления до 2025 года указывает на отсутствие конвергенционного эффекта, характерного для более институционально развитых объединений. Хотя все страны-основатели (за исключением позднее присоединившейся Боливии) увеличили свой показатель в 3–5 раз, относительные разрывы между ними не сократились, а в некоторых случаях даже увеличились[330]. Данная тенденция подтверждает гипотезу о том, что модель МЕРКОСУР, будучи ориентированным преимущественно на либерализацию торговли без глубокой гармонизации политик и создания действенных механизмов перераспределения, не способен генерировать выравнивающий эффект. Рост

---

[327] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ (accessed: 22.05.2026).

[328] Uruguay economic outlook : while significant challenges lie ahead, the country possesses the necessary tools to address them effectively June 2025 / BBVA Research Argentina. — Buenos Aires : BBVA Research Argentina, 2025. — 7 p. — URL: https://www.bbvaresearch.com/wp-content/uploads/2025/06/Editorial-Uruguay-Economic-Outlook_2025.pdf (accessed: 02.02.2026).

[329] OECD economic surveys: Argentina 2025 / Organization for Economic Co-operation and Development. — Paris : OECD Publishing, 2025. — 130 p. — URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/07/oecd-economic-surveys-argentina-2025_4a5ddf67/27dd6e27-en.pdf (accessed: 02.02.2026).

[330] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO (accessed: 22.05.2026) ; GDP per capita PPP // World Economics : [site]. — URL: https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Wealth/GDP-Per-Capita-PPP.aspx (accessed: 02.02.2026).

благосостояния в каждой стране определяется в первую очередь внутренними факторами, структурой экономики и внешнеэкономической конъюнктурой, а не интеграционными процессами внутри объединения (рис. 3.1.3).

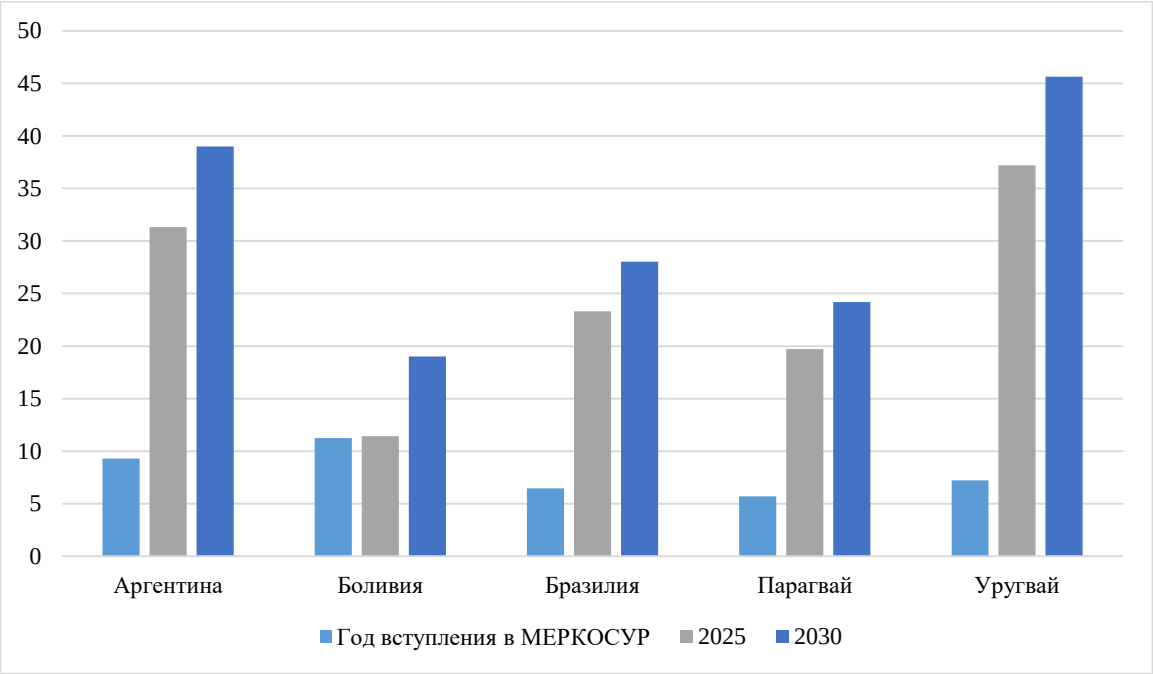

Рис. 3.1.3. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах МЕРКОСУР, тыс. долл. США

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF) ; World Economics.

Для стран — участниц АСЕАН характерна существенная дифференциация по показателю ВВП по ППС на душу населения, что отражает специфику её модели интеграции, допускающей значительную экономическую разнородность участников. Значения данного показателя в 2025 году простираются от 4,95 тыс. долл. в Мьянме до 156,97 тыс. долл. в Сингапуре, что указывает на глубокую внутреннюю неоднородность[331].

При этом проведённый анализ свидетельствует о том, что интеграция в формате АСЕАН создаёт институциональные и экономические предпосылки для ускоренного развития стран с низкими стартовыми позициями. Наиболее выраженный рост демонстрируют Вьетнам и Индонезия, чьи показатели к

[331] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO (accessed: 22.05.2026).

2025 году увеличились в 9–16 раз относительно момента вступления в объединение. Это указывает на их успешную интеграцию в региональные производственно-сбытовые цепочки и способность привлекать прямые иностранные инвестиции [332].

Вместе с тем глубокая неоднородность, при которой развивающиеся экономики соседствуют с государствами, чей уровень благосостояния сопоставим с развитыми странами, указывает на отсутствие в структуре АСЕАН эффективных наднациональных механизмов фискального выравнивания и перераспределения ресурсов. Данная тенденция подтверждает, что интеграционная модель АСЕАН функционирует преимущественно как катализатор асинхронного национального роста, а не как инструмент целенаправленной социально-экономической конвергенции, характерной для «глубоких» интеграционных объединений (рис. 3.1.4).

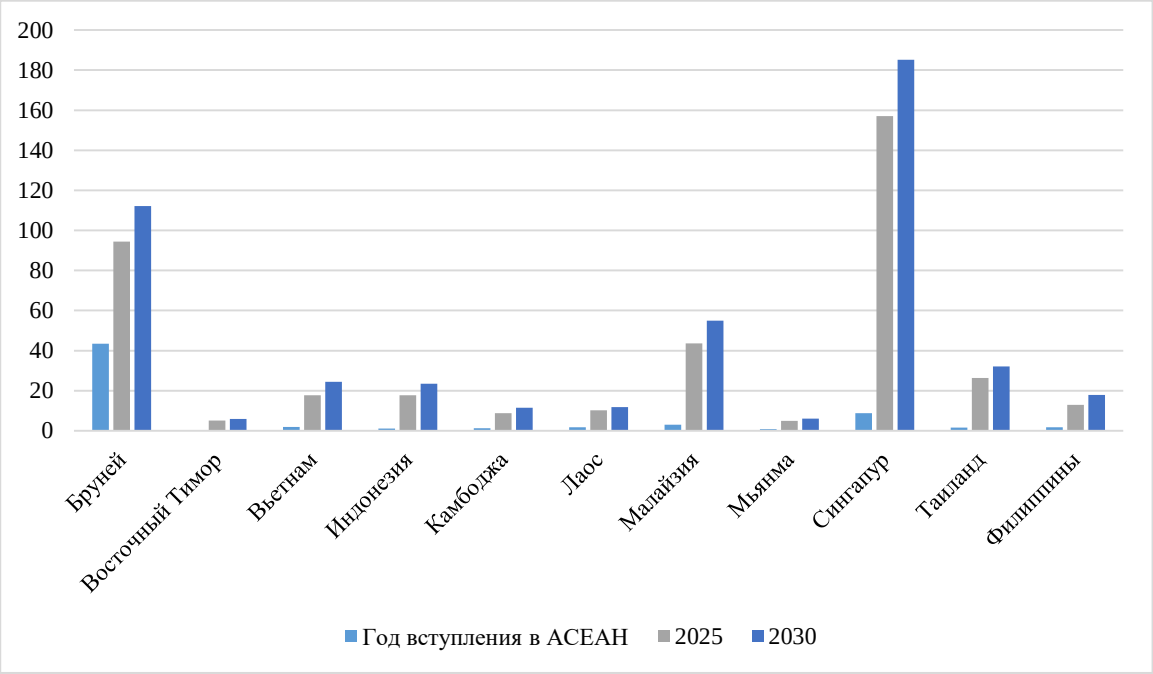

Рис. 3.1.4. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах АСЕАН, тыс. долл. США

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund (IMF).

[332] GDP per capita, current prices, purchasing power parity, international dollars per capita // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO (accessed: 22.05.2026).

Как показал проведённый анализ, сам по себе уровень ВВП на душу населения по ППС отражает лишь конечный эффект интеграции, оставляя без внимания факторы его формирования. В этой связи дальнейшее исследование предполагает переход от макроэкономических агрегатов к структурным характеристикам интеграции — показателям взаимной торговли и прямых инвестиций, которые непосредственно отражают степень консолидации внутренних рынков и каналы передачи интеграционных эффектов.

3.2. Сравнительный анализ динамики взаимной торговли в интеграционных объединениях

Показатели состояния и динамики взаимной торговли служат фундаментальными индикаторами глубины и результативности интеграционных процессов, поскольку именно усиление внутриблоковой торговли является первичным источником выгод, создавая эффекты масштаба, усиливая конкуренцию и способствуя перераспределению ресурсов в соответствии со сравнительными преимуществами. В этой связи для установления прямой причинно-следственной связи между углублением интеграции и качественной трансформацией экономических взаимосвязей целесообразным представляется анализ её влияния на структуру товарооборота. Ключевым индикатором в данном случае выступает динамика доли взаимной торговли стран-участниц в их совокупном внешнеторговом обороте, количественное измерение которой позволит не только оценить степень консолидации рынков внутри каждого из рассматриваемых объединений, но и определить, представляет ли собой конкретное объединение проект глубокой интеграции, направленный на формирование единого и взаимосвязанного экономического пространства, или же он функционирует преимущественно как инструмент координации внешнеориентированных национальных стратегий.

Таким образом, показатель доли внутриблоковой торговли отражает удельный вес взаимного товарообмена между странами — участницами интеграционных объединений в их совокупном внешнеторговом обороте.

Данный индикатор позволяет оценить значимость внутреннего рынка в общей торговой структуре объединения и проанализировать динамику его экономической консолидации. Автором предлагается следующая формула для расчета доли внутриблоковой торговли:

$$\text{Доля внутриблоковой торговли} = \frac{\sum_{i=1}^{n} \text{Экспорт}_{i\to(bloc)} + \sum_{i=1}^{n} \text{Импорт}_{i\to(bloc)}}{\sum_{i=1}^{n} (\text{Общий экспорт}_i + \text{Общий импорт}_i)} \times 100\% ,$$

где:

$\sum_{i=1}^{n} \text{Экспорт}_{i\to(bloc)}$ — суммарный стоимостной объём экспорта каждой страны-участницы i (где $i = 1, 2, \dots, n$) во все остальные страны данного интеграционного объединения;

$\sum_{i=1}^{n} \text{Импорт}_{i\to(bloc)}$ — суммарный стоимостной объём импорта каждой страны-участницы i из всех остальных стран того же объединения.

Совокупный стоимостной оборот взаимной торговли внутри объединения определяется суммированием двух указанных компонентов. Учёт как экспортных, так и импортных статистических данных применяется для минимизации возможных расхождений, обусловленных методическими различиями в оценке стоимости товаров на условиях FOB (франко-борт) и CIF (стоимость, страхование и фрахт).

$\sum_{i=1}^{n} (\text{Общий экспорт}_i + \text{Общий импорт}_i)$ — сумма общего экспорта и общего импорта каждой страны-участницы i со всем миром (включая как партнёров по объединению, так и третьи страны).

Удельный вес внутриблоковой торговли, выраженный в процентах от совокупного внешнеторгового оборота стран-участниц, количественно характеризует значимость их взаимного товарообмена в рамках общей структуры международной торговли. Рост данного показателя, как правило, указывает на усиление роли общего внутреннего рынка, а снижение — на опережающую динамику торговли с третьими странами и относительное ослабление внутриблоковых связей.

Анализ динамики взаимной торговли ЕС позволяет выделить несколько ключевых долгосрочных трендов, подтверждающих не только высокую степень интегрированности данного объединения, но и нарастающие структурные вызовы, ограничивающие его развитие. Обладая значительным потенциалом в виде единого рынка, объединяющего 24 млн компаний и обеспечивающего 15% мирового товарооборота, ЕС сформировал зрелую модель экономической консолидации[333]. Стабильно высокая доля внутриблоковой торговли, стабилизировавшаяся вблизи отметки 60%, служит эмпирическим подтверждением гипотезы о том, что взаимный товарооборот выступает системообразующим элементом экономики ЕС[334].

Вместе с тем долгосрочный анализ динамики внутриблоковой торговли выявляет её выраженно нелинейный характер, в котором фазы устойчивого роста чередуются с периодами резких спадов, обусловленных системными глобальными потрясениями. Так, в 2009 году под воздействием мирового финансового кризиса внутренний товарооборот сократился почти на 18,85%, а в 2020 году одновременное влияние пандемии COVID-19 и выхода Великобритании из состава ЕС спровоцировали снижение на 7,38%, что привело к фрагментации логистических цепочек и возникновению дополнительных регуляторных барьеров внутри единого экономического пространства[335].

Примечательно, что даже после последующего восстановления и достижения исторического пика в 5,05 трлн долл. в 2022 году внутриблоковая торговля продемонстрировала устойчивую тенденцию к сокращению, снизившись до 4,55 трлн долл. к 2025 году, что на 5,01% меньше, чем в 2024

---

[333] Europe’s Integration Imperative // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/fandd/article/2025/06/kammer.pdf (accessed: 17.01.2026).

[334] Intra-EU trade in goods — main features // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Intra-EU_trade_in_goods_-_main_features (accessed: 17.01.2026); Euro area international trade in goods surplus €9.9 bn // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/6-15012026-bp (accessed: 17.01.2026).

[335] Intra-EU trade in goods — main features // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Intra-EU_trade_in_goods_-_main_features (accessed: 17.01.2026)

году и на 7,33% чем в 2023 году[336]. Данная тенденция, в частности, обусловлена рядом факторов, включая стагнацию ведущих экономик объединения, энергетический кризис и рост производственных издержек из-за отказа от российских энергоносителей.

Вместе с тем ЕС активно перестраивает свою внешнеторговую политику за счёт диверсификации хозяйственных связей через заключение новых масштабных соглашений. Основными направлениями данной политики являются защита конкурентоспособности собственной промышленности, обеспечение доступа к критически важному сырью и снижение стратегических зависимостей. Ярким примером служит соглашение о свободной торговле с Индией, подписанное в 2026 году и предусматривающее отмену пошлин на 96,6% европейского экспорта[337]. Параллельно было заключено соглашение с МЕРКОСУР, направленное на создание одной из крупнейших в мире зон свободной торговли. Данное соглашение должно обеспечить стабильный доступ к сырьевым ресурсам и открыть новые рынки для европейского экспорта высокотехнологичной продукции, что может принести ежегодную экономию в размере до 4 млрд евро и увеличить экспорт на 39–70%[338].

Таким образом, анализ динамики внутриблоковой торговли ЕС позволяет выявить двойственный характер его интеграционной модели, которая сочетает институциональную зрелость с усиливающимися структурными вызовами. Обладая уникальным потенциалом единого рынка, ЕС демонстрирует растущую уязвимость к внешним шокам и внутренним ограничениям. Стратегический ответ на данные вызовы, выраженный в активной диверсификации внешнеэкономических связей, представляет собой попытку трансформировать риски в возможности, совмещая защиту внутренней

---

[336] Euro area international trade in goods surplus €9.9 bn // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/6-15012026-bp (accessed: 17.01.2026)..

[337] The EU — India trade agreement // European Commission : [site]. — URL: https://commission.europa.eu/topics/trade/eu-india-trade-agreement_en (accessed: 08.12.2025).

[338] EU — MERCOSUR Agreement // European Commission : [site]. — URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement_en (accessed: 02.02.2026).

конкурентоспособности с поиском новых рынков и источников сырья (рис. 3.2.1).

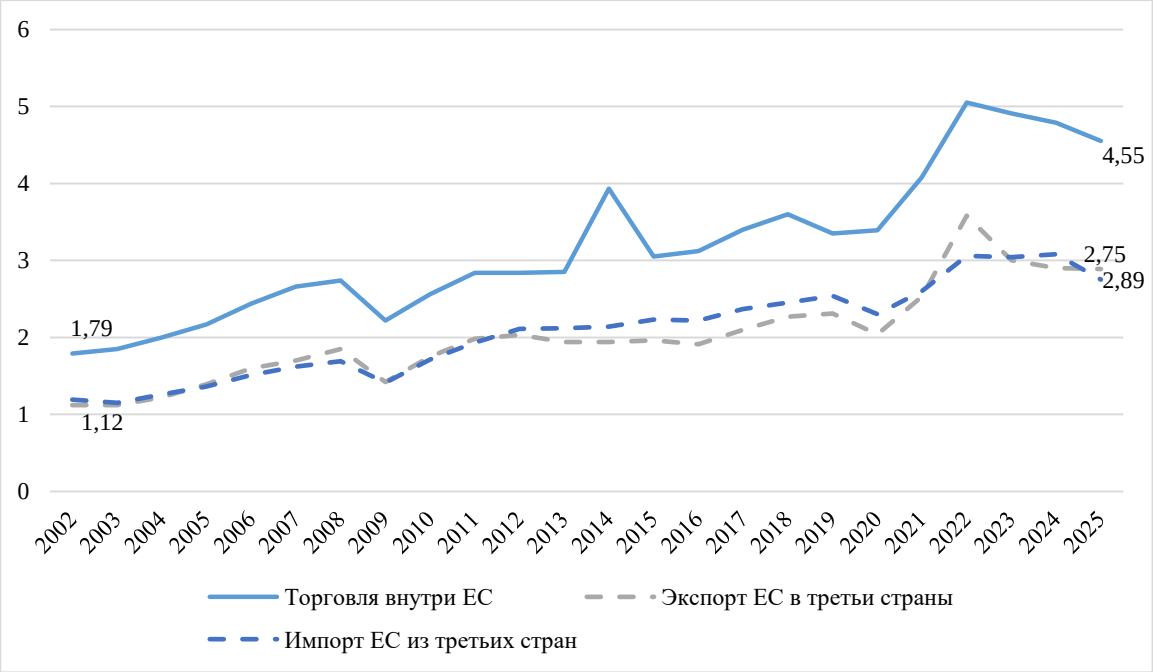

Рис. 3.2.1. Динамика взаимной торговли товарами и торговли с третьими странами ЕС (2002–2024 гг.), трлн долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat.

Примечание: все стоимостные показатели, выраженные в евро, конвертированы автором в доллары США по текущему обменному курсу.

Анализ динамики взаимной торговли ЕАЭС выявляет его стабильно низкую долю в общем объёме внешней торговли, которая в среднем составляет 17%, что является следствием комплексного воздействия структурных, институциональных и конъюнктурных ограничений[339].

В основе данной тенденции лежит структурная схожесть и сырьевая ориентация экономик стран-участниц, что обуславливает весьма низкую взаимодополняемость для формирования устойчивых цепочек создания стоимости и глубокой торговой интеграции. Данное структурное ограничение существенно усугубляется сохраняющимися институциональными барьерами, прежде всего нетарифного характера (технические барьеры,

[339] Календарь статистических работ // Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/calendar/allpublications.php (дата обращения: 19.01.2026).

санитарные/фитосанитарные нормы, различия в процедурах сертификации, валютном контроле и лицензировании), обусловленными различиями в национальных законодательствах, что препятствует полноценной реализации принципа свободного движения товаров, несмотря на активную работу ЕЭК по их устранению.

Дополнительным сдерживающим фактором является состояние логистической инфраструктуры, развитие которой, хотя и осуществляется высокими темпами, сталкивается с системными вызовами, связанными с недостаточной модернизацией и высокими логистическими издержками. Последние обусловлены не только объективными географическими факторами, но и операционными сложностями, включая недостаток складских мощностей в удаленных районах, необходимость учёта обратного холостого пробега транспорта, особенно на тупиковых направлениях (например, в Армению или отдельные регионы России и Казахстана).

Параллельно с адаптацией на внутреннем рынке наблюдается устойчивая тенденция к активной переориентации и диверсификации внешнеторговых потоков, о чём свидетельствует доля экспорта в третьи страны, превысившая 85% в 2024 году. Страны — участницы ЕАЭС концентрируют усилия на наращивании стратегического партнёрства с рядом ключевых стран, среди которых наиболее значимым выступает Китай, объём взаимной торговли с которым по итогам 2024 года составил рекордные 291 млрд долл., а за три квартала 2025 года достиг 228,38 млрд долл.[340] Институциональной основой данного сотрудничества служит Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, направленное на снижение нетарифных барьеров, цифровизацию логистики и упрощение таможенных процедур, что стимулирует товарооборот и инвестиции. Ещё одним направлением является взаимодействие с Объединёнными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), которое

[340] Slepnev A. Andrey Slepnev: “The Joint EAEU — PRC Commission proposed decisions on key matters of the mutual trade agenda” // Eurasian Economic Commission : [site]. — 2025. — November 12. — URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/andrey-slepnev-na-sovmestnoy-komissii-eaes-knr-predlozheny-resheniya-po-klyuchevym-voprosam-povestki (accessed: 02.02.2026).

было закреплено Соглашением об экономическом партнёрстве. Документ предполагает отмену пошлин на 85% товаров, охватывающих свыше 90% взаимного товарооборота, что позволит увеличить торговый оборот до уровня выше 20 млрд долларов за счёт снижения среднего уровня ввозных пошлин ОАЭ с 5% до 0,6%[341].

В том же году было консолидировано сотрудничество с Ираном путём вступления в силу полноформатного Соглашения о свободной торговле, заменившего временный договор 2019 года и направленного на создание безбарьерной среды через снижение средних ввозных пошлин с 20% до 4,5% для 90% товарной номенклатуры, включая сельскохозяйственную продукцию и промышленное оборудование, что формирует предпосылки для роста товарооборота до 12 млрд долл.[342] Завершением серии ключевых внешнеторговых инициатив стало подписание в декабре 2025 года исторического Соглашения о свободной торговле с Индонезией, которое открывает преференциальный доступ для 90–94% товаров, предусматривая сокращение средних тарифных ставок для товаров из ЕАЭС более чем вдвое — с 8–10,2% до 2–3,2%, и направлено на рост товарооборота, развитие промышленной кооперации и диверсификацию экспорта, прежде всего для России[343].

Проведённый анализ интеграционной модели ЕАЭС позволяет выявить следующую тенденцию. Внутренний товарооборот данного объединения характеризуется относительно невысокой долей в общем торговом обороте и умеренной производственной взаимозависимостью стран-участниц. Данные черты в определенной степени сближают его с моделями интеграционных объединений, чья экономика в значительной степени основана на сырьевом

---

[341] EAEU and UAE signed economic partnership agreement // The Eurasian Economic Commission (EEC) : [site]. — 2025. — 27 June. — URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/soglashenie-ob-ekonomicheskom-partnerstve-podpisano-mezhdu-eaes-i-oae (accessed: 02.03.2026).

[342] EAEU & Iran: full-fledged free trade agreement entered into force // The Eurasian Economic Commission (EEC) : [site]. — 2025. — 15 May. — URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/eaes-iran-vstupilo-v-silu-polnoformatnoe-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle- (accessed: 19.01.2025).

[343] EAEU and Indonesia signed a free trade agreement // The Eurasian Economic Commission (EEC) : [site]. — 2025. — 21 December. — URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/soglashenie-o-svobodnoy-torgovle-podpisano-mezhdu-eaes-i-indoneziey (accessed: 02.02.2026).

экспорте, в частности МЕРКОСУР. С другой стороны, активная переориентация торговых потоков и последовательное заключение масштабных соглашений о свободной торговле с крупнейшими азиатскими партнерами формируют новую, более гибкую и открытую архитектуру внешнеэкономических связей, призванную компенсировать ограниченность внутреннего рынка. Однако потенциал для углубления интеграционных процессов в регионе в значительной степени будет зависеть от решения внутренних структурных задач, необходимых для создания устойчивых внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости (рис. 3.2.2)[344].

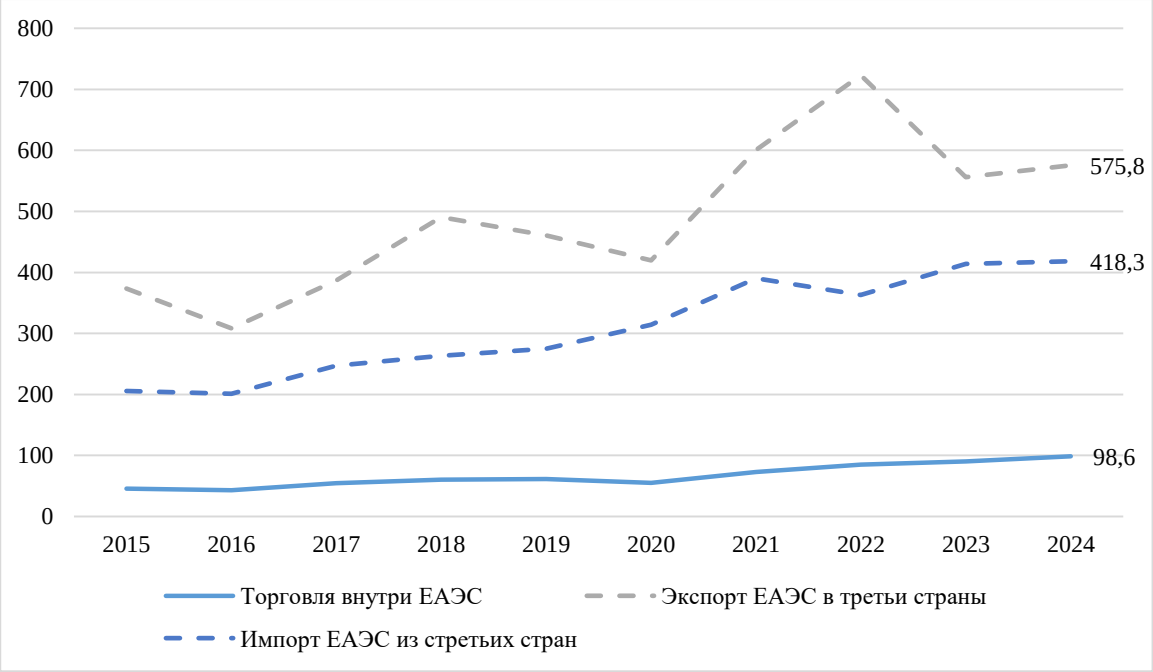

Рис. 3.2.2. Динамика взаимной торговли товарами и торговли с третьими странами ЕАЭС (2015–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

Анализ динамики взаимной торговли МЕРКОСУР демонстрирует интеграционную модель, характеризующуюся структурной диспропорцией между интенсивностью внутренних связей и выраженной

[344] Календарь статистических работ // Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/calendar/allpublications.php (дата обращения: 19.01.2026).

внешнеэкономической ориентацией. Объём взаимной торговли в рамках данного объединения отличается выраженной цикличностью и ограниченным потенциалом роста, стабильно сохраняясь на относительно низком уровне по сравнению с внешнеторговыми оборотами, что указывает на вторичную роль внутреннего рынка в торговой стратегии объединения.

Данная тенденция связана главным образом со структурным свойством национальных экономик, ориентированных преимущественно на экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции, что создаёт скорее конкурентные, а не взаимовыгодные отношения. Она усугубляется системным протекционизмом, проявляющимся в применении нетарифных барьеров и односторонних ограничений, которые подрывают основы единого таможенного пространства и препятствуют формированию подлинно общего рынка. Углублению интеграции также препятствует значительная экономическая асимметрия между странами-участницами, усугубляемая низким уровнем транспортной связности и высокими транзакционными издержками, обусловленными инфраструктурным дефицитом, что в совокупности создает дополнительные барьеры для развития производственной кооперации и формирования внутрирегиональных цепочек создания стоимости[345].

Параллельно наблюдается устойчивая стратегическая переориентация торговых потоков на глобальные рынки, что закономерно смещает региональную кооперацию на периферию внешнеэкономической повестки. Количественным подтверждением данной тенденции служит экспоненциальный рост объёма экспорта в третьи страны — с 66,8 млрд долл. в 2000 году до 390,57 млрд долл. в 2024 году[346]. В ответ на ужесточение протекционистских мер со стороны Соединённых Штатов страны МЕРКОСУР активизировали диверсификацию внешних связей. В частности, ключевым

[345] MERCOSUR : evolution of trade in goods and services / Centre for International Economy ; Ministry of Foreign Affairs, International Trade and Worship, Argentine Republic. — 2024. — 21 p. — URL: https://cancilleria.gob.ar/userfiles/ut/ppt_mercosur-_270624_english_.pdf (accessed: 19.01.2026).

[346] MERCOSUR : [intra and extra trade] // Ministry of Foreign Affairs, International Trade and Worship, Argentine Republic : [site]. — URL: https://cancilleria.gob.ar/es/general-mercosur (accessed: 19.01.2026).

элементом новой архитектуры внешнеэкономических отношений МЕРКОСУР является соглашение с ЕС, подписанное в 2026 году после 25 лет переговоров. Данный документ имеет не только экономическое, но и геополитическое значение, укрепляя позиции МЕРКОСУР на глобальном рынке сельскохозяйственной продукции и способствуя снижению региональной зависимости от других внешних игроков.

Анализ динамики внутриблоковой торговли МЕРКОСУР позволяет выявить специфическую модель интеграции, при которой крайне низкая доля взаимного товарооборота выступает закономерным следствием комплекса внутренних структурных и институциональных ограничений, системно препятствующих углублению производственной кооперации. В этой связи ключевой стратегией объединения становится не консолидация внутреннего рынка, а стремительная диверсификация внешнеэкономических связей, что находит своё институциональное оформление в заключении масштабных соглашений с ведущими стратегическими партнерами. Следовательно, интеграционная модель объединения эволюционирует в сторону инструмента коллективного усиления глобальной конкурентной позиции его участников, где внутрирегиональное сотрудничество выполняет не столько функцию создания общего рынка, сколько роль платформы для согласования и продвижения единой внешнеэкономической стратегии в условиях прогрессирующей фрагментации мировой экономики (рис. 3.2.3).

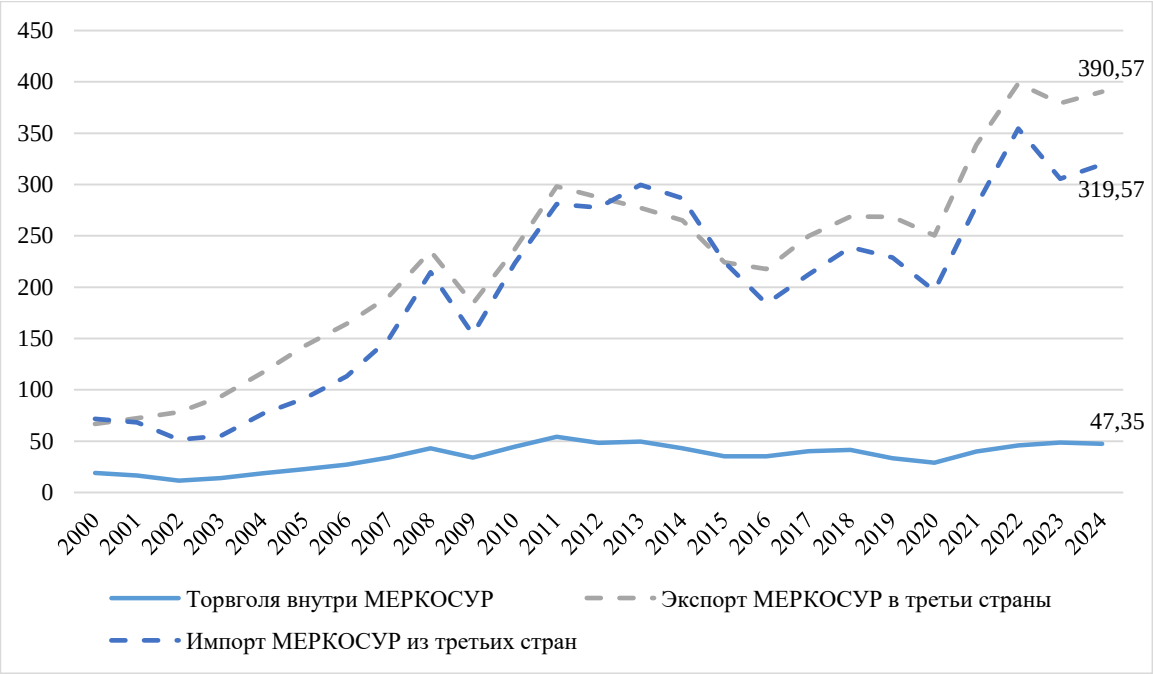

Рис. 3.2.3. Динамика взаимной торговли товарами и торговли с третьими странами МЕРКОСУР (2000–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Ministry of Foreign Affairs, International Trade and Worship, Argentine Republic.

Динамика взаимной торговли в рамках АСЕАН позволяет выявить характерные особенности модели интеграции, основанной на активном развитии внешнеторговых связей при относительно низкой интенсивности взаимного обмена. Наблюдается устойчивый рост абсолютных объёмов как внутренней торговли, так и торговли с третьими странами, что свидетельствует об успешной интеграции региона в глобальные цепочки создания стоимости. Однако доля внутриблоковой торговли на протяжении более двух десятилетий стабильно сохраняется в диапазоне 24%[347]. Данная тенденция свидетельствует о том, что экономики стран — участниц АСЕАН остаются в большей степени ориентированными на внешние рынки, нежели на формирование самодостаточного внутреннего рынка.

В частности, ключевым стратегическим партнером АСЕАН на протяжении последних десятилетий остается Китай, чей двусторонний

[347] Trade in Goods (IMTS), Annually, HS 2-digit up to 8-Digit (AHTN), in US$ // ASEAN Statistics Web Portal : [site]. — URL: https://data.aseanstats.org/trade-annually (accessed: 24.02.2026).

товарооборот с объединением в 2025 году превысил 1 трлн долл.[348] Основу двустороннего сотрудничества составляет Соглашение о свободной торговле, направленное на углубление экономической интеграции через снижение торговых барьеров, развитие цифровой и «зеленой» экономики, а также укрепление цепочек поставок в таких приоритетных секторах, как электроника, сельское хозяйство и фармацевтика.

Вторым по значимости торговым партнером выступают Соединённые Штаты, объём взаимной торговли с которыми в 2024 году составил рекордные 475 млрд долл. (271 млрд долл. в первой половине 2025 года)[349]. Вместе с тем активизация отношений, включая подписание в октябре 2025 года ряда двусторонних торговых соглашений с Малайзией, Таиландом, Камбоджей и Вьетнамом, отражает асимметричный характер выгод от такого партнёрства. Данные соглашения предоставляют США значительные преимущества, главным образом за счёт устранения барьеров для американского экспорта. В то же время выгоды для государств Юго-Восточной Азии являются ограниченными — тарифные пошлины сохранились на уровне 19% для большинства товаров из Малайзии, Таиланда и Камбоджи и 20% для экспорта из Вьетнама, а предоставленные льготы распространились лишь на узкий перечень товарных позиций[350].

Параллельно АСЕАН выстраивает многостороннюю архитектуру сотрудничества через масштабные региональные инициативы, центральное место среди которых занимает ВРЭП, вступившее в силу в 2020 году и объединяющее ключевые экономики Азиатско-Тихоокеанского региона[351].

---

[348] Cash J., Chen X. China’s trade ends 2025 with record $1.2 trillion surplus despite Trump tariff jolt // Reuters : [site]. — 2026. — January 16. — URL: https://www.reuters.com/world/china/chinas-trade-ends-2025-with-record-trillion-dollar-surplus-despite-trump-tariffs-2026-01-14 (accessed: 02.02.2026).

[349] Ing L. Y. ASEAN between China and the US: navigating a ‘no single power’ global order // The Diplomat : [site]. — 2025. – December 05. — URL: https://thediplomat.com/2025/12/asean-between-china-and-the-us-navigating-a-no-single-power-global-order (accessed: 02.02.2026).

[350] Guild J. What’s the deal with Trump’s trade agreements in Southeast Asia? // The Diplomat : [site]. — 2025. — July 29. — URL: https://thediplomat.com/2025/07/whats-the-deal-with-trumps-trade-agreements-in-southeast-asia (accessed: 02.02.2026).

[351] Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // The Association of Southeast Asian Nations : [site]. — URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep (accessed: 23.02.2026).

Данный блок, будучи крупнейшей в мире зоной свободной торговли, обеспечивает странам-участницам, включая АСЕАН, снижение тарифов, углубление производственных цепочек и доступ к новым рынкам, что подтверждается значительными объемами товарооборота с Японией (236,78 млрд долл.), Республикой Корея (208,31 млрд долл.) и Австралией (96,26 млрд долл.) в 2024 году[352].

Отдельным направлением внешнеэкономической политики является развитие связей с ЕС, чей совокупный товарооборот с АСЕАН в 2024 году достиг 292,83 млрд долларов[353]. Активное развитие данного направления сотрудничества находит своё подтверждение в подписании в сентябре 2025 года Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве между ЕС и Индонезией, предусматривающее отмену пошлин по более чем 98% товарных позиций и заложившее основу для расширения формата подобного взаимодействия на другие ключевые страны региона, включая Малайзию, Филиппины и Таиланд, переговоры с которыми намечены на 2026 год.

Таким образом, динамика внутриблоковой торговли АСЕАН, характеризующаяся последовательным снижением её доли с 25,32% в 2003 году до 22,52% в 2024 году на фоне роста удельного веса внеблоковой торговли с 74,68 до 77,48% за аналогичный временной интервал, свидетельствует о структурном сдвиге, при котором относительная значимость внутреннего рынка объединения сокращается, в то время как абсолютные объемы продолжают расширяться за счёт экспансии внешней торговли. Данная тенденция наглядно демонстрирует, что интеграционный процесс в рамках АСЕАН следует отличной от европейской модели логике, будучи ориентированным не на формирование самодостаточного экономического пространства, а на коллективное усиление конкурентных

[352] Trade in Goods (IMTS), Annually, HS 2-digit up to 8-Digit (AHTN), in US$ // ASEAN Statistics Web Portal :[site]. — URL: https://data.aseanstats.org/trade-annually (accessed: 24.02.2026).

[353] EU — ASEAN trade // Council of the European Union : [site]. — URL: https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eu-asean-trade/ (дата обращения: 17.01.2026).

позиций стран-участниц в глобальном разделении труда посредством создания благоприятного инвестиционного и торгового климата (рис. 3.2.4).

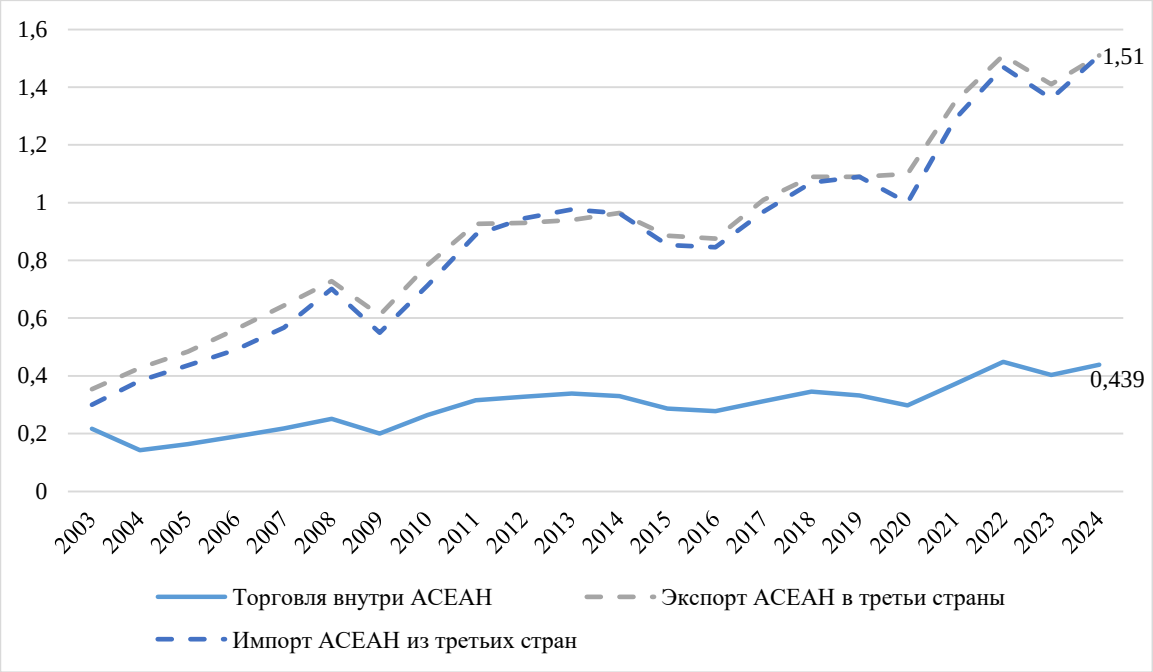

Рис. 3.2.4. Динамика взаимной торговли товарами и торговли с третьими странами АСЕАН (2003–2024 гг.), трлн долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных ASEAN Statistics Web Portal.

Проведённый сравнительный анализ динамики взаимной торговли в рамках интеграционных объединений позволил не только количественно оценить степень консолидации внутренних рынков, но и выявить качественно различные модели интеграционного взаимодействия. Вместе с тем торговые потоки, будучи центральным каналом реализации интеграционных эффектов, не исчерпывают собой всей полноты экономического взаимодействия. Для всесторонней оценки глубины экономической интеграции требуется дополнить анализ инвестиционным измерением. Исследованию динамики и структуры взаимных прямых иностранных инвестиций, выступающих ключевым индикатором долгосрочной экономической взаимозависимости, посвящён следующий параграф.

3.3. Сравнительный анализ динамики взаимных прямых иностранных инвестиций в интеграционных объединениях

Потоки прямых иностранных инвестиций являются материальной основой для формирования производственно-технологических цепочек создания стоимости. Они также играют важную роль в инновационном развитии, выступая ключевым каналом передачи передовых технологий и стратегических компетенций, что способствует развитию наукоёмких отраслей в масштабах всего объединения.

Количественно данный индикатор определяется как процентное отношение совокупного объема ПИИ, направленных между странами — участницами объединения, к общему объёму притока ПИИ в данное объединение из всех источников. Формула, предлагаемая автором, имеет следующий вид:

$$\text{Доля внутриблоковых ПИИ} = \frac{\sum_{i=1}^{n}\sum_{\substack{j=1 \\ j\neq i}}^{n} \text{ПИИ}\ Inflow_{i\leftarrow j}}{\sum_{i=1}^{n}(\sum_{\substack{j=1 \\ j\neq i}}^{n} \text{ПИИ}\ Inflow_{i\leftarrow j} + \sum_{w\notin Bloc} \text{ПИИ}\ Inflow_{i\leftarrow w})} \times 100\%\ ,$$

где:

n — общее количество стран в интеграционном объединении;

i — страна-реципиент (получатель ПИИ);

j — страна-инвестор, являющаяся участником того же объединения;

w — страна-инвестор, не являющаяся участником объединения ($w \notin Bloc$), то есть «остальной мир»;

ПИИ $Inflow_{i\leftarrow j}$ — величина потока прямых иностранных инвестиций, направленных из страны j в страну i;

ПИИ $Inflow_{i\leftarrow w}$ — величина потока прямых иностранных инвестиций, направленных из третьей страны w (не являющейся участником объединения) в страну i.

Таким образом, данный индикатор позволяет не только оценить степень инвестиционной однородности рынков внутри объединения, но и провести

сравнительный анализ, определяя, насколько конкретное интеграционное объединение соответствует модели «глубокой» интеграции, направленной на формирование целостного и взаимосвязанного экономического пространства.

Анализ динамики ПИИ в рамках ЕС позволяет выявить устойчивую тенденцию к преобладанию внутриблоковых потоков капитала: на протяжении всего исследуемого периода доля внутриблоковых ПИИ варьировалась в диапазоне от 53,6–50,4%[354].

Структура распределения внутриблоковых ПИИ в 2024 году характеризуется устойчивой концентрацией инвестиционных потоков в таких странах, как Германия, Франция, Италия и Нидерланды, что свидетельствует об их высокой инвестиционной ёмкости и сохраняющейся привлекательности для зарубежных инвесторов. Важной особенностью инвестиционной модели ЕС выступает структурная взаимодополняемость источников капитала, где наряду с высокими внутриблоковыми потоками важными экстерриториальными донорами ПИИ выступают такие страны, как Соединённые Штаты, Великобритания и Китай, концентрирующие основные объёмы капиталовложений в высокотехнологичных и стратегически значимых секторах, включая возобновляемую энергетику, полупроводниковую промышленность, фармацевтику, искусственный интеллект и электромобилестроение.

При этом структура распределения принимающих инвестиции стран внутри ЕС выявляет устойчивость сложившейся конфигурации, при которой Германия и Франция неизменно сохраняют статус ключевых направлений как для трансграничных поглощений, так и для новых производственных проектов. Испания в свою очередь закрепляется в качестве значимого центра притяжения промышленных инициатив, прежде всего в обрабатывающем секторе. Италия и Нидерланды, несмотря на наблюдаемое замедление

[354] EU Direct investment flows, by country and economic activity (BPM6) // European Commission : [site]. — 2026. — 08 May. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/product?mode=view&code=bop_fdi6_flow (accessed: 18.05.2026).

активности в сегменте слияний и поглощений, продолжают удерживать позиции в группе ведущих реципиентов ПИИ.

Вместе с тем адекватная оценка достигнутого уровня инвестиционной устойчивости ЕС была бы неполной без ретроспективного анализа динамики потоков ПИИ, неразрывно связанной как с этапами углубления интеграции, так и с макроэкономическими шоками. Существенная нелинейность и цикличность внутриблоковых и внеблоковых потоков ПИИ в период 1993–2024 гг. свидетельствует о том, что инвестиционная динамика ЕС формировалась не только под влиянием последовательных этапов интеграции, но и под воздействием глобальных экономических кризисов. Период устойчивого роста 1990–2000-х гг., обеспеченный эффектами единого рынка и введения евро, сменился структурным спадом 2008–2009 гг., когда объём внутриблоковых ПИИ сократился до отрицательных значений (–16,46 млрд долл.), а внеблоковых — до –18,10 млрд долл. Последовавшее восстановление носило неравномерный и фрагментированный характер, обусловленный долговым кризисом еврозоны 2010–2012 гг., выходом Великобритании из состава ЕС и пандемией COVID-19 в 2020 году[355]. При этом период посткризисного восстановления вплоть до 2024 года протекает на фоне устойчиво высокой инфляции, ужесточения денежно-кредитной политики и эскалации межгосударственной напряжённости, что обусловило переориентацию инвестиционных потоков в пользу проектов цифровой трансформации и низкоуглеродного перехода.

Таким образом, развитие инвестиционной модели ЕС характеризуется переходом от экстенсивной модели, основанной на кумулятивном эффекте интеграции, к интенсивной модели, в рамках которой инвестиционная динамика всё в большей степени определяется внешними факторами, в частности способностью к стратегической адаптации и позиционированием объединения в условиях современной турбулентности. Распределение

[355] EU Direct investment flows, by country and economic activity (BPM6) // European Commission : [site]. — 2026. — 08 May. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/product?mode=view&code=bop_fdi6_flow (accessed: 18.05.2026).

внутриблоковых ПИИ отражает зрелость интеграционной модели ЕС, способной одновременно обеспечивать концентрацию капитала в ключевых экономиках, стимулировать появление новых центров инвестиционного роста и гармонично встраивать внешние инвестиционные потоки в общеевропейскую производственную архитектуру, переформатируя их в соответствии с внутренними приоритетами долгосрочного структурного развития (рис. 3.3.1).

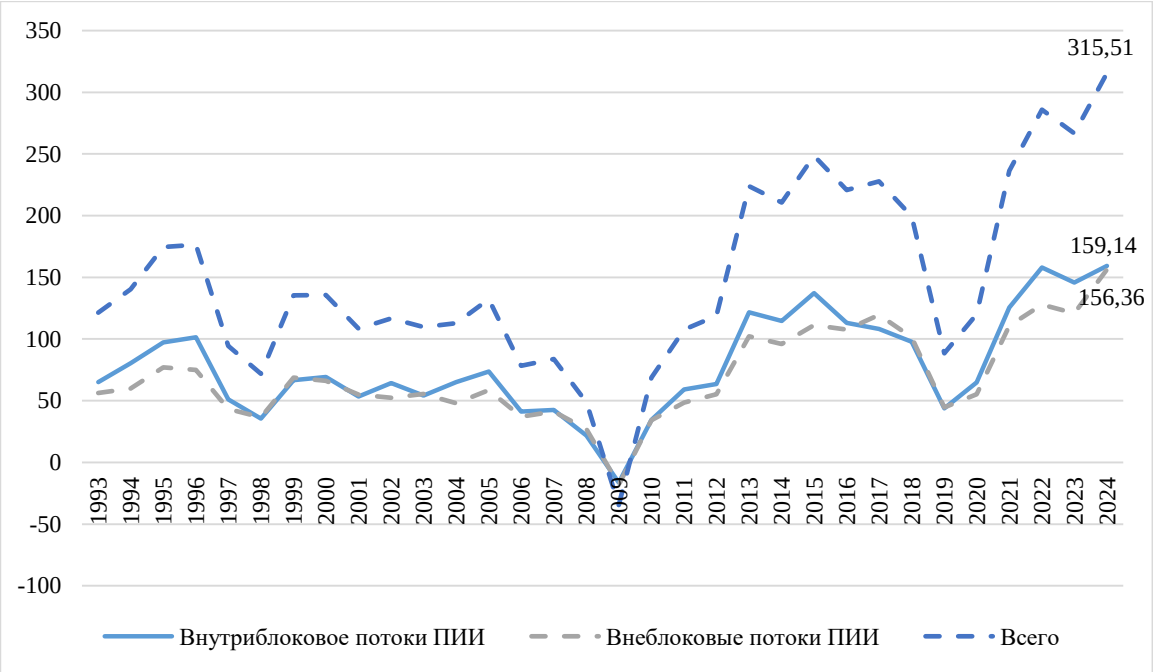

Рис. 3.3.1. Динамика потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в рамках ЕС (1993–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat.

Анализ динамики ПИИ в рамках ЕАЭС позволяет выявить модель интеграционного взаимодействия, характеризующуюся высокой степенью асимметрии при одновременной восприимчивости к изменениям в макроэкономической среде. На протяжении всего исследуемого периода внутриблоковые потоки ПИИ демонстрировали низкую долю в совокупном объёме привлеченных инвестиций — от 2,8% в 2016 году до 14,1% в 2018 году, при этом в 2024 году данный показатель составил 2,4 млрд долл., что эквивалентно доле, не превышающей 5% от общего инвестиционного притока, если исключить из расчёта отрицательные значения внеблоковых потоков.

Данная тенденция, сопровождающаяся существенной волатильностью абсолютных значений внутрирегиональных капиталовложений (от 0,67 млрд долл. в 2020 году до 4,36 млрд долл. в 2023 году), отражает не столько незавершенность формирования единого инвестиционного пространства, сколько принципиально иную природу евразийской интеграции, в которой инвестиционная компонента уступает по значимости торговой и инфраструктурной кооперации. Вместе с тем инвестиционный ландшафт ЕАЭС характеризуется высокой степенью концентрации, при которой Россия выступает основным донором внутриблоковых ПИИ, обеспечивая 78,6% совокупных взаимных капиталовложений. Крупнейшими реципиентами российского капитала в 2024 году стали Казахстан (9,4 млн долл.), Беларусь (5 млн долл.) и Армения (4,9 млн долл.) [356].

Отраслевая структура внутриблоковых ПИИ демонстрирует позитивную динамику, выражающуюся в концентрации порядка 80% взаимных инвестиций в строительстве, обрабатывающей промышленности и финансовом секторе. Данная тенденция свидетельствует о последовательном переходе от преимущественно сырьевой модели, характерной для начального этапа интеграционного развития ЕАЭС, к поступательному усложнению производственно-технологической, ориентированной на углубление внутриблоковых цепочек создания стоимости. Вместе с тем отмечается стремительный рост гринфилд-проектов, доля которых в 2024 году достигла 40%, а также увеличение объёма вложений со стороны частного сектора, составившего 72% совокупных взаимных капиталовложений[357].

---

[356] Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе, 2017 год : стат. бюл. / Евраз. экон. комис. — М. : ЕЭК, 2018. — 30 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/3df/finstat_5_2017f.pdf (дата обращения: 23.01.2026); Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе, 2024 год : стат. бюл. / Евраз. экон. комис. — М. : ЕЭК, 2025. — 24 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/a54/luyef738jvrwn8loi9qnhvh3q83sy0r1/finstat_5_f_2024.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

[357] Investment cooperation in the Eurasian region based on EDB monitoring of mutual investments / Kuznetsov A., Malakhov A., Omarov A. [et al.] ; Vinokurov E. (ed.) ; Eurasian Development Bank. — Almaty : EDB, 2025. — 57 p. — URL: https://eabr.org/en/analytics/special-reports/investment-cooperation-in-the-eurasian-region (accessed: 30.12.2025).

Внешний контур инвестиционной динамики ЕАЭС в 2022–2024 гг. характеризуется выраженной волатильностью, обусловленной санкционным давлением и фундаментальной реконфигурацией стратегических связей стран-участниц, прежде всего России. Традиционное доминирование европейского капитала, исторически выступавшего основным источником ПИИ для региона, последовательно замещается стратегическим партнёрством с восточными соседями, в частности Китаем, объём инвестиций которого в 2024 году увеличился на 13%[358]. Данная тенденция свидетельствует о стратегической переориентации внешних инвестиционных связей, сопровождаемой устойчивым смещением вектора капиталовложений в сторону азиатского региона (рис. 3.3.2)[359].

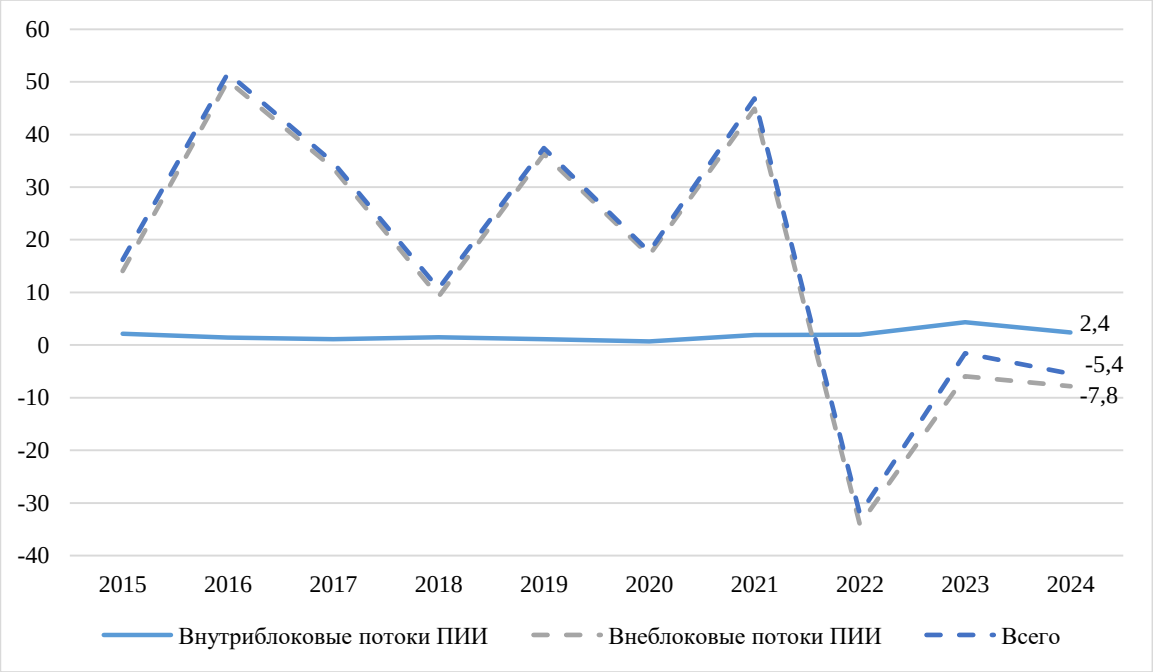

Рис. 3.3.2. Динамика потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в рамках ЕАЭС (2015–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

---

[358] China's investment stock in Eurasia Exceeds US $66 billion: a new report by the EDB // Eurasian Development Bank : [site]. — 2025. — 25 December. — URL: https://eabr.org/en/press/news/china-s-investment-stock-in-eurasia-exceeds-us-66-billion-a-new-report-by-the-edb (accessed: 12.11.2026).

[359] Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе, 2024 год : стат. бюл. / Евраз. экон. комис. — М. : ЕЭК, 2025. — 24 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/a54/luyef738jvrwn8loi9qnhvh3q83sy0r1/finstat_5_f_2024.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

Анализ динамики ПИИ в рамках МЕРКОСУР позволяет выявить принципиально иную модель интеграционного взаимодействия, характеризующуюся хронически низкой долей внутриблоковых потоков капитала и устойчивой зависимостью объединения от внешних источников финансирования.

Так, на всём протяжении исследуемого периода доля взаимных ПИИ в совокупном объёме привлеченного капитала сохраняла устойчиво низкий уровень, составляя в среднем 13%. Данная тенденция, сопровождающаяся существенной волатильностью абсолютных значений (от отрицательных величин в 1991 г. до пиковых 8,35 млрд долл. в 2021 г.), отражает незавершенность формирования единого инвестиционного пространства и отсутствие действенных механизмов стимулирования взаимных капиталовложений[360].

Вместе с тем внутриблоковые инвестиционные потоки МЕРКОСУР характеризуются неравномерным распределением. Бразилия является основным реципиентом ПИИ среди всех стран-участниц. Аргентина, Парагвай и Уругвай демонстрируют существенно более скромные показатели, что закрепляет сложившуюся конфигурацию «центр — периферия». При этом важной структурной характеристикой МЕРКОСУР выступает её отраслевая моноспециализация. На протяжении всего исследуемого периода основной объем капиталовложений концентрируется в агропромышленном секторе и добыче полезных ископаемых, что отражает сохраняющуюся сырьевую специализацию региона в глобальном разделении труда.

Особенность интеграционной модели МЕРКОСУР заключается в том, что углубление сотрудничества с ЕС выступает для данного объединения более действенным стимулом экономического развития, нежели интенсификация внутриблоковых инвестиционных связей. Таким образом, основным

[360] A comprehensive analysis of the updated trade part of the EU–MERCOSUR partnership agreement / B. Ruldof, P-N. Stoll, K. Mensan [et al.] ; European Parliament. — Brussels :European Parliament, 2025. — 64 p. — URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2025/754477/EXPO_STU(2025)754477_EN.pdf (accessed: 10.01.2026).

ограничением самодостаточного развития данного объединения выступает его глубокая структурная зависимость от внерегиональных акторов, что ставит под сомнение способность объединения к автономному поступательному развитию без постоянной поддержки извне (рис. 3.3.3).

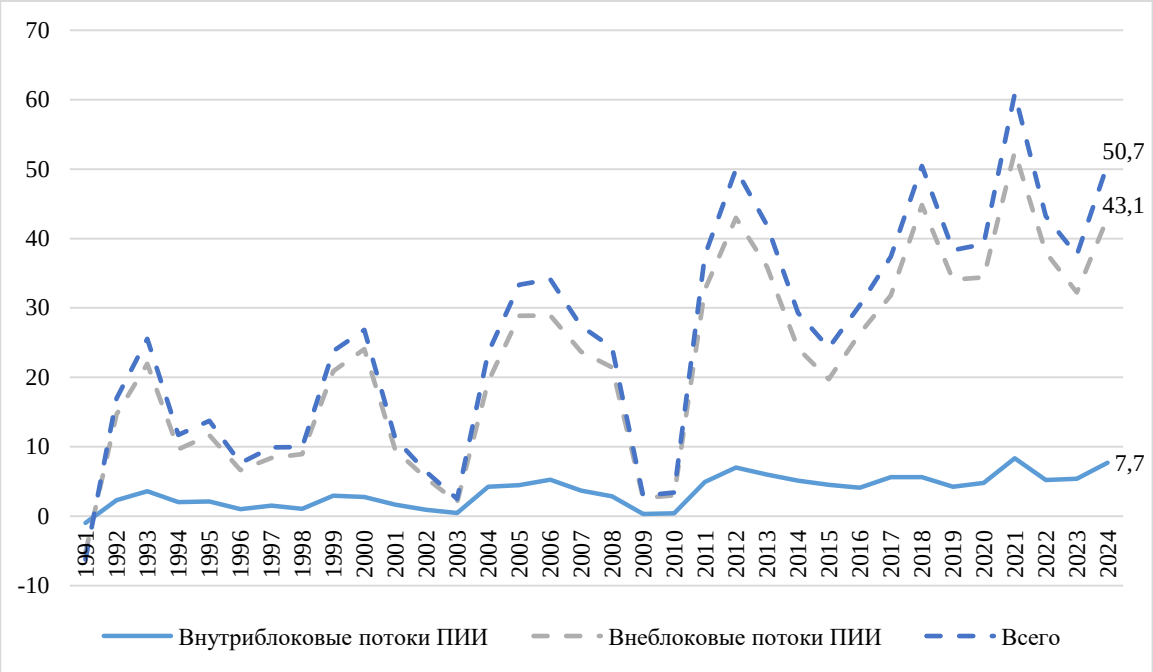

Рис. 3.3.3. Динамика потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в рамках МЕРКОСУР (1991–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных European Parliament.

Анализ потоков капитала в АСЕАН показывает, что, несмотря на последовательный рост внутриблоковых инвестиций, их удельный вес в общем объёме ПИИ остаётся весьма скромным. На протяжении рассматриваемого периода удельный вес внутриблоковых потоков варьировался в диапазоне 15,3–13,9%, что отражает незавершенность формирования единого инвестиционного пространства и сохраняющуюся фрагментарность финансовых рынков стран-участниц. В 2024 году объём взаимных ПИИ достиг 31,5 млрд долл., увеличившись на 45% по сравнению с предшествующим годом[361]. Данная динамика свидетельствует о постепенном углублении производственной и финансовой кооперации внутри объединения.

[361] Flows of Inward Foreign Direct Investment (FDI) to ASEAN by source country and industry (in million US$) // ASEAN Statistics Web Portal : [site]. — URL: https://data.aseanstats.org/fdi-by-sources-and-sectors

Объем совокупных ПИИ, привлечённых АСЕАН в 2024 году, подтверждает не только сохранение за регионом позиций одного из ключевых глобальных направлений движения капитала, но и закрепление статуса глобального центра развития обрабатывающей промышленности, цифровой экономики и низкоуглеродной энергетики. В страновой структуре привлечения ПИИ безусловное лидерство сохраняет Сингапур, аккумулировавший 143 млрд долларов совокупного объёма. Ведущие позиции также занимают Индонезия с показателем 24,2 млрд долл. и Вьетнам, объём привлечённого капитала в котором превысил 20 млрд долл. При этом отраслевая структура внутриблоковых инвестиций в АСЕАН характеризуется устойчивым доминированием обрабатывающей промышленности (порядка 33%), что свидетельствует об углублении производственно-технологической кооперации в рамках блока и последовательной консолидации региональной добавленной стоимости. Финансовые услуги, операции с недвижимостью и информационно-коммуникационный сектор дополняют отраслевой профиль внутриблоковых инвестиций, однако их доля остаётся существенно ниже, чем в структуре внешних ПИИ[362].

Одним из основных факторов инвестиционной динамики АСЕАН выступает реконфигурация глобальных производственно-сбытовых цепочек, обусловленная эскалацией торговых противоречий, в частности между Китаем и США, а также стратегией транснациональных корпораций, направленной на диверсификацию производственных рисков, сопряжённых с гиперконцентрацией мощностей в пределах одной юрисдикции. В сочетании с устойчивым экономическим ростом самих стран АСЕАН и растущим спросом на объекты цифровой инфраструктуры данная тенденция формирует долгосрочные конкурентные преимущества региона. В данном контексте внутриблоковые ПИИ выступают индикатором формирующейся

(accessed: 22.12.2025); ASEAN Statistical Highlights, 2025 / ASEAN Secretariat. — 2025. — 7 p. – URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf (accessed: 25.12.2025).

[362] ASEAN continues to attract heavy FDI inflow despite a 11% drop globally // Thai Enquirer : [site]. — URL: https://www.thaienquirer.com/54423/asean-continues-to-attract-heavy-fdi-inflow-despite-a-11-drop-globally (accessed: 02.02.2026).

региональной идентичности и механизмом выравнивания инвестиционных возможностей стран-участниц, что позволяет перейти от асимметричной модели «донор — реципиенты» к сбалансированной системе взаимных капиталовложений.

Таким образом, в АСЕАН взаимные прямые инвестиции, несмотря на устойчивый рост, выполняют преимущественно комплементарную функцию по отношению к внешним источникам капитала. Характер внутриблоковых потоков — их преимущественно двусторонняя конфигурация, высокая концентрация на страновом и отраслевом уровнях — отражает относительно раннюю стадию интеграционного процесса, в рамках которой ключевым вызовом выступает не столько углубление уже достигнутого уровня связанности, сколько преодоление структурной неоднородности и формирование единых правил инвестиционного взаимодействия (рис. 3.3.4).

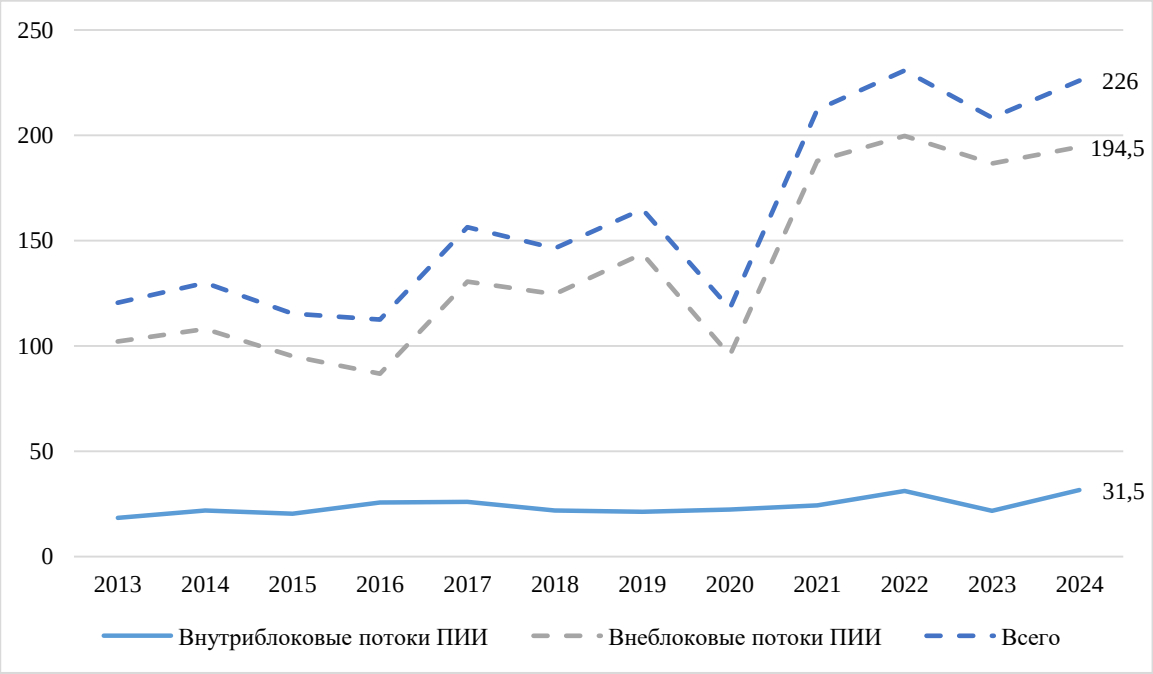

Рис. 3.3.4. Динамика потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в рамках АСЕАН (2013–2024 гг.), млрд долл. США

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных ASEAN Statistics Web Portal ; Association of Southeast Asian Nations.

Примечание: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была образована 8 августа 1967 года. Наиболее ранние данные, доступные для анализа в открытых источниках, относятся к 2013 году.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что соотношение между глубиной интеграции и её эффективностью носит сложный, нелинейный характер. Ключевым критерием эффективности интеграционного объединения выступает не столько его формальное положение на «лестнице интеграции», сколько реальная способность генерировать устойчивый рост благосостояния, обеспечивать макроэкономическую стабильность и создавать условия для гармоничного развития всех стран-участниц на достигнутом уровне взаимодействия. Предложенная автором система индикаторов и полученные на её основе результаты создают теоретико-эмпирическую основу для исследования механизмов трансформации экономики стран-участниц и формирования новой глобальной экономической архитектуры, демонстрируя, что глубокая интеграция представляет собой один из возможных и потенциально наиболее эффективных путей развития, но далеко не единственный и не всегда безусловно необходимый.

3.4. Количественная оценка стратегической устойчивости стран — участниц интеграционных объединений

Автором представляется целесообразным создание нового аналитического инструментария, который бы дополнил традиционные экономические показатели индикаторами, непосредственно характеризующими способность интеграционного объединения к самодостаточному развитию и противостоянию внешним дестабилизирующим воздействиям. В рамках настоящего исследования предлагается подход к сравнительной оценке стратегической устойчивости стран — участниц интеграционных объединений, основанный на авторской методике, интегрирующей её ключевые параметры[363].

[363] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

Центральным инструментом является *интеграционный индекс стратегической устойчивости*, позволяющий проводить комплексную оценку способности стран — участниц интеграционных объединений сохранять стабильность и потенциал к развитию в условиях глобальной турбулентности. Он основывается на принципе стратегического суверенитета, смещая фокус оценки с традиционных параметров экономической эффективности на анализ критических уязвимостей. Данный индекс операционализирует сложную, многомерную категорию стратегической устойчивости через высоко релевантный набор индикаторов, каждый из которых отражает фундаментальную основу жизнеспособности современного интеграционного объединения. Концентрация на технологической, энергетической и продовольственной составляющих позволяет абстрагироваться от краткосрочных конъюнктурных колебаний и сфокусироваться на структурных долгосрочных факторах устойчивости, которые становятся решающими в условиях фрагментации мировой экономики.

Таким образом, основными преимуществами данного индекса являются его целевая ориентированность на актуальные стратегические риски, способность преодолевать ограниченность традиционных экономикоцентричных моделей, а также количественная измеримость, наглядность и возможность сопоставимости результатов анализа, обеспечиваемых за счёт общедоступных статистических данных.

Методика расчёта индекса соответствует общепринятым рекомендациям по построению композитных индикаторов: на первом этапе формируется теоретическая рамка, затем отбираются показатели, проверяется полнота и сопоставимость данных, определяется направленность интерпретации каждого показателя, после чего проводятся нормализация и агрегирование данных. Данный подход позволяет не только получить итоговый рейтинг, но и раскрыть внутреннюю структуру стратегической устойчивости стран — участниц каждого интеграционного объединения.

Структура интеграционного индекса стратегической устойчивости с распределением показателей по компонентам отражена в таблице 3.4.1.

Таблица 3.4.1

Структура интеграционного индекса стратегической устойчивости

Компонент индекса	Показатель	Содержание показателя	Направление
Технологический суверенитет	Расходы на НИОКР, % ВВП	Финансовая интенсивность научно-технологического развития и способность поддерживать собственную исследовательскую базу	Выше — лучше
	Научные и технические статьи на 1 млн человек	Публикационная активность как характеристика плотности и результативности научной системы	Выше — лучше
	Заявки резидентов на патенты на 1 млн человек	Прикладной выход инновационной системы и способность превращать знания в технологические решения	Выше — лучше
Энергетическая безопасность	Чистый импорт энергии, % энергопотребления	Степень зависимости от внешних источников энергии; отрицательные значения отражают статус нетто-экспортера	Ниже — лучше
	Доля возобновляемой энергии в конечном потреблении	Диверсификация энергетического баланса и снижение зависимости от импортируемых ископаемых ресурсов	Выше — лучше
	Энергоёмкость первичной энергии	Эффективность использования энергии; чем ниже энергоёмкость, тем выше устойчивость к ценовым и ресурсным шокам	Ниже — лучше
Продовольственная безопасность	Импорт продовольствия, % товарного импорта	Степень внешней зависимости от продовольственных поставок в структуре товарного импорта	Ниже — лучше
	Индекс производства продовольствия	Внутренняя производственная база агропродовольственного сектора	Выше — лучше
	Урожайность зерновых, кг/га	Производительность базовой продовольственной категории и эффективность сельского хозяйства	Выше — лучше

Источник: составлено автором.

Выбор конкретных компонентов неслучаен и теоретически обоснован. Данные показатели непосредственно коррелируют с ключевыми вызовами современной мировой экономики, включая технологическое отставание, ресурсную зависимость и уязвимость логистических цепочек[364]. Важным методологическим преимуществом индекса является его сравнительная направленность и наглядность результата. Сведение комплексного анализа к единой интегрированной величине, варьирующейся в интервале от 0 до 1 благодаря применению нормализации $Min - Max$, обеспечивает удобный инструментарий для ранжирования и сравнительной оценки различных показателей по унифицированной шкале, что позволяет преодолеть проблему несопоставимости данных, вызванную различиями в единицах измерения. Для показателей, большие значения которых соответствуют более высокому уровню устойчивости, используется прямая нормализация. Для показателей внешней зависимости и ресурсоёмкости применяется обратная нормализация, преобразующая низкое фактическое значение в высокий нормативный балл.

Для показателей публикационной и патентной активности применяется логарифмическая трансформация вида $ln(1 + x)$, что позволяет снизить влияние экстремально высоких значений, характерных для крупнейших инновационных центров, и делает сопоставление интеграционных объединений с разным масштабом научно-технологической базы более устойчивым.

Расчёт данного индекса включает два последовательных этапа агрегирования. На первом этапе формируются субиндексы технологического суверенитета, а также энергетической и продовольственной безопасности как среднее арифметическое трёх нормированных показателей, входящих в соответствующий блок. На втором этапе три субиндекса линейно свёртываются в итоговый индекс с помощью простого среднего, что

[364] Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

предполагает равный вклад каждого измерения в оценку стратегической устойчивости.

Весовые коэффициенты субиндексов верхнего уровня (w_n) могут варьироваться в зависимости от исследовательских приоритетов, отражая относительную значимость каждого из измерений устойчивости в конкретных макроэкономических условиях. В соответствии с концептуальной рамкой настоящего исследования весовые коэффициенты установлены следующим образом: технологический блок — 0,35, энергетический блок — 0,35, продовольственный блок — 0,30. Показатели внутри каждого субиндекса имеют равные веса. Данное распределение весов, по мнению автора, обусловлено концептуальным приоритетом, отдаваемым в условиях фрагментации мировой экономики двум ключевым основам стратегической устойчивости интеграционных объединений — технологическому суверенитету и энергетической безопасности, в то время как продовольственная безопасность, оставаясь критически важным компонентом, обладает несколько меньшим дифференцирующим потенциалом в сравнительном анализе рассматриваемых объединений[365].

Таким образом, итоговый индекс может быть представлен следующим образом:

$$\text{Индекс стратегической устойчивости } = 0{,}35 \cdot \text{Технологии} + 0{,}35 \cdot \text{Энергетика} + 0{,}30 \cdot \text{Продовольствие},$$

где: Технологии — технологический субиндекс; Энергетика — энергетический субиндекс; Продовольствие — продовольственный субиндекс. Значения индекса лежат в пределах от 0 до 1, причём более высокое значение соответствует более высокому уровню стратегической устойчивости в рамках принятой системы показателей.

Результаты индекса, представленные на рисунке 3.4.1, позволяют выявить формирование у каждой страны-участницы особой модели

[365] Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

стратегической устойчивости, опирающейся на собственный набор структурных факторов. Различия в траекториях и достигнутых уровнях индекса определяются способностью объединений компенсировать свои системные уязвимости за счёт конкурентных преимуществ в других измерениях. При этом особое значение для интерпретации индекса имеет период после 2020 года. Сочетание таких факторов, как пандемия COVID-19, мировой энергетический кризис, резкий рост продовольственных цен и усиление глобальной неопределённости, обусловило значимость не только технологического суверенитета, но и способности интеграционных объединений обеспечивать себя базовыми ресурсами. В этой связи сближение или расхождение траекторий в 2021–2024 гг. свидетельствует не просто о количественных колебаниях, а о различиях в адаптационном потенциале рассматриваемых объединений.

Так, агрегированное значение индекса в странах — участницах ЕС увеличилось с 0,639 в 2008 году до 0,714 в 2024 году, что главным образом обусловлено сочетанием сильного технологического блока, высокой научно-инновационной активности и относительно сбалансированной структуры энергетического и продовольственного субиндексов. Вместе с тем траектория индекса не является строго линейной: в отдельные периоды на неё оказывали влияние разнообразные макроэкономические факторы, в том числе энергетические шоки, изменения импортной структуры и волатильность показателей продовольственного компонента.

Страны — участницы МЕРКОСУР, напротив, реализуют модель догоняющего роста, основанную на иной комбинации факторов. За аналогичный период индекс увеличился с 0,545 до 0,668, что позволило заметно сократить отставание от европейского лидера. Ключевым драйвером данной тенденции выступает мощный продовольственный блок и сравнительно благоприятный энергетический профиль. Таким образом, прочная ресурсно-производственная база, при условии её достаточной

диверсификации и временно́й устойчивости, способна обеспечивать рост стратегической устойчивости интеграционного объединения.

АСЕАН, несмотря на положительную динамику индекса, значение которого увеличилось с 0,451 до 0,528, итоговый результат сдерживается глубокой внутренней неоднородностью. Развитые инновационные центры соседствуют со странами, технологическая база которых ещё находится на этапе становления. Данная структурная разнородность, проявляющаяся в значительном разбросе значений субиндексов, ограничивает возможность формирования высокого агрегированного показателя, сколь бы заметными ни были достижения отдельных стран-участниц.

ЕАЭС, повысив значение индекса с 0,401 до 0,442 за период 2015–2024 гг., демонстрирует, что обладание ресурсными преимуществами не гарантирует достижения высокой стратегической устойчивости. Отдельные конкурентные преимущества объединения, прежде всего энергетическая самодостаточность и усиливающийся продовольственный блок, частично нивелируются высокой энергоёмкостью производства, низкой долей возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и неравномерностью технологической модернизации стран-участниц. Следовательно, ресурсная обеспеченность выступает необходимым, но не достаточным условием достижения стратегической устойчивости — ключевое значение приобретает способность интеграционного объединения обеспечить их эффективное использование.

Таким образом, стратегическая устойчивость стран — участниц интеграционных объединений не является унифицированной или линейно зависящей от глубины формальной интеграции — она реализуется в нескольких качественно различных моделях. Выявленная множественность моделей обосновывает аналитическую состоятельность многомерного

композитного подхода, использованного при построении интеграционного индекса стратегической устойчивости[366].

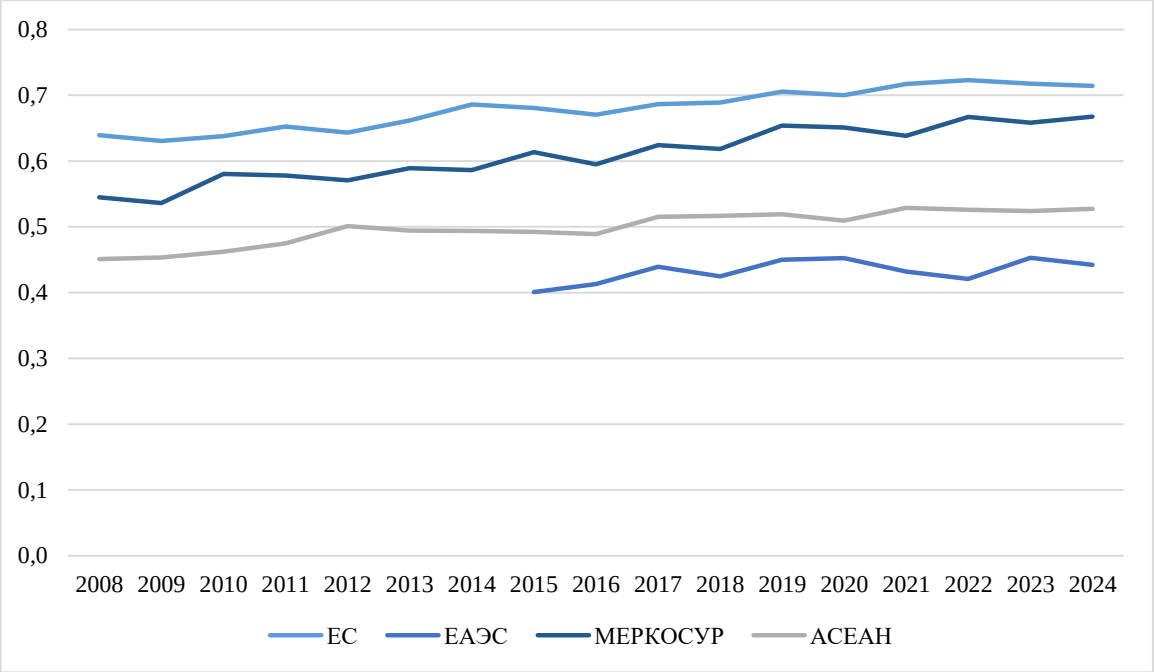

Рис. 3.4.1. Динамика Интеграционного индекса стратегической устойчивости (2008–2024 гг.)

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных UNESCO Institute for Statistics (UIS) ; World Bank Group ; Trade Map, Trade Statistics for International Business Development (ITC) ; UN Comtrade Database ; Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAOSTAT).

[366] Science, technology & innovation, gross domestic expenditure on R&D (GERD) // UNESCO Institute for Statistics (UIS) : [site]. — URL: https://databrowser.uis.unesco.org/resources/glossary/2444 (accessed: 22.02.2026); List of imported products for the selected product. product: 27 — mineral fuels, mineral oils and products of their distillation ; bituminous substances; mineral waxes // Trade Map, Trade Statistics for International Business Development : [site]. — URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 27.01.2026); Trade Data (HS 27) // UN Comtrade Database : [site]. — URL: https://comtradeplus.un.org (accessed: 27.01.2026); List of imported products for the selected product. product: 1–24, total food // Trade Map, Trade Statistics for International Business Development : [site]. — URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (accessed: 21.01.2026); Trade Data (HS 1–24) // UN Comtrade Database : [site]. — URL: https://comtradeplus.un.org (accessed: 27.01.2026) ; research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (accessed: 23.01.2026); Scientific and technical journal articles // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.JRN.ARTC.SC (accessed: 23.01.2026); Patent applications, residents // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD (accessed: 23.01.2026); Energy imports, net (% of energy use) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EG.IMP.CONS.ZS (accessed: 24.01.2026); Renewable energy consumption (% of total final energy consumption) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EG.FEC.RNEW.ZS (accessed: 24.01.2026); Energy intensity level of primary energy (MJ/$2017 PPP GDP) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EG.EGY.PRIM.PP.KD (accessed: 24.01.2026); Food imports (% of merchandise imports) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.FOOD.ZS.UN (accessed: 25.01.2026); Food Production Index (2014–2016 = 100) // Food and Agriculture Organization of the United Nations : [site]. — URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QI (accessed: 25.01.2026); Cereal yield (kg per hectare) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/AG.YLD.CREL.KG (accessed: 25.01.2026).

Важной особенностью наблюдаемой динамики является то, что различия между объединениями формируются не единовременно, а накапливаются постепенно. В частности, ЕС сохраняет лидирующее положение преимущественно благодаря стабильно высокому технологическому компоненту, который нивелирует менее благоприятные значения в части энергетических параметров. В противоположность этому, МЕРКОСУР, заметно уступая ЕС в технологическом измерении, компенсирует данный разрыв за счёт сильной продовольственной составляющей и сравнительно благоприятного энергетического профиля. Данная тенденция свидетельствует о том, что стратегическая устойчивость стран-участниц может достигаться посредством преимуществ как высокотехнологичного, так и ресурсно-производственного характера. В этой связи интерпретация индекса должна опираться не только на итоговый рейтинг, но и на декомпозицию по субиндексам.

Расчёт технологического субиндекса на основе трёх компонентов позволяет избежать избыточной зависимости от одного индикатора. Высокий уровень расходов на НИОКР приобретает значение лишь в том случае, если он подкреплён кадровой базой, научной публикационной активностью и способностью генерировать патенты. Следовательно, данный субиндекс фиксирует не столько объём финансирования, сколько реальную способность системы превращать ресурсы в исследовательские и прикладные результаты, что и порождает столь значительный разброс значений между странами и объединениями.

Наиболее наглядно данную закономерность иллюстрирует ЕС, который сохраняет устойчивое лидерство практически на всём временно́м интервале: в 2024 году его показатель составил 0,938. Данный результат, в частности, обусловлен значительной долей расходов на НИОКР в ВВП, масштабной публикационной активностью и высокой патентной активностью резидентов. В совокупности данные показатели характеризуют не просто масштаб

выделяемых ресурсов, а эффективность инновационной экосистемы, измеряемую её способностью создавать прорывные знания и конвертировать их в конкретные технологические решения.

Отдельное рассмотрение компонентов субиндекса подтверждает данный вывод. В 2024 году доля расходов на НИОКР в ВВП стран-участниц составила 2,24%, публикационная активность — около 1464 научно-технических статей на 1 млн населения, а патентная активность — порядка 166 заявок резидентов на 1 млн населения[367]. Приведённые значения отражают не только масштаб национальных экономик, но и наличие развитой научной инфраструктуры, включающей университеты, исследовательские центры, корпоративные лаборатории и общеевропейские программы поддержки инноваций. Высокая патентная активность в рамках ЕС охватывает широкий спектр направлений — от фармацевтики, машиностроения и промышленного оборудования до цифровых технологий, «зелёной» энергетики и транспортных решений. Таким образом, технологический субиндекс ЕС является не случайным статистическим результатом, а закономерным выражением зрелой инновационной экосистемы, способной систематически воспроизводить и обновлять технологические конкурентные преимущества.

ЕАЭС в технологическом измерении демонстрирует более высокий результат, чем в сводном индексе: в 2024 году его технологический субиндекс составил 0,589. Данная тенденция обусловлена наличием в ряде стран — участниц объединения мощной исследовательской базы, значительного инженерно-технического потенциала и относительно высокой публикационной активности в рецензируемых научно-технических изданиях. Вместе с тем дальнейший рост показателя сдерживается более низкой патентной активностью и фрагментацией национальных инновационных

[367] Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data : [site]. — https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (accessed: 24.01.2026); Scientific and technical journal articles // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.JRN.ARTC.SC (accessed: 12.01.2026); Patent applications, residents // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD (accessed: 23.04.2026).

систем, что не позволяет объединению выйти на уровень системной инновационной насыщенности, демонстрируемый Европейским союзом.

Научно-технический портрет ЕАЭС отличается внутренней противоречивостью. В 2024 году доля расходов на НИОКР в ВВП стран-участниц составила около 0,83%, что значительно уступает европейскому показателю, тогда как публикационная активность достигла примерно 725 статей на 1 млн населения, а патентная — порядка 119 заявок на 1 млн населения[368]. Такое сочетание указывает на то, что ЕАЭС располагает весомым научно-инженерным заделом, сформированным прежде всего в России и опирающимся на отраслевые компетенции в промышленности, энергетике, инженерных и оборонно-технических направлениях. Однако сравнительно низкий уровень финансирования НИОКР в сочетании с недостаточной институциональной связностью инновационных систем ограничивает возможности трансформации накопленного научного потенциала в устойчивое технологическое лидерство.

Технологические профили МЕРКОСУР и АСЕАН иллюстрируют две принципиально разные модели накопления и реализации научно-технического потенциала. В МЕРКОСУР, чей технологический субиндекс в 2024 году составил 0,446, научно-технический потенциал сконцентрирован преимущественно в Бразилии и Аргентине, благодаря чему агрегированный показатель объединения оказывается выше, чем можно было бы предположить, исходя из показателей отдельных малых стран-участниц. Рост технологического субиндекса АСЕАН до 0,373 в 2024 году обеспечен в первую очередь Сингапуром, Малайзией и усилением технологического присутствия Вьетнама. Однако значительная неоднородность стран-участниц и глубокий разрыв между технологическими центрами и периферией системно ограничивают агрегированный показатель.

---

[368] Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data : [site]. — https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (accessed: 24.01.2026); Scientific and technical journal articles // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.JRN.ARTC.SC (accessed: 12.01.2026); Patent applications, residents // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD (accessed: 23.04.2026).

Сравнение количественных индикаторов позволяет конкретизировать различия в природе технологических ограничений двух объединений. В МЕРКОСУР доля расходов на НИОКР составляет около 1,08% ВВП, публикационная активность — 363 статьи на 1 млн человек, а патентная — порядка 20 заявок на 1 млн человек. Данная тенденция свидетельствует о наличии сложившейся научной базы, прежде всего в Бразилии и Аргентине, но одновременно указывает на более слабую коммерциализацию исследований и низкую плотность прикладного патентования. В АСЕАН, напротив, при сопоставимых расходах на НИОКР (1,15% ВВП) публикационная (около 202 статей) и патентная (около 11 заявок на 1 млн человек) активность заметно ниже[369]. Наличие в регионе сильных инновационных центров сочетается с тем, что значительная часть технологической активности реализуется через транснациональные корпорации и не находит отражения в показателях резидентного патентования, что дополнительно ограничивает агрегированный технологический субиндекс (рис. 3.4.2).

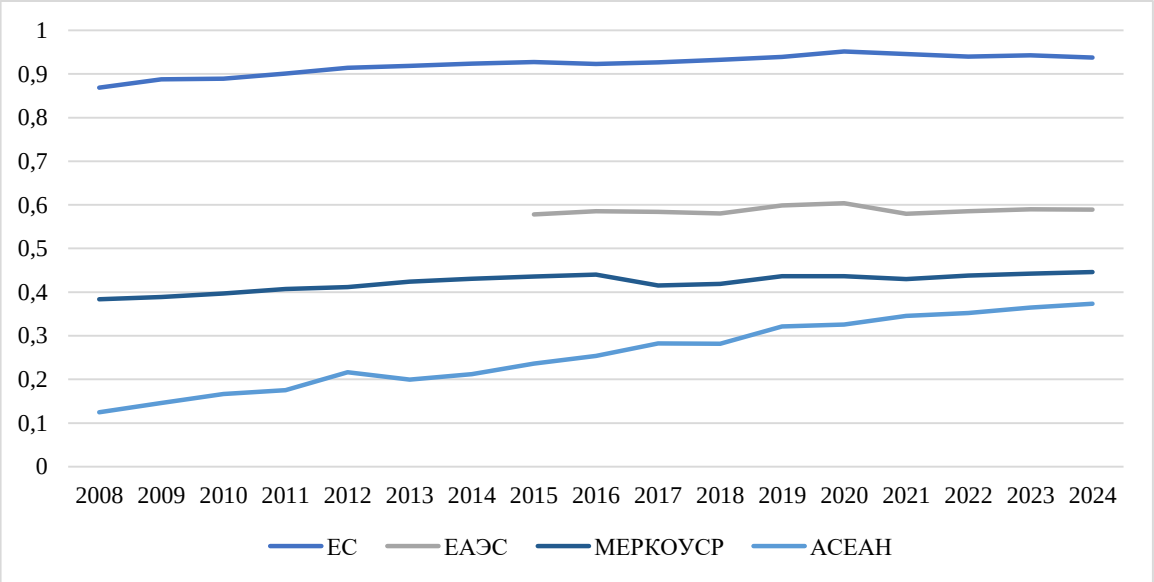

Рис. 3.4.2. Динамика технологического субиндекса ИИСУ (2008–2024 гг.)

Источник: рассчитано и составлено автором.

[369] Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data : [site]. — https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (accessed: 24.01.2026); Scientific and technical journal articles // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.JRN.ARTC.SC (accessed: 12.01.2026); Patent applications, residents // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD (accessed: 23.04.2026).

Энергетический субиндекс также отражает многомерный характер стратегической устойчивости в энергетической сфере, не сводимый к единственному показателю. Низкий уровень импортозависимости свидетельствует о наличии собственной ресурсной базы либо о способности стран-участниц покрывать внутренний спрос за счёт собственных источников. Доля возобновляемых источников энергии характеризует степень структурной диверсификации энергетического баланса. Энергоёмкость измеряет эффективность использования энергетических ресурсов при создании добавленной стоимости. Именно поэтому наличие природных ресурсов не гарантирует высокого энергетического субиндекса. В условиях сохраняющейся высокой энергоёмкости и медленного роста доли ВИЭ ресурсное преимущество частично нивелируется. Данное обстоятельство особенно значимо для интерпретации позиций ЕАЭС. Объединение располагает мощной ресурсной базой, однако итоговый энергетический субиндекс также учитывает эффективность потребления энергии и структуру энергетического баланса, что не позволяет конвертировать ресурсное преимущество в автоматически высокий результат. Для ЕС, напротив, высокая зависимость от внешних поставок частично компенсируется более активным развитием энергоэффективности и ВИЭ.

Наивысшее значение по энергетическому субиндексу в 2024 году демонстрирует МЕРКОСУР со значением 0,756. Данный результат достигается благодаря сочетанию умеренной импортной зависимости, сравнительно высокой доли возобновляемых источников энергии и благоприятной структуры энергоёмкости. При этом значимую роль в энергетическом профиле объединения играют гидроэнергетика, биотопливо и ресурсная база отдельных стран-участниц.

Энергетический субиндекс ЕС в том же году составляет 0,513. Его ключевой уязвимостью остаётся высокая зависимость от внешних поставок энергоносителей, особенно проявившаяся в условиях шоков после 2022 года. Вместе с тем данный риск частично компенсируется высокой

энергоэффективностью, динамичным развитием возобновляемых источников энергии и институциональной способностью к перестройке энергетического баланса. В этой связи энергетический субиндекс ЕС сохраняет стратегическую устойчивость за счёт качества адаптационных механизмов.

АСЕАН демонстрирует значение энергетического субиндекса на уровне 0,539, что отражает неоднородную структуру энергетического профиля объединения, сочетающего страны с собственной ресурсной базой и государства, критически зависящие от импорта энергоносителей. ЕАЭС при значении 0,298, напротив, отражает ситуацию, при которой выраженные ресурсные преимущества нивелируются высокой энергоёмкостью и низкой долей ВИЭ.

Структура энергетического субиндекса имеет особое значение для интерпретации позиций ЕАЭС. По физической энергетической независимости объединение демонстрирует выраженное преимущество: в 2024 году чистый импорт энергии составил −75,3% совокупного энергопотребления, что соответствует значительной нетто-экспортной позиции. Для сравнения, ЕС зависит от импорта на 60,1% совокупного потребления, АСЕАН — на 3,6%, МЕРКОСУР находится близко к балансу (−10,5%)[370]. Преобладание нетто-экспортной позиции ЕАЭС отражает мощную ресурсную базу объединения и присутствие в его составе крупных производителей энергоресурсов. Вместе с тем расширенная методика расчёта учитывает не только наличие ресурсов, но и качество энергетической модели. По доле возобновляемой энергии ЕАЭС располагает лишь 4,04%, тогда как у МЕРКОСУР этот показатель достигает 42,49%, у ЕС — 24,14%, у АСЕАН — 18,16%. Кроме того, энергоёмкость ЕАЭС (около 8,16) кратно превышает значения других объединений: 2,78 у ЕС, 3,50 у АСЕАН и 3,81 у МЕРКОСУР, вследствие чего энергетический

[370] Energy imports, net (% of energy use) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EG.IMP.CONS.ZS (accessed: 24.04.2026).

субиндекс ЕАЭС оказывается ниже того уровня, который мог бы сложиться при оценке лишь по одному параметру импортной зависимости[371].

Вместе с тем лидирующие позиции МЕРКОСУР в энергетическом блоке обусловлены не отсутствием внешних энергетических рисков, а относительной сбалансированностью его профиля. Импортная зависимость не является минимальной, однако высокая доля ВИЭ, включая гидроэнергетику и биоэнергетику, и умеренная энергоёмкость в совокупности формируют благоприятную картину. Европейский союз, напротив, остаётся чувствительным к внешним поставкам энергоносителей, однако проводимая политика энергоэффективности, ускоренное развитие ВИЭ и институциональная способность гибко перестраивать энергетический баланс позволяют удерживать субиндекс на сравнительно высоком уровне. АСЕАН демонстрирует смешанную модель: растущий промышленный спрос на энергию усиливает зависимость от импорта, тогда как расширение возобновляемой энергетики и повышение эффективности реализуются крайне неравномерно по странам (рис. 3.4.3).

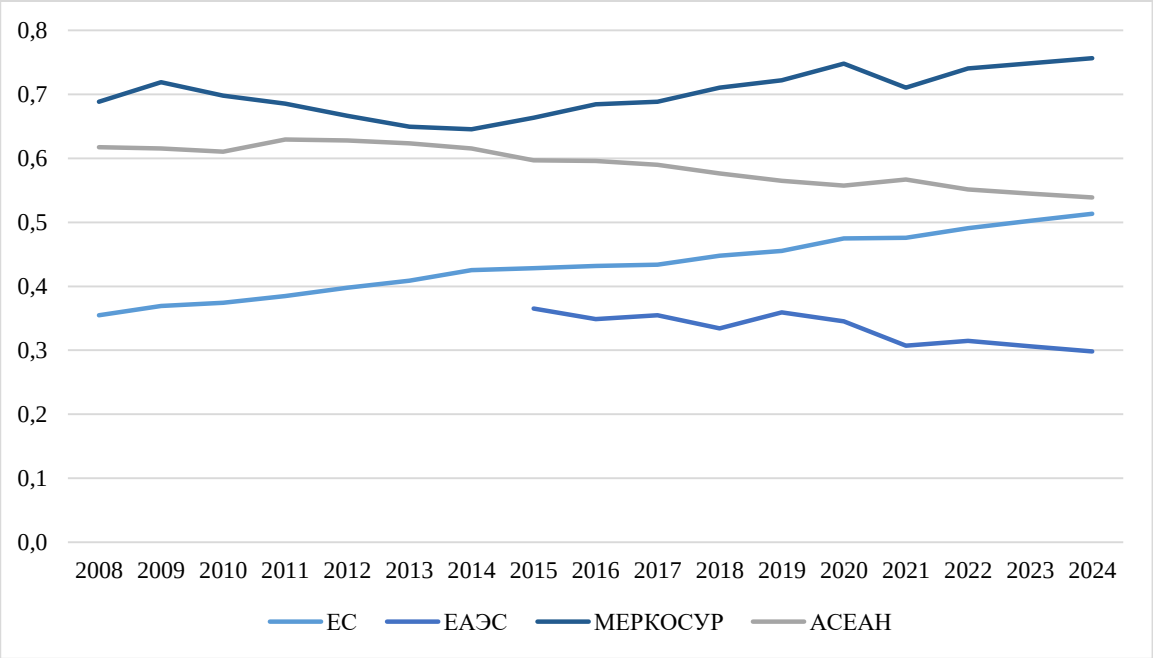

Рис. 3.4.3. Динамика энергетического субиндекса ИИСУ (2008–2024 гг.)

Источник: рассчитано и составлено автором.

[371] Renewable energy consumption (% of total final energy consumption) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EG.FEC.RNEW.ZS (accessed: 24.01.2026).

Продовольственный субиндекс также характеризуется многомерностью в контексте стратегической устойчивости. В частности, доля импорта продовольствия в товарном импорте отражает уязвимость объединений к внешним поставкам, но не раскрывает внутренний производственный потенциал. В этой связи в расчёт включены индекс продовольствия и урожайность зерновых, характеризующих состояние производственной базы и способность аграрного сектора обеспечивать устойчивое предложение в условиях внешних шоков.

Наибольший потенциал в продовольственной сфере закономерно демонстрирует МЕРКОСУР: в 2024 году его продовольственный субиндекс составил 0,823. Столь высокое значение определяется не только относительно низкой зависимостью от импорта продовольствия, но и наличием мощной производственной базы, основу которой создают Бразилия и Аргентина. Обладая прочными позициями в производстве зерновых, масличных культур, мяса и прочей сельскохозяйственной продукции, данные экономики обеспечивают устойчивость объединения к внешним шокам на продовольственных рынках.

Конкретные статистические данные за 2024 год подтверждают данную конфигурацию: доля продовольственного импорта в совокупном импорте МЕРКОСУР составила около 7,49%, индекс производства продовольствия — 116,15, а урожайность зерновых — порядка 4891 кг/га[372]. Подобное сочетание относительно низкой импортной зависимости, высокой производственной динамики и значительного аграрного потенциала свидетельствует о том, что продовольственный субиндекс МЕРКОСУР отражает не только текущую обеспеченность, но и экспортно-производственный потенциал, который

[372] Food imports (% of merchandise imports) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.FOOD.ZS.UN (accessed: 25.01.2026); Cereal yield (kg per hectare) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/AG.YLD.CREL.KG (accessed: 25.01.2026); Food Production Index (2014–2016 = 100) // Food and Agriculture Organization of the United Nations : [site]. — URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QI (accessed: 25.01.2026).

повышает способность объединения противостоять внешним ценовым и логистическим шокам.

Продовольственный субиндекс АСЕАН, значение которого в 2024 году составило 0,695, также свидетельствует о значительной устойчивости в данной сфере, однако её модель качественно отличается от модели МЕРКОСУР. Если преимущество последнего во многом определяется экспортным потенциалом крупных аграрных экономик, то в АСЕАН устойчивость формируется за счёт диверсифицированной аграрной базы, центральной роли базовых продовольственных культур и общего роста внутреннего производства. Эмпирически это выражается в сравнительно низкой доле продовольственного импорта (около 7,93%), высоком индексе производства продовольствия (104,69) и значительной урожайности зерновых (4431 кг/га) [373]. Тем не менее структурная неоднородность стран-участниц, неравномерная ресурсная обеспеченность и наличие государств, зависящих от импорта продовольствия, ограничивают агрегированный субиндекс.

Продовольственный субиндекс Европейского союза при значении 0,687 в 2024 году отражает модель сбалансированной устойчивости, в основе которой лежит высокопроизводительный аграрный сектор и развитая институциональная среда. ЕС располагает наиболее высокой среди рассматриваемых объединений урожайностью зерновых (около 5690 кг/га) и разветвлённой аграрной инфраструктурой, что формирует прочную внутреннюю производственную основу. Вместе с тем сравнительно высокая доля продовольственного импорта в общем импорте (11,14%) свидетельствует о сохраняющейся зависимости от внешних поставщиков, которая сдерживает итоговое значение субиндекса.

Иной профиль характерен для ЕАЭС, чей продовольственный субиндекс в том же году остановился на отметке 0,439. Объединение демонстрирует высокий индекс производства продовольствия (115,72), указывающий на значительный производственный потенциал, однако данный потенциал

[373] Там же.

реализуется не полностью. Сдерживающими факторами выступают сравнительно низкая урожайность зерновых (около 2222 кг/га), сопоставимая с европейским уровнем доля продовольственного импорта (11,20%)[374] и, что особенно важно, глубокая внутренняя неоднородность стран-участниц. Межстрановые различия в специализации аграрного производства, неравномерная ресурсная обеспеченность и разная степень импортозависимости внутри данного объединения не позволяют агрегированному показателю подняться выше (рис. 3.4.4).

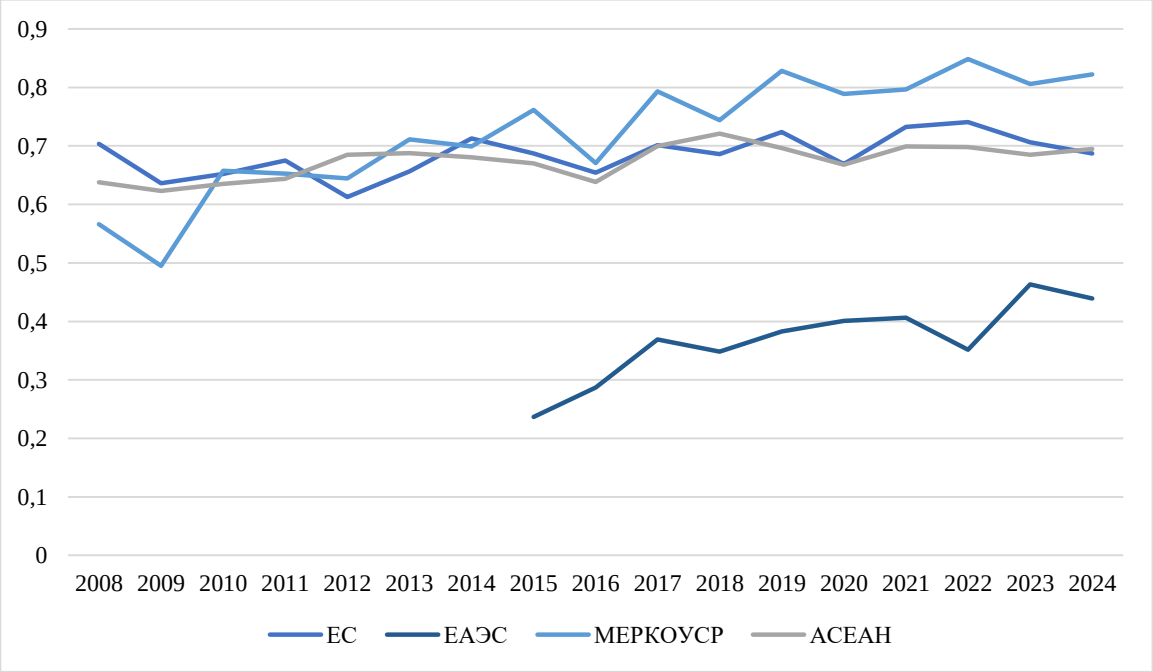

Рис. 3.4.4. Динамика продовольственного субиндекса ИИСУ (2008–2024 гг.)

Источник: рассчитано и составлено автором.

Проведённый структурный анализ позволяет не только осуществить объективное сравнительное ранжирование интеграционных объединений, но и служит эмпирическим основанием для верификации центральной исследовательской гипотезы. Результаты расчётов демонстрируют, что в контексте усиливающейся фрагментации мировой экономики парадигма

[374] Food imports (% of merchandise imports) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.FOOD.ZS.UN (accessed: 25.01.2026); Cereal yield (kg per hectare) // World Bank Open Data : [site]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/AG.YLD.CREL.KG (accessed: 25.01.2026); Food Production Index (2014–2016 = 100) // Food and Agriculture Organization of the United Nations : [site]. — URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QI (accessed: 25.01.2026).

оценки защищённости стран — участниц интеграционных объединений претерпевает значительную трансформацию. Автором установлено, что чистая экономическая выгода перестаёт быть имманентным и безусловным свойством интеграционного процесса, не являясь ни его неизбежным результатом на всех этапах, ни ключевой движущей силой в современных макроэкономических реалиях. В условиях фрагментации мировой экономики и нарастания глобальной неопределённости на первый план выходят не созидательные, а защитные и стратегические цели. Ключевой функцией стран-участниц становится адаптивное реагирование на трансформацию мирохозяйственных связей, направленное на обеспечение стратегической устойчивости.

Вместе с тем результаты индекса выявляют четыре качественно различные модели стратегической устойчивости. Лидерство ЕС обеспечено прежде всего его технологическим превосходством: высокая доля расходов на НИОКР, значительная публикационная и патентная активность обеспечивают ЕС более быструю адаптацию к внешним шокам, чем объединениям с выраженной ресурсной специализацией. МЕРКОСУР, напротив, представляет ресурсно-продовольственную модель устойчивости, в основе которой лежит мощный аграрный потенциал и сравнительно благоприятный энергетический профиль, однако слабость технологического блока ограничивает дальнейший рост и требует приоритетного развития научно-технической базы. АСЕАН отличает умеренная, но восходящая устойчивость, подкреплённая экономической динамикой, промышленным ростом и продовольственной обеспеченностью, однако глубокая внутренняя неоднородность по технологическим и энергетическим параметрам не позволяет ему достичь уровня, соответствующего его весу в мировой торговле и инвестициях. Наконец, ЕАЭС демонстрирует модель ресурсной обеспеченности, которая сама по себе не конвертируется в высокий интегральный индекс. Достижение более высокого уровня стратегической устойчивости требует от объединения

последовательного снижения энергоёмкости, усиления технологической и продовольственной составляющих и выравнивания структуры субиндексов.

Таким образом, разработанный и предложенный автором интеграционный индекс стратегической устойчивости представляет собой оригинальный и практически значимый аналитический инструментарий, позволяющий количественно оценить способность интеграционных объединений противостоять внешним шокам. Количественная оценка каждого из его компонентов представляет возможность получить интегральную оценку и на её основе осуществить объективное ранжирование интеграционных объединений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование, посвящённое разработке теоретико-методологических основ оценки эффективности международных интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости, позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов теоретического, методологического и прикладного характера, совокупность которых образует целостное представление о закономерностях трансформации интеграционных процессов в условиях фрагментации мировой экономики и формировании полицентричной архитектуры глобального хозяйства.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется глубокими структурными изменениями, затрагивающими основы международного экономического взаимодействия, сложившиеся после Второй мировой войны. На протяжении нескольких десятилетий доминирующей парадигмой развития выступала глобализация, понимаемая как процесс углубления взаимозависимости национальных экономик, либерализация трансграничного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также усиление роли наднациональных институтов регулирования. Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал переломным моментом, обнажившим системные уязвимости гиперглобализации и запустившим процессы, которые в совокупности могут быть охарактеризованы как феномен деглобализации. Пандемия COVID-19 и эскалация геополитической напряжённости, достигшая принципиально нового уровня в 2022 году, выступили мощнейшими катализаторами уже назревших тенденций, окончательно подорвав основы доверия между ведущими державами и придав процессам деглобализации необратимый и политически мотивированный характер. В условиях нарастающей турбулентности и фрагментации мирового экономического пространства именно интеграционные объединения начинают рассматриваться их участниками как естественные «гавани безопасности», позволяющие консолидировать ресурсы, снизить коллективную уязвимость перед

внешними шоками и укрепить переговорные позиции в условиях глобальной неопределённости. Данная трансформация функций и целеполагания интеграционных процессов потребовала принципиального переосмысления теоретических подходов к их анализу, разработки нового концептуального аппарата, способного объяснить, каким образом интеграционные объединения адаптируются к новой среде и чем определяется их устойчивость в условиях множественных кризисов.

В первой главе диссертационного исследования, посвящённой теоретическим основам и концептуальным подходам к исследованию международной экономической интеграции, автором был осуществлён комплексный анализ эволюции научных представлений о сущности, движущих силах и эффектах интеграционных процессов. Систематизация подходов к определению интеграции по научным областям позволила выявить междисциплинарный характер данного явления и обосновать необходимость разработки новой концептуальной модели, соответствующей современным условиям. Установлено, что категория «экономическая интеграция» характеризуется терминологической поливариантностью, отражающей сложность и многогранность самого феномена. Ретроспективный анализ эволюции научных школ и концепций экономической интеграции продемонстрировал отсутствие единой универсальной теоретической модели, способной в равной степени объяснить логику развития интеграционных процессов в различных регионах мира. Каждое из рассмотренных направлений обладает несомненными достоинствами, но одновременно характеризуется определёнными ограничениями, что обусловливает необходимость синтеза их положений применительно к современной реальности.

Ключевым теоретическим результатом диссертационного исследования стала разработка авторского подхода к исследованию стратегической интеграции, отражающей трансформацию интеграционных процессов в условиях фрагментации мировой экономики. По мнению автора, в отличие от классических подходов, движущей силой современной интеграции выступает

не столько максимизация взаимных экономических выгод, сколько обеспечение коллективной стратегической устойчивости — способности интеграционного объединения противостоять внешним шокам, сохранять суверенитет в критических сферах (технологической, энергетической и продовольственной) и реализовывать согласованные долгосрочные приоритеты в условиях турбулентной глобальной среды. В основе авторского подхода лежат четыре взаимосвязанных принципа: принцип стратегического суверенитета, предполагающий формирование коллективной способности интеграционного объединения обеспечивать независимость и глобальную конкурентоспособность в критически важных областях; принцип синергетической комплементарности, обеспечивающий интеграцию конкурентных преимуществ стран-участниц с целью формирования качественно новых компетенций на уровне всего объединения; принцип управляемой взаимозависимости, подразумевающий целенаправленное формирование производственно-технологических и ресурсных цепочек преимущественно в рамках интеграционных объединений с целью минимизации уязвимости к нарушениям трансграничных связей и геополитическим потрясениям; а также принцип проектно-ориентированной кооперации, включающий переход от регулятивно-гармонизирующей модели взаимодействия к совместной реализации масштабных стратегических инициатив, направленных на системное снижение критических внешних зависимостей. Важнейшим выводом настоящей главы является то, что концепция стратегической интеграции не подменяет собой традиционные формы интеграционного взаимодействия; её принципы могут реализовываться на разных стадиях формальной интеграции — от зоны свободной торговли до экономического и политического союза, — а эффективность интеграционного объединения в современных условиях определяется не положением на ступенях интеграции, а наличием согласованной стратегической повестки и политической воли стран-участниц к её реализации.

Для перехода от теоретической концепции к эмпирическому анализу автором были обоснованы три измерения коллективной стратегической устойчивости. Технологическое измерение отражает способность стран-участниц сохранять контроль над разработкой и производством критически значимых технологий и компонентной базой высокотехнологичной продукции. Энергетическое измерение — обеспечивать устойчивое энергоснабжение, включая обеспеченность внутренними энергоресурсами и диверсифицированность внешних источников поставок. Продовольственное измерение — покрывать совокупные потребности в продовольствии за счёт внутреннего производства или надёжных каналов внешних поставок. Каждое из трёх измерений операционализируется посредством трёх количественных показателей, в совокупности обеспечивающих его эмпирическую измеримость. Принципиальной методологической особенностью настоящего исследования является сравнение объединений, находящихся на различных формальных ступенях интеграции — от зоны свободной торговли (АСЕАН) до таможенного союза (МЕРКОСУР), общего рынка (ЕАЭС) и экономического и валютного союза (ЕС), — что позволило проверить гипотезу о том, что решающим фактором коллективной стратегической устойчивости выступает не институциональная зрелость как таковая, а конфигурация внутренних ресурсов и стратегических компетенций.

Во второй главе диссертационного исследования, посвящённой влиянию современных тенденций мировой экономики на динамику интеграционных процессов, автором был осуществлён комплексный анализ процессов деглобализации и фрагментации как ключевых тенденций современного этапа развития мировой экономики. Эмпирически доказано, что глобальный финансовый кризис 2008–2009 годов стал переломным моментом, после которого процессы глобализации сменились устойчивой тенденцией к деглобализации, что находит подтверждение в динамике ключевых макроэкономических индикаторов — замедлении темпов роста мирового ВВП, стагнации объёмов международной торговли, сокращении

трансграничных потоков капитала и уменьшении числа новых региональных торговых соглашений. Устойчивое превышение числа протекционистских мер над либерализационными отражает фундаментальный сдвиг в политике ведущих государств от максимизации экономической эффективности к обеспечению национальной безопасности и снижению критических зависимостей.

В ходе анализа фрагментации мировой экономики установлено, что данный процесс носит не стихийный, а политически мотивированный характер, выступая результатом целенаправленной деятельности государств по защите стратегических интересов. Доминирующее значение приобретает логика управления рисками, а не сравнительных преимуществ, что проявляется в переориентации торговых и инвестиционных потоков в пользу политически близких юрисдикций. Эмпирически доказано, что после 2022 года темпы роста торговли между политико-идеологическими блоками оказались ниже, чем темпы роста торговли внутри блоков, при этом опережающее развитие френдшоринга по сравнению с географически обусловленным ниаршорингом подтверждает приоритет геополитических факторов над экономическими при принятии инвестиционных решений. Фрагментация носит многомерный характер, охватывая не только торговую, но и финансовую, миграционную и политическую сферы[375]. Анализ динамики сводного индекса фрагментации позволил выделить ключевые этапы трансформации: период устойчивой глобализации 1990–2000-х гг., переломный момент глобального финансового кризиса 2008 года и фазу ускоренной фрагментации после 2022 года, когда военно-политические конфликты и обострение межгосударственной конфронтации стали катализаторами глубоких структурных изменений. Наиболее выраженный и устойчивый рост демонстрирует политическая фрагментация, что

[375] Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

подчёркивает первичность стратегических факторов в современной системе международных экономических отношений.

Анализ структурных сдвигов в глобальной экономической архитектуре подтвердил завершение эпохи однополярности и формирование полицентричной модели мироустройства. Ключевым содержанием данной трансформации выступает системное перераспределение экономического влияния в пользу развивающихся стран и интеграционных объединений с их участием, которые превращаются в самостоятельных акторов глобального экономического взаимодействия и новые центры притяжения торговых и инвестиционных потоков. Наиболее выраженной долгосрочной тенденцией выступает существенный рост доли Китая в мировом ВВП по ППС, а также формирование Индии в качестве третьего глобального центра экономической силы, увеличение доли в мировом ВВП которой стали следствием реализации комплекса структурных реформ и масштабных национальных программ. Особую значимость представляет положительная динамика АСЕАН, которая, выступая в качестве целостного интеграционного объединения, не только увеличила свою долю в глобальном ВВП, но и упрочила позиции центра привлечения прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли. К числу формирующихся центров экономической силы наряду с АСЕАН также могут быть отнесены ЕАЭС и МЕРКОСУР, демонстрирующие поступательную, хотя и сдержанную, положительную динамику.

В третьей главе диссертационного исследования, посвящённой сравнительной оценке эффективности интеграционных объединений в контексте стратегической устойчивости, автором была разработана и апробирована методика сравнительной оценки, организованная вокруг четырёх взаимосвязанных блоков — динамики благосостояния (измеряемой величиной ВВП на душу населения по ППС), интенсивности внутриблоковой торговли, объёмов взаимных прямых иностранных инвестиций и уровня стратегической устойчивости, измеряемой авторским интеграционным индексом стратегической устойчивости. Применение разработанной методики

позволило выявить нелинейный и неоднозначный характер соотношения между глубиной формальной интеграции и её экономической эффективностью.

Анализ динамики благосостояния подтвердил, что наиболее глубокие и институционально развитые объединения демонстрируют не только устойчивый рост среднего уровня ВВП на душу населения, но и выраженный конвергенционный эффект, выражающийся в сокращении разрыва в уровнях экономического развития между странами-участницами. Наиболее репрезентативным примером в данном отношении выступает Европейский союз, где поступательное институциональное развитие, подкреплённое масштабными инструментами структурной поддержки, обеспечило устойчивый рост благосостояния и сближение экономических показателей государств-основателей и стран, присоединившихся на более поздних этапах. Принципиально иная картина выявлена при анализе объединений, функционирующих на основе незавершённой интеграционной модели. В АСЕАН, несмотря на впечатляющую динамику совокупного роста уровня благосостояния и успешную интеграцию стран-участниц в глобальные цепочки создания стоимости, эффект конвергенции выражен весьма слабо, что проявляется в сохранении глубокой внутренней неоднородности и отсутствии наднациональных механизмов перераспределения. В ЕАЭС и МЕРКОСУР устойчивый рост благосостояния в отдельных странах-участницах достигается преимущественно за счёт внутренних факторов и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, а не выравнивающего воздействия наднациональных институтов.

Исследование динамики внутриблоковой торговли позволило выявить фундаментальные различия в логике интеграционного взаимодействия. ЕС, обладающий зрелым и ёмким внутренним рынком, сохраняет высокую долю взаимной торговли, что подтверждает её ключевую роль в экономическом развитии данного объединения. Вместе с тем долгосрочный тренд демонстрирует нелинейность и уязвимость даже этой сложившейся модели

перед лицом глобальных шоков, что стимулирует ЕС к активной диверсификации внешнеэкономических связей через заключение масштабных соглашений о свободной торговле с Индией и МЕРКОСУР. В АСЕАН, напротив, сложилась модель «открытого регионализма», при которой относительно невысокая и даже снижающаяся доля внутриблоковой торговли компенсируется стремительным ростом абсолютных объёмов внешнеторгового оборота и глубокой встроенностью региона в глобальные производственные цепочки. ЕАЭС и МЕРКОСУР демонстрируют общие черты модели интеграции, при которой относительно низкая интенсивность внутрирегиональных торговых связей обусловлена структурным сходством сырьевых экономик и сохраняющимися институциональными барьерами, а ключевым фактором развития становится переориентация на стратегических внешних партнёров.

Анализ динамики инвестиционных потоков выявил ещё более контрастные различия между объединениями. В ЕС внутриблоковые прямые иностранные инвестиции на протяжении десятилетий выступают системообразующим элементом, обеспечивая устойчивое движение капитала и формирование трансграничных производственных кластеров. В АСЕАН, несмотря на позитивную динамику абсолютных показателей, доля внутриблоковых ПИИ остаётся скромной, уступая место внешним источникам капитала, прежде всего из Китая, Японии и Республики Корея, что отражает сохраняющуюся фрагментарность инвестиционного ландшафта. Инвестиционные модели ЕАЭС и МЕРКОСУР характеризуются высокой степенью асимметрии и концентрации, при которой роль внутриблоковых потоков капитала вторична по отношению к внешним инвестициям, а процесс углубления инвестиционного взаимодействия сдерживается структурными диспропорциями и зависимостью от внерегиональных источников капитала, прежде всего Европейского союза.

Центральным результатом эмпирической части исследования стала разработка и апробация авторского интеграционного индекса стратегической

устойчивости, представляющего собой интегральный показатель для количественной оценки способности стран-участниц противостоять внешним шокам в условиях фрагментации мировой экономики. Он интегрирует три ключевых измерения — технологическое (расходы на НИОКР в % ВВП, публикационная и патентная активность на 1 млн населения), энергетическое (чистый импорт энергии в % энергопотребления, доля возобновляемой энергии в конечном потреблении, энергоёмкость ВВП) и продовольственное (доля импорта продовольствия в товарном импорте, индекс производства продовольствия, урожайность зерновых). Методика расчёта индекса соответствует общепринятым рекомендациям по построению композитных индикаторов и включает процедуру нормализации разнородных показателей с использованием логарифмической трансформации для публикационной и патентной активности, а также применение весовых, что обеспечивает объективное ранжирование интеграционных объединений по уровню их стратегической устойчивости.

Согласно расчётам индекса, наибольшей стратегической устойчивостью обладает ЕС, что обусловлено прежде всего его технологическим при относительно сбалансированных энергетическом и продовольственном субиндексах. МЕРКОСУР занимает второе место, демонстрируя ресурсно-продовольственную модель устойчивости, в основе которой лежит мощный аграрный потенциал и сравнительно благоприятный энергетический профиль при существенном отставании в технологическом измерении. АСЕАН занимает третье место, отличаясь умеренной, но восходящей устойчивостью, подкреплённой экономической динамикой и промышленным ростом, однако глубокая внутренняя неоднородность по технологическим и энергетическим параметрам не позволяет ему достичь уровня, соответствующего его весу в мировой торговле и инвестициях. ЕАЭС занимает четвёртое место, демонстрируя модель ресурсной обеспеченности, которая сама по себе не конвертируется в высокий интегральный индекс: несмотря на минимальную импортную зависимость в энергетической сфере, низкая доля возобновляемой

энергии и высокая энергоёмкость значительно понижают итоговый энергетический субиндекс, а технологическое отставание и недостаточная продовольственная обеспеченность сдерживают общий результат.

Полученные количественные оценки служат эмпирическим основанием для верификации центральной исследовательской гипотезы о том, что в условиях фрагментации мировой экономики и нарастающей глобальной неопределённости наблюдается фундаментальная трансформация процессов интеграции: чистая экономическая выгода перестаёт быть имманентным и безусловным свойством интеграционного процесса, а ключевой функцией интеграционных объединений становится обеспечение коллективной стратегической устойчивости. Эмпирически доказано, что соотношение между глубиной формальной интеграции и её эффективностью носит сложный, нелинейный характер: Европейский союз, находясь на высшей ступени интеграции (экономический и валютный союз), демонстрирует наибольшую стратегическую устойчивость, однако АСЕАН, формально занимающий нижнюю ступень (зона свободной торговли), опережает ЕАЭС (общий рынок) по интегральному показателю устойчивости, а МЕРКОСУР (таможенный союз) демонстрирует результат, сопоставимый с ЕС по ряду измерений. Таким образом, ключевым критерием эффективности интеграционного объединения выступает не его формальное положение на «лестнице интеграции», а реальная способность генерировать устойчивый рост благосостояния, обеспечивать конвергенцию уровней развития стран-участниц и противостоять внешним шокам на достигнутом уровне взаимодействия.

Проведённое исследование вносит существенный вклад в развитие теории международной экономической интеграции применительно к современным условиям фрагментации мировой экономики. Предложенный авторский подход к исследованию стратегической интеграции расширяет теоретические представления о функциях, движущих силах и критериях эффективности интеграционных объединений, смещая акцент с

традиционного анализа экономических выгод на исследование механизмов формирования коллективной стратегической устойчивости. Разработанная методология сравнительной оценки и интеграционный индекс стратегической устойчивости создают основу для дальнейших теоретических и прикладных исследований в данной области, позволяя количественно оценивать способность интеграционных объединений противостоять внешним шокам и вырабатывать обоснованные рекомендации для повышения их устойчивости.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы национальными органами власти и наднациональными структурами интеграционных объединений при разработке и корректировке долгосрочных стратегий развития, направленных на повышение стратегической устойчивости и укрепление конкурентных позиций, а также министерствами и ведомствами, отвечающими за внешнеэкономическую политику, для оценки рисков и выработки сбалансированной внешнеэкономической стратегии. Для ЕС приоритетной задачей остаётся снижение внешней энергетической уязвимости при одновременном удержании технологического лидерства. МЕРКОСУР располагает значительным резервом в усилении технологического блока, поскольку его ресурсно-продовольственный потенциал реализован на высоком уровне. Для АСЕАН ключевым направлением становится повышение инновационной автономии на основе имеющейся промышленной и торговой динамики. ЕАЭС сталкивается с необходимостью повышения эффективности использования имеющихся ресурсов, снижения энергоёмкости производства и наращивания технологического потенциала.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на углублённый анализ отраслевых аспектов стратегической интеграции, расширение круга рассматриваемых индикаторов (в частности, включение показателей запасов и резервов в энергетической и продовольственной сферах при условии появления сопоставимых панельных данных), а также на

разработку прогнозных сценариев развития интеграционных процессов в условиях продолжающейся трансформации глобальной экономической архитектуры. Особый интерес представляет применение разработанной методологии для верификации универсальности предложенных подходов и выявления дополнительных моделей стратегической устойчивости. Кроме того, перспективным направлением представляется анализ влияния цифровой трансформации и перехода к «зелёной» экономике на параметры технологического, энергетического и продовольственного суверенитета интеграционных объединений.

Таким образом, совокупность полученных результатов позволяет заключить, что современный этап развития мировой экономики характеризуется завершением эпохи доминирования традиционных центров силы и вступлением мира в фазу полицентричного развития, в рамках которой интеграционные объединения эволюционируют от универсальной модели либерализации к множественности адаптационных стратегий, реализуя уникальные стратегические специализации, определяемые их ресурсным потенциалом, географическим положением и институциональным дизайном. В этих условиях возрастает значение не только абсолютных показателей экономической мощи, но и способности стран и интеграционных объединений к эффективной мобилизации ресурсов и формированию стратегической повестки, обеспечивающей долгосрочную коллективную устойчивость. Фрагментация мировой экономики не приводит к сворачиванию интеграционных процессов, а придаёт им новое качество и селективную направленность, трансформируя интеграционные объединения в ключевых акторов, формирующих более сложную, полицентричную и многовекторную архитектуру глобальных хозяйственных связей, в рамках которой внутренняя консолидация и развитие прочных внутриблоковых связей становятся фундаментальным элементом обеспечения устойчивого экономического роста и стратегической устойчивости самих объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажан А. И. Замедление экономического роста и падение производства в ЕС / А. И. Бажан // Современная Европа. — 2021. — № 5. — С. 113–125.

2. Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки / А. А. Байков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 38–53.

3. Барановский В. Г. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? / В. Г. Барановский, В. Б. Кувалдин // Полис. Политические исследования. — 2023. — № 6. — С. 8–20.

4. Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе : некоторые вопросы теории и практики / В. Г. Барановский. — Москва : Наука, 1983. — 264 с.

5. Богомолов О. Т. Социалистическая экономическая интеграция / О. Т. Богомолов. — Москва : Мысль, 1976. — 263 с.

6. Буторина О. В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции / О. В. Буторина // Международные процессы. — 2024. — Т. 22, № 3–4. — С. 6–28.

7. Буторина О. В. К 10-летию кафедры европейской интеграции / О. В. Буторина, Н. Ю. Кавешников // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4. — С. 59–70.

8. Буторина О. В. Юрий Борко — классик исследований европейской интеграции в России / О. В. Буторина // Современная Европа. — 2024. — № 1. — С. 7–23.

9. Глазьев С. Ю. Как построить Большое европейское пространство / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 3. — С. 9–14.

10. Громыко А. А. (Дез)интеграционные процессы: кризис глобального мира / А. А. Громыко // Обозреватель. — 2020. — № 7. — С. 24–38.

11. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. — Москва : Дело, 2002. — 566 с.

12. Иноземцев Н. Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия / Н. Н. Иноземцев. — Москва : Мысль, 1972. — 341 с. — (Социально-экономические проблемы / XXIV съезд КПСС).

13. Камолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономики / О. О. Камолов // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 34–47.

14. Канаев Е. А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в Юго-Восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги / Е. А. Канаев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 1, № 1. — С. 32–46.

15. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. — 2013. — № 6. — С. 4–28.

16. Кондратьева Н. Б. Европейская модель интеграции рынков: становление и перспектива : монография / Н. Б. Кондратьева ; Рос. акад. наук, Ин-т Европы Рос. акад. наук. — Москва : РАН, 2020. — 376, [7] с.

17. Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе, 2024 год : стат. бюл. / Евраз. экон. комис. — Москва : ЕЭК, 2025. — 24 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/a54/luyef738jvrwn8loi9qnhvh3q83sy0r1/finstat_5_f_2024.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

18. Сидорова Е. А. Стратегическая автономия Европейского союза Евросоюза в экономике: концепция и проблемы реализации / Е. Сидорова, А. Сидоров // Международные процессы. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 119–142.

19. Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений / Евраз. экон.

комиссия, Департамент макроэкон. политики, Межгос. банк. — Москва : ЕЭК, 2019. — 91 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

20. Спартак А. Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам / А. Н. Спартак // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 13–37.

21. Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы / А. В. Торкунов // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 7–22.

22. Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики / Б. А. Хейфец // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19, № 4. — С. 7–22.

23. Чикова А. Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики / А. Е. Чикова // Право и управление. XXI век. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 91–101.

24. Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию / А. Е. Чикова // Экономика и управление. — 2026. — Т. 32, № 3. — С. 325–340.

25. Чикова А. Е. Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран / А. Е. Чикова // Право и управление. XXI век. — 2025. — Т. 21, № 1. — С. 196–206.

26. Чикова А. Е. Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений / А. Е. Чикова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2026. — № 1. — С. 93–104.

27. Чикова А. Е. Сравнительная оценка стратегической устойчивости интеграционных объединений в условиях фрагментации мировой экономики / А. Е. Чикова // Вестник университета. — 2026. — № 3. — С. 199–211.

28. Чикова А. Е. Трансформация интеграционных процессов в условиях деглобализации мировой экономики / А. Е. Чикова // Право и управление. XXI век. — 2026. — Т. 22, № 1. — С. 150–165.

29. Чикова А. Е. Формирование новых центров силы экономического влияния в условиях современного мирового порядка / А. Е. Чикова // Финансы и кредит. — 2026. — № 1. — С. 182–202.

30. Шаповалов В. В. Интернационализация юаня // Международные процессы / В. В. Шаповалов. — 2020. — Т. 18, № 3. — С. 85–95.

31. Шишков Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее / Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 4. — С. 54–63.

32. Шмелёв Н. П. Российские реалии: процессы региональной интеграции и экономической трансформации / Н. П. Шмелёв, В. П. Фёдоров // Белорусский экономический журнал. — 2013. — № 2. — С. 43–56.

33. Яковлев П. П. МЕРКОСУР: позади 30 лет. Что впереди? / П. П. Яковлев // Российский внешнеэкономический вестник. — 2021. — № 11. — С. 30–48.

34. Abeliansky A. OeNB Report 2024/8: (De)globalization monitor: capital flows and cross-border investment / A. Abeliansky, C. A. Belabed, J. Mayrhube // Oesterreichische Nationalbank (OeNB) : [site]. — 2024. — URL: https://www.oenb.at/Publikationen/Volkswirtschaft/reports/2024/report-2024-8-deglobalization/html-version.html (accessed: 23.06.2025).

35. Acharya A. Comparative regionalism: a field whose time has come? / A. Acharya // The International Spectator. — 2012. — Vol. 47, iss. 1. — P. 3–15.

36. Allais M. Économie et intérêt: présentation nouvelle des problèmes fondamentaux de la régulation économique / M. Allais. — Paris : Imprimerie Nationale, 1947. — 632 p.

37. An overview of agricultural development of Russia // Eurasian Research Institute : [site]. — URL: https://www.eurasian-research.org/publication/an-overview-of-agricultural-development-of-russia (accessed: 14.05.2026).

38. ASEAN continues to attract heavy FDI inflow despite a 11% drop globally // Thai Enquirer : [site]. — URL: https://www.thaienquirer.com/54423/asean-continues-to-attract-heavy-fdi-inflow-despite-a-11-drop-globally (accessed: 02.02.2026).

39. ASEAN Statistical Highlights, 2025 / ASEAN Secretariat. — Jakarta, 2025. — 7 p. – URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf (accessed: 25.12.2025).

40. Balance of payment (BOP) // International Monetary Fund : [site]. — URL: https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0) (accessed: 24.01.2026).

41. Balassa B. The theory of economic integration / B. Balassa. — Homewood : Richard D. Irwin, 1961. — 304 p.

42. Baldwin R. 21st century regionalism: filling the gap between 21st century trade and 20th century trade rules / R. Baldwin // CEPR : [site]. — 2011. — 20 May. — URL: https://cepr.org/publications/policy-insight-56-21st-century-regionalism-filling-gap-between-21st-century-trade-and (accessed: 03.05.2025).

43. Baldwin R. The great convergence: information technology and the new globalization / R. Baldwin. — Cambridge : Harvard University Press, 2016. — 329 p.

44. Beyer R. Economic benefits from deep integration: 20 years after the EU Enlargement / R. Beyer, C. Y. Li, S. Weber / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2025. — 21 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 25/47). — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2025/english/wpiea2025047-print-pdf.pdf (accessed: 02.03.2026).

45. Bhagwati J. The world trading system at risk / J. Bhagwati. — Princeton : Princeton University Press, 1991. — 156 p.

46. Blanga-Gubbay M. Is the global economy fragmenting? / M. Blanga-Gubbay, S. Rubínová ; World Trade Organization, Economic Research and Statistics Division. — Geneva : WTO, 2024. — 23 p. — (Staff Working Paper: Research ; ERSD-2023-10). — URL:

https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202310_e.pdf (accessed: 02.03.2026).

47. Bolhuis M. A. Fragmentation in global trade : accounting for commodities / M. A. Bolhuis, J. Chen, B. Kett ; International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2023. — 34 p. — (IMF Working Paper ; no. WP 23/73). — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023073-print-pdf.pdf (accessed: 02.02.2026).

48. Bolhuis M. A. The cost of geoeconomic fragmentation : disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19 / M. A. Bolhuis, J. Chen, B. Kett // International Monetary Fund : [site]. — 2023. — URL: https://www.imf.org/en/publications/fandd/issues/2023/06/the-costs-of-geoeconomic-fragmentation-bolhuis-chen-kett (accessed: 15.05.2026).

49. Börzel T. A. Comparative regionalism : a new research agenda / T. A. Börzel. — Berlin : Freie Universität, 2011. — 38 p. – (KFG working paper series ; no. 28).

50. Bown C. P. The 2018 US–China trade conflict after 40 years of special protection / C. P. Bown // China Economic Journal. — 2019. — Vol. 12, iss. 2. — P. 109–136.

51. Brexit: UK leaves EU after 47 years // European Commission : [site]. — 2019. — 25 November. — URL: https://ec.europa.eu/newsroom/councileu/items/663312/en (accessed: 28.04.2026).

52. Cash J. China’s trade ends 2025 with record $1.2 trillion surplus despite Trump tariff jolt / J. Cash, X. Chen // Reuters : [site]. — 2026. — January 16. — URL: https://www.reuters.com/world/china/chinas-trade-ends-2025-with-record-trillion-dollar-surplus-despite-trump-tariffs-2026-01-14 (accessed: 02.02.2026).

53. China’s economic recovery: transitioning to high-quality growth // ASEAN+3 Macroeconomic Research Office : [site]. — URL: https://amro-asia.org/chinas-economic-recovery-transitioning-to-high-quality-growth (accessed: 16.12.2025).

54. China’s investment stock in Eurasia Exceeds US $66 billion: a new report by the EDB // Eurasian Development Bank : [site]. — 2025. — 25 December. — URL: https://eabr.org/en/press/news/china-s-investment-stock-in-eurasia-exceeds-us-66-billion-a-new-report-by-the-edb (accessed: 12.11.2026).

55. Constantinescu C. The global trade slowdown: cyclical or structural? / C. Constantinescu, A. Mattoo, M. Ruta ; International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2015. — 44 p. — (IMF Working Paper ; WP/15/6) — URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf (accessed: 28.04.2026).

56. Cross-border payments integration in Latin America and the Caribbean / D. Drakopoulos, Y. Mu, D. Vasilyev, M. Villafuerte // IMF eLibrary : [site]. — 2024. — 14 June. — URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2024/119/article-A001-en.xml (accessed: 30.11.2025).

57. Development prospects in a fractured world: global disorder and regional responses : trade and development report, 2022. Chapter 4. Regional integration: issues at stake / UN Trade and Development (UNCTAD). — Geneva : UNSTAD, 2022. — 123 p. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_ch4_en.pdf? (accessed: 09.10.2025).

58. Drysdale P. International economic pluralism: economic policy in East Asia and the Pacific / P. Drysdale. — New York : Columbia University Press, 1988. — 294 p.

59. Economic resilience // Sustainable Prosperity : [site]. — URL: https://sustainable-prosperity.eu/sustainable-prosperity/economic-resilience (accessed: 05.02.2026).

60. Economics in the time of COVID-19 / Center for Economic Policy Research ; ed. by R. Baldwin and B.W. di Mauro. — London : CEPR Press, 2020. — 123 p.

61. El-Agraa A. M. The European Union : economics and policies / A. M. El-Agraa. — 9th ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — XXVII, 489 p.

62. Etzioni A. Political unification : a comparative study of leaders and forces / A. Etzioni. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1965. — 346 p.

63. EU Direct investment flows, by country and economic activity (BPM6) // European Commission : [site]. —2026. — 08 May. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/product?mode=view&code=bop_fdi6_flow (accessed: 18.05.2026).

64. Euro area international trade in goods surplus €9.9 bn // European Commission : [site]. — 2026. — 15 January. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/6-15012026-bp (accessed: 08.04.2026).

65. European Regional Development Fund // European Commission : [site]. — URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/funding/erdf_en (accessed: 09.08.2025).

66. Fernández-Villaverde J. Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effects / J. Fernández-Villaverde, T. Mineyama, D. Song ; National Bureau of Economic Research. — Cambridge : NBER, 2024. — 66 p. — (NBER working paper series ; 32638) URL: https://www.nber.org/papers/w32638 (accessed: 06.01.2026).

67. Fernández-Villaverde J. Geopolitical Fragmentation Index : [site] / J. Fernández-Villaverde, T. Mineyama, D. Song. — URL: https://geopol-fragmentation-index.com (accessed: 17.01.2026).

68. Flows of Inward Foreign Direct Investment (FDI) to ASEAN by source country and industry (in million US$) // ASEAN Statistics Web Portal : [site]. — URL: https://data.aseanstats.org/fdi-by-sources-and-sectors (accessed: 22.12.2025).

69. Fragmenting foreign direct investment hits emerging economies hardest / J. B. Ahn, A. Habib, D. Malacrino, A. F. Presbitero // International Monetary Fund : [site]. — 2023. — April 5. — URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2023/04/05/fragmenting-foreign-direct-investment-hits-emerging-economies-hardest (accessed: 02.02.2025).

70. Friedrich C. Constitutional government and politics, nature and development / C. Friedrich. — New York : London : Harper & Brothers Publishers, 1937. —XVI, 591 p.

71. Geo-economics & resilience // World Economic Forum : [site]. — URL: https://initiatives.weforum.org/strategic-intelligence-community/geoeconomics-and-resilience (accessed: 03.03.2026).

72. Geopolitical resilience // American Society for Industrial Security : [site]. — URL: https://www.asisonline.org/security-management-magazine/articles/2025/11/geopolitical-resilience/times-of-uncertainty (accessed: 22.12.2025).

73. Georgieva K. Why we must resist geoeconomic fragmentation — and how / K. Georgieva, G. Gopinath, C. Pazarbasioglu // International Monetary Fund : [site]. — 2022. — May 22. — URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geoeconomic-fragmentation (accessed: 01.05.2025).

74. Global foreign investment falls 3% in first half of 2025, hitting industry and infrastructure // UN Trade and Development (UNCTAD) : [site]. — 2025. — 31 October. — URL: https://unctad.org/news/global-foreign-investment-falls-3-first-half-2025-hitting-industry-and-infrastructure (accessed: 15.01.2026).

75. Global Innovation Index 2024: unlocking the promise of social entrepreneurship // World Intellectual Property Organization : [site]. — URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2024 (accessed: 03.05.2026).

76. Global trade outlook and statistics, April 2025 / World Trade Organization. — Geneva : WTO Secretariat, 2025. — 40 p. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (accessed: 23.12.2025).

77. Globalization, growth, and poverty : building an inclusive world economy / World Bank. — Washington : World Bank, 2002. — 192 p. — (A World Bank policy research report ; 23591). — URL:

https://documents1.worldbank.org/curated/en/954071468778196576/pdf/multi0page.

78. Gopinath G. Navigating fragmentation, conflict, and large shocks / G. Gopinath // International Monetary Fund : [site]. — 2024. — June 21. — URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2024/06/21/sp062124-fdmd-nbu-nbp-annual-research-conference (accessed: 09.07.2025).

79. Guild J. What's the deal with Trump's trade agreements in Southeast Asia? / J. Guild // The Diplomat : [site]. — 2025. — July 29. — URL: https://thediplomat.com/2025/07/whats-the-deal-with-trumps-trade-agreements-in-southeast-asia (accessed: 02.02.2026).

80. Haas E. B. The uniting of Europe : political, social and economic forces, 1950–1957 / E. B. Haas. — Redwood City : Stanford University Press, 1958. — 552 p.

81. Hettne B. The new regionalism approach / B. Hettne, F. Söderbaum // Politeia. — 1998. — Vol. 17, iss. 3. — P. 6–21.

82. Important Projects of Common European Interest (IPCEI) // Competition Policy — European Commission : [site]. — URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/ipcei_en (accessed: 20.04.2026).

83. Ing L. Y. ASEAN between China and the US: navigating a 'no single power' global order / L. Y. Ing // The Diplomat : [site]. — 2025. – December 05. — URL: https://thediplomat.com/2025/12/asean-between-china-and-the-us-navigating-a-no-single-power-global-order (accessed: 02.02.2026).

84. Integration of the economies in transition into the world economy: the role of the United Nations : report of the Secretary-General / United Nations, General Assembly. — 1993, 4 October. — 30 p. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/174970?ln=en&v=pdf (accessed: 02.04.2025).

85. International investment agreements navigator // UNCTAD Investment Policy Hub : [site]. — URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements (accessed: 01.02.2026).

86. Intra-EU trade in goods — main features // European Commission [site]. — 2026. — April. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Intra-EU_trade_in_goods_-_main_features (accessed: 09.12.2025).

87. Investment cooperation in the Eurasian region based on EDB monitoring of mutual investments / Kuznetsov A., Malakhov A., Omarov A. [et al.] ; Vinokurov E. (ed.) ; Eurasian Development Bank. — Almaty : EDB, 2025. — 57 p. — URL: https://eabr.org/en/analytics/special-reports/investment-cooperation-in-the-eurasian-region (accessed: 31.12.2025).

88. Kammer A. Europe’s integration imperative / A. Kammer // F&D Magazine. — 2025. — June. — P. 18–23. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/fandd/article/2025/06/kammer.pdf (accessed: 07.09.2025).

89. Keohane R. O. Power and interdependence : world politics in transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. — Boston : Little, Brown and Company, 1977. — 273 p.

90. Kindleberger C. P. Foreign trade and the national economy / C. P. Kindleberger. — New Haven and London : Yale University Press, 1962. — 265 p. — (Studies in comparative economics ; 2).

91. Krugman P. Geography and trade / P. Krugman. — Leuven : Leuven University Press ; Cambridge : MIT Press, 1991. — XI, 142 p.

92. Krugman P. Is bilateralism bad? / P. Krugman ; National Bureau of Economic Research. — Cambridge : MIT Press, 1989. — 22, [3] p. — (Working paper ; 2972).

93. Lindberg L. N. The political dynamics of European economic integration / L. N. Lindberg. — Stanford : Stanford University Press ; London : Oxford University Press, 1963. — XIV, 367 p.

94. List F. Das nationale System der Politischen Ökonomie / F. List. — Stuttgart : J. G. Cotta, 1841. — 587 s.

95. Machlup F. A history of thought on economic integration / F. Machlup. — New York : Columbia University Press, 1977. — 323 p.

96. Marshall A. Principles of economics / A. Marshall. — London ; New York : Macmillan, 1890. — VII, 750 p.

97. Massel B. F. Price stabilization and welfare / B. F. Massel // The Quarterly Journal of Economics. — 1969. — Vol. 83, iss. 2. — P. 284–298.

98. Meade J. E. The theory of customs unions / J. E. Meade. — Amsterdam : North-Holland, 1955. — 121 p.

99. Members confront Doha Round deadlock with pledge to seek meaningful way out // World Trade Organization : [site]. — 2011. — 29 April. — URL: https://www.wto.org/english/news_e/news11_e/tnc_dg_infstat_29apr11_e.htm (accessed: 28.04.2026).

100. Mitrany D. A working Peace System : an argument for the functional development of international organization / D. Mitrany. — London : Royal Institute of International Affairs, 1943. — 56 p.

101. Monnet J. Mémoires / J. Monnet. — Paris : Fayard, 1976. — 642 p.

102. Montaruli F. Global trade, capital flows and deglobalization: a literature review / F. Montaruli ; Oesterreichische Nationalbank (OeNB). — Vienna: OeNB, 2025. — 33 p. — (Occasional Paper ; 15). — URL: https://www.oenb.at/dam/jcr:4081f74d-3d34-4232-86a4-cc5fd94b396d/occasional-paper-no-15.pdf (accessed: 04.12.2025).

103. Moravcsik A. The choice for Europe : social purpose and state power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. — Ithaca : Cornell University Press, 1998. — XII, 512 p.

104. OECD economic surveys: Argentina 2025 / Organization for Economic Co-operation and Development. — Paris : OECD Publishing, 2025. — 130 p. — URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/07/oecd-economic-surveys-argentina-2025_4a5ddf67/27dd6e27-en.pdf (accessed: 02.02.2026).

105. Pinder J. European community and nation-state: a case for a neo-federalism? / J. Pinder // International Affairs. — 1985. — Vol. 62, iss. 1. — P. 41–54.

106. Pisani-Ferry J. The economic policy consequences of the war / J. Pisani-Ferry // Bruegel : [site]. — URL: https://www.bruegel.org/policy-brief/economic-policy-consequences-war (accessed: 13.02.2026).

107. Pistone S. L'integrazione Europea: uno schizzo storico / S. Pistone. — Torino : UTET Libreria, 1999. — 100 p.

108. Playing with blocs: quantifying decoupling / B. Bonadio, Z. Huo, E. Kan [et al.] // IMF eLibrary : [site]. — 2025. — URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2025/263/article-A001-en.xml (accessed: 21.07.2025).

109. Putnam R. D. Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games / R. D. Putnam // International Organization. — 1988. — Vol. 42, no. 3. — P. 427–460.

110. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // The Association of Southeast Asian Nations : [site]. — URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep (accessed: 23.02.2026).

111. Reinsch P. S. Public international unions : their work and organization : a study in international administrative law / P. S. Reinsch. — Boston : Ginn & Company, 1911. — 190 p.

112. Rodrik D. Populizm and the economic globalization / D. Rodrik ; National Bureau of Economic Research. — Cambridge : NBER, 2017. — 45 p. — (NBER working paper series ; 23559). — URL: https://www.nber.org/papers/w23559 (accessed: 02.02.2026).

113. Rodrik D. The globalization paradox : democracy and the future of the world economy / D. Rodrik. — New York : W.W. Norton & Company, 2011. — XXII, 322 p.

114. Rolfe S. E. The international corporation / S. E. Rolfe. — Paris : International Chamber of Commerce, 1969. — 202 p.

115. Röpke W. International order and economic integration / W. Röpke. — Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1959. — VIII, 276 p.

116. Rostow W. W. The stages of economic growth : a non-communist manifesto / W. W. Rostow. — Cambridge : Cambridge University Press, 1960. — 178 p.

117. Rueff J. L'orde social : [en 2 vol.] / J. Rueff. — Paris : Recueil Sirey, 1945. — 2 vol.

118. Sachs J. D. Economic reform and the process of global integration / J. D. Sachs, A. Warner. — Washington : The Brookings Institution Press, 1995. — 118 p.

119. Schmitter P. C. Three neo-functional hypotheses about international integration / P. C. Schmitter // International Organization. — 1969. — Vol. 23, iss. 1. — P. 161–166.

120. Slepnev A. Andrey Slepnev: "The Joint EAEU — PRC Commission proposed decisions on key matters of the mutual trade agenda" // Eurasian Economic Commission: [site]. — 2025. — November 12. — URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/andrey-slepnev-na-sovmestnoy-komissii-eaes-knr-predlozheny-resheniya-po-klyuchevym-voprosam-povestki (accessed: 02.02.2026).

121. Sorokin P. A. Society, culture, and personality: their structure and dynamics : a system of general sociology / P. A. Sorokin. — New York : Harper & Brothers, 1947. — XIV, 742 p.

122. Spinelli A. Il Manifesto di Ventotene "Per un'Europa libera e unita" / A. Spinelli, E. Rosssi. — Ventotene, 1941. — 25 p.

123. Spinelli A. La mia battaglia per un'Europa diversa / A. Spinelli. — Manduria : Lacaita, 1979. — 193 p.

124. Strengthening resilience to threats and crises / Food and Agriculture Organization of the United Nations. — 2016. — 4 p. — URL:

https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/i5342e (accessed: 17.05.2026).

125. The politics of the developing areas / J. S. Coleman, L. W. Pee, M. Weiner [et al.] ; ed. G. A. Almond, J. S. Coleman. — Princeton : Princeton University Press, 1960. — XII, 591 p.

126. The rise of post-hegemonic regionalism : the case of Latin America / eds. P. Riggirozzi and D. Tussie. — Dordrecht ; New York : Springer, 2012. — XVII, 194 p.

127. The state of globalisation / Center for Economic Policy Research ; ed. by R. Baldwin and M. Ruta. — London : CEPR Press, 2025. — 112 p.

128. Theories of new regionalism : a Palgrave Macmillan reader / ed. by F. Söderbaum and T. M. Shaw. — London : Palgrave Macmillan, 2003. — 270 p.

129. Tinbergen J. Reshaping the international order / J. Tinbergen // Futures. — 1976. — Vol. 8, iss. 6. — P. 553–556.

130. Trump 2.0 tariff tracker / M. Lowell, P. Heeren, J. Angotti [et al.] // Trade Compliance Resource Hub : [site]. — 2026. — May 7. — URL: https://www.tradecomplianceresourcehub.com/2025/12/09/trump-2-0-tariff-tracker (accessed: 02.06.2026).

131. Uncertainty is the new tariff, costing global trade and hurting developing economies // UN Trade and Development (UNCTAD) : [site]. — 2025. — 01 September. — URL: https://unctad.org/news/uncertainty-new-tariff-costing-global-trade-and-hurting-developing-economies (accessed: 07.12.2025).

132. Valovaya T. Eurasian economic integration: origins, patterns, and outlooks / T. Valovaya // EDB Eurasian Integration Yearbook. — 2012. — P. 42–61. — URL: https://eabr.org/upload/iblock/ab1/a_n5_2012_07.pdf (accessed: 30.11.2025).

133. Viner J. Studies in the theory of international trade / J. Viner. — New York : Harper and Brothers Publishers, 1937. — XV, 650 p.

134. 5 Ways to make agriculture and food systems more resilient // UNDP Climate Promise : [site]. — 2025. — October 16. — URL:

https://climatepromise.undp.org/news-and-stories/5-ways-make-agriculture-and-food-systems-more-resilient (accessed: 01.11.2025).

135. Weymouth S. Digital disintegration: techno-blocs and strategic sovereignty in the AI era / S. Weymouth // International Organization. — 2025. — Vol. 79, iss. spec. 1. — P. 57–70.

136. World Economic and Social Survey 2017 : reflecting on 70 years of development policy analysis / United Nations Secretariat, Department of Economic and Social Affairs. — Washington : UN publication, 2017. — 216 p. — URL: https://policy.desa.un.org/sites/default/files/inline-images/eapd2023/publication/WESS_2017-FullReport.pdf (accessed: 01.03.2026).

137. World economic outlook : a rocky recovery / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2023. — 206 p. — — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2023/april/english/text.pdf (accessed: 02.02.2026).

138. World economic outlook update : global economy: tenuous resilience amid persistent uncertainty / International Monetary Fund. — Washington : IMF, 2025. — 12 p. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/07/29/world-economic-outlook-update-july-2025 (accessed: 17.12.2025).

139. World energy statistics and balances : database documentation // International Energy Agency. — URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-statistics-and-balances (accessed: 12.05.2026)

140. York E. Tracking the impact of the Trump tariffs & trade war / E. York, A. Durante // Tax Foundation : [site]. — 2026. — May 6. — URL: https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war (accessed: 20.05.2026).

141. Zavyalova E. B. The 4th industrial revolution and digital transformation: changes and challenges / E. B. Zavyalova, M. V. Safronchuk, A. E. Burzhinskaya // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. — 2022. — Vol. 16, iss.2/3/4. — P. 417–433.